

Довкость лап

Коты
из
Вистерии-Хилл
2

Софи Келли

О Книге

Кэтлин Поулсон, библиотекарь из маленького городка, никогда не мечтала стать сумасшедшей кошатницей. Но в её доме появились Оуэн и Геркулес, и она поняла, что это не игры разума — у её котов настоящие магические способности. А когда возле любимого кафе Кэтлин обнаруживают труп доброй старушки Агаты Шепард, способность Оуэна становиться невидимым и умение Геркулеса проходить через стены помогают котам отыскать ключ к разгадке. Здесь замешаны чьи-то тёмные тайны, и придётся действовать скрытно, чтобы выйти на след хладнокровного убийцы.

Переведено группой «Исторический роман» в 2019 году.

Домашняя страница группы В Контакте:

http://vk.com/translators_historicalnovel

Над переводом работали: nvs1408, mrs_owl

Под редакцией: gojungle

Подписывайтесь на нашу группу В Контакте!

Карта 5599005006193283

Яндекс Деньги 410011291967296

WebMoney

рубли R142755149665

доллары Z309821822002

евро E103339877377

PayPal и др: **https://vk.com/translators_historicalnovel? w=app5727453_-76316199**

Ловкость лап Софи Келли

Котам ни к чему двери...

К квартире вели ступеньки с задней стороны дома. Я опустила сумку на пол закрытой веранды, наверху лестницы. Геркулес высунул голову и огляделся по сторонам.

— Ни звука, — предупредила я. — Не мяукать, не топать и даже не урчать. Ребекка будет здесь через минуту.

Я наклонилась застегнуть сумку, кот выпрыгнул, посмотрел направо, потом налево — и исчез, прошёл сквозь дверь прежде, чем я успела его схватить. Прямо через закрытую дверь. Сердце остановилось. Я опустила на корточки. Геркулес несомненно исчез. Просочился сквозь толстую прочную дверь.

Этого про своего кота я не могла рассказать никому. Он умел проходить через любые твёрдые предметы — двери, стены в ладонь толщиной, бетонные фундаменты. Я понятия не имела, как он это делает. Вообще-то, когда я первый раз увидела, как он играючи проходит сквозь деревянную дверь библиотеки, то решила, что у меня галлюцинации. Или даже удар.

Ведь коты не умеют ходить сквозь двери и стены... или всё же умеют?

1

Было совершенно понятно, что во внедорожник Ромы тело не помещается. Ноги свисали наружу, почти касаясь подъездной дорожки.

— Может, просто затолкаем его внутрь? — спросила я, пиная грязный снег у задних колёс.

— Нет, его нельзя просто заталкивать, — сказала Мэгги. — У него так ноги поломаются, — она обошла внедорожник с другой стороны. — Может, если мы положим его ногами вперёд... — Она взглянула на меня. — Что думаешь, Кэтлин?

Что думаю? Думаю, что я замёрзла.

— Он всё равно не влезет, — заметила я. — А мы не можем ампутировать ему ноги?

Мэгги с ужасом посмотрела на меня.

— Ампутировать ноги Эдди? Как?

— У меня под передним сиденьем есть ножовка, — вставила Рома, очень некстати. Как ветеринар, она возила в своей машине множество таких вещей, которых у людей обычно не бывает.

Я бросила на неё взгляд.

— Нет, я не имела в виду — отпилить ему ноги. Но, может, они как-нибудь отсоединяются?

Напрасно я это сказала. Мэгги положила руку на бедро Эдди, защищая его.

— А у тебя ноги отсоединяются? — поинтересовалась она у меня.

Я медленно выдохнула, любуясь, как в воздухе повисло облачко пара.

— Нет, — сказала я, — мои — нет, но я человеческое существо, а Эдди — манекен.

— Он — часть мультимедийной коллекции, — обиженно ответила Мэгги.

Настоящий Эдди Суини — «безумный Эдди» — был номером 22, форвардом хоккейной команды Миннесоты, шести футов и четырёх

дюймов ростом, местной гордостью штата. В этом году Мэгги поручили создание экспозиции, посвященной Эдди, для Зимнего фестиваля. Я была совершенно уверена, что оргкомитет ожидал от Мэгги стенда-коллажа, а не воссоздания Эдди в полный рост в коньках и наколенниках. По правде говоря, он выглядел так реально, что, когда я впервые увидела его одетым и сидящим в кресле в студии Мэгги, у меня мурашки по коже побежали.

— Может, нам завернуть его в пластик и положить на багажник сверху? — спросила Рома. Из-под капюшона её тяжёлой куртки выглядывали только глаза и нос.

— Если смотреть реально — как далеко мы уедем, пока кто-нибудь не вызовет полицию? — сказала я.

— Верно сказано, Кэтлин, — согласилась Рома.

— Мы не можем его так оставить, — Мэгги глядела на небо. — Похоже, собирается снег.

— Какая неожиданность, — проворчала я.

Зима в Мейвилл-Хайтсе, Миннесота, бывала в трёх видах — «снег собирается», «снег валит» и «берись за лопату». Однако надо признать, город выглядел как старинная рождественская открытка. Снег украшал ветки деревьев, оконные стёкла сверкали изморозью, и в каждом дворе стоял полностью укомплектованный снеговик. Это была моя первая настоящая зима в городе. Я приехала год назад, в самом конце сезона, чтобы стать новым библиотекарем и управлять обновлением библиотечного здания к грядущему столетнему юбилею.

Я глядела на торчащий из внедорожника зад Эдди.

— У меня идея, — объявила я. — Рома, можешь ухватить левое бедро Эдди?

Она откинула капюшон и ухмыльнулась.

— С удовольствием.

Она хлопнула поддельного Эдди по задку и подхватила его за ногу и талию. Я взялась за другую сторону, и мы вытащили его из машины. Хотя он и не был настоящим телом, всё же оказался довольно тяжёлым.

— Что дальше? — спросила Рома.

— Осторожно, — взмолилась Мэгги, топтавшаяся позади нас.

— Открой пассажирскую дверцу, — скомандовала я ей.

— Вы не можете положить его ноги вперёд, а голову назад, — предупредила она. — Как только Рома поедет, он соскользнёт назад и сломается.

— Я не это собираюсь сделать, — сказала я. — Доверься мне.

Мэгги была моей самой близкой подругой в Мейвилле. Мы встретились, когда я пошла на занятия по тай-чи, которые вела Мэгги, и нас объединила общая любовь к дешёвому шоу «Танцуй!». Мэгги была талантливым художником, составителем коллажей, но я никогда не видела, чтобы она так переживала из-за заказа.

Она секунду покусала губы, потом, наконец, взяла себя в руки и сделала несколько глубоких вдохов, положив руки на живот.

— Извини, — сказала она. — Меня сводит с ума этот проект. Делай, что собиралась, — она потянулась и открыла пассажирскую дверцу.

— А что мы делаем? — прошептала Рома.

— Устраиваем его на переднем сидении. Ты бери за плечи, а я за ноги. Мы посадили Эдди на переднее пассажирское кресло, боком.

— Разверни его, — сказала я Роме.

Она принялась поворачивать Эдди лицом к ветровому стеклу, а я в это время двигала его ноги, пристраивая коньки на коврик. Потом наклонилась и застегнула ремень безопасности.

— Та-даам, — сказала я, выбираясь из машины.

Рома обошла её и заглянула через ветровое стекло.

— Он выглядит как настоящий.

— Это да, — кивнула я.

Мэгги не смогла удержаться и лично проверила ремень безопасности. Рома закрыла багажник, обошла вокруг и села за руль. Я забралась на заднее сиденье и подвинулась, давая место Мэгги. Рома выехала задним ходом с подъездной дорожки и двинулась по улице.

С Ромой мы тоже встретились на тай-чи, но по-настоящему все трое сдружились прошлым летом, когда мы с Мэгс втравили Рому в нашу погоню в духе «Ангелов Чарли».

— Спасибо тебе, Рома, — сказала Мэгги.

Она улыбнулась нам в зеркале заднего вида.

— Мне не трудно. Когда ещё выпадет шанс покататься со знаменитостью? — Она протянула руку и похлопала Эдди по плечу.

— У Эдди лучший сезон за всю его карьеру, — сказала Мэгги. — Сорок голов и тридцать пять результативных передач — на текущий момент.

— Да что ты? — я постаралась не улыбаться.

— И возможно, он сейчас в лучшей форме. Тебе известно, что после тренировок он дополнительно упражняется на коньках?

— Я об этом не знала, — серьёзно сказала Рома.

Мэгги стащила с руки варежку и поправила ворот свитера Эдди.

— Все билеты на игры в этом сезоне распроданы, и это благодаря Эдди.

Я тоже сняла варежку и выудила из кармана бальзам для губ.

— Знаешь, Рома, — сказала я, — никогда не думала, что такое случится, но, по-моему, у Мэтта Лойера в сердце Мэгги появился соперник.

Лицо Ромы расплылось в улыбке.

— Думаешь, Эдди умеет танцевать? — спросила Рома, имея в виду невероятную прошлогоднюю победу Мэтта Лойера в шоу «Танцуй!».

— Ну, не знаю. Но некоторые движения у него очень плавные.

— Ха, ха, ха, — сказала Мэгги. — Я вовсе не без ума от Эдди Суини.

— Конечно, нет, — ответила Рома. — Он всего лишь такой высокий, сильный и прекрасный.

Мэгги расправила плечи.

— Я просто фанат спортивных талантов Эдди, вот и всё.

— О, я тоже, — согласилась Рома. — Если бы я была чуточку моложе... — она не договорила фразу и ухмыльнулась.

На углу мы свернули налево и по Мейн-стрит подъехали к огромному баннеру Зимнего фестиваля, натянутому поперёк дороги перед отелем «Джеймс».

— Кстати, а как давно здесь проводится Зимний фестиваль? — спросила я.

— Со времен моего детства, — ответила Мэгги. — И даже ещё раньше.

— Он начинался в сороковых, как соревнование по подлёдной рыбной ловле, — кивнула Рома.

— Я не знала, — сказала Мэгги.

— Да. Люди собирались со всего штата, — Рома включила поворотник, чтобы въехать на общественную стоянку.

Она коротко взглянула через плечо на Мэгги.

— Какая дверь?

— К боковой, пожалуйста, — Мэгги подвинулась, чтобы взглянуть сквозь ветровое стекло. — Похоже, кроме нас здесь никого нет. На это должна быть очень веская причина.

Здание выглядело закрытым, только у главного входа горел свет.

— У Сэма случаются приступы экономии энергии, — сказала Мэгги. — И он вполне может слишком далеко зайти. Сэмом звали мэра Мейвилл-Хайтса, и Рома была права. Многим казалось, что в стремлении экономить электричество он заходит слишком далеко. Она подъехала на ближайшее к двери парковочное место и остановилась.

— Давайте занесём Эдди внутрь.

Мы в обратном порядке произвели операцию извлечения Эдди с пассажирского сидения. Мэгги пошла вперёд, чтобы придержать для нас дверь. Она оказалась запертой.

— Нет, — застонала Мэгги, пиная дверь тяжёлым сапогом. — Эй, есть кто-нибудь? — позвала она.

Молчание.

— Семь часов. Торстен сказал. Семь. Часов. И где же он?

Я огляделась. Торстен — смотритель здания. На парковке стояло с полдюжины машин, но среди них не было его машины.

— Можете поддержать Эдди, пока я попытаюсь узнать, что происходит? — спросила Мэгги, вытаскивая мобильник.

— Конечно, — сказала я.

Я взяла манекен за ноги, так что его коленки оказались по бокам, а Рома под мышки подтащила тело поближе к себе. Интересно, что подумал бы об этом какой-нибудь случайный прохожий.

Мэгги набрала номер и сделала пару медленных глубоких вдохов в ожидании ответа.

— Голосовая почта, — поморщилась она. Подождала ещё минуту. — Торстен, это Мэгги Адамс. Я возле Общественного центра, а здание заперто. Где вы? — Она выпалила свой телефонный номер и нажала отбой.

— Кто ещё в оргкомитете Зимнего фестиваля? — спросила я.

— Ребекка, — подсказала Рома.

Мэгги снова поморщилась.

— Я не хочу тащить её сюда, на холод.

Для парня, в основном набитого ватой, Эдди был тяжеловат. Мои руки уже начинала сводить судорога.

— А как насчёт Мэри? — спросила я. Мэри работала со мной в библиотеке.

— Ты знаешь её номер? — спросила Мэгги.

Я продиктовала.

— Спасибо. — Мэгги поднесла телефон к уху.

Мы подождали, потом Мэгги тяжело вздохнула. Посмотрела, как пар медленно рассеивается в холодном воздухе.

— Ну, ответит нам кто-нибудь?

Задняя часть Эдди опасно близко свисала над кучей грязного снега. Я покрепче ухватила его ноги.

— Звони Орону, — сказала Рома. — На этой неделе он делал какие-то работы на потолке, убирал протечку из-за наледи. У него должен быть ключ.

Орен Кеньон был мастером на все руки. Прошлым летом он ремонтировал библиотеку и участвовал в подготовке театра «Стрэттон» к летнему фестивалю «Дикая Роза».

— Рома, ты гений, — Мэгги принялась нажимать кнопки на телефоне.

Холод проникал сквозь толстые подошвы, меховую подкладку моих ботинок и надетое под джинсы тёплое бельё.

— Орен, — заговорила Мэгги, — это Мэгги. Она торопливо объяснила, в чём проблема. Потом стала слушать, кивая, как будто Орен мог её видеть. — Большое спасибо. Ну, значит, увидимся, — она захлопнула телефон.

— Орен будет примерно через полчаса. Как считаете, подождём здесь? Рома покачала головой.

— Почему бы нам не заглянуть к Эрику, выпить горячего шоколада, пока ожидаем? — спросила я.

— Отличная идея, — голос Ромы звучал приглушённо, поскольку бок Эдди прижимался к её лицу. — Но что будем делать с Эдди?

— Засунем обратно в машину, — сказала я.

Мэгги придержала дверцу, и нам удалось опять поместить Эдди на пассажирское сидение, не уронив его в снег. Мы забились в машину, и Рома задним ходом выехала с парковки.

— Я знаю, что слишком назойлива, — сказала Мэгги. Я подняла бровь, старательно изображая мистера Спока. — Я просто хочу, чтобы с Эдди всё было в порядке. Это моё самое крупное произведение.

Рома посмотрела в обе стороны и поехала.

— Эй, я тоже не хочу, чтобы с Эдди что-то случилось. В данный момент он — единственный мужчина в моей жизни.

Я рассмеялась.

— Ну, конечно, Кэтлин, давай, смейся. У тебя-то целых два парня.

— Правда? — удивилась я. Потом поняла, что она говорит о моих котах.

— Ты про Оуэна и Геркулеса? Они от меня прячутся, не обращают внимания на то, что я говорю, а изо рта у них воняет сардинами.

— А разве мужчины не такие же? — спросила Рома. Мы с Мэгги засмеялись.

Кафе Эрика уже было перед нами. Одно из лучших в городе, и неудивительно — ведь им управляет Эрик Каллен. Его жена Сьюзен работала в библиотеке вместе со мной.

— Поищи местечко для парковки, — попросила Рома.

Я окинула улицу взглядом, удивляясь, почему это февральским вечером, в среду, здесь так много машин. Мэгги как будто прочла мои мысли.

— Подожди секунду. У Фишера же сегодня аукцион? Распродают имущество Кормака Генри.

Я вспомнила, что читала про это в газете.

— Так вот где Мэри, — сказала я.

— А возможно, и Торстен, — добавила Рома.

— Вон, — неожиданно взвизгнула Мэгги, указывая на другую сторону улицы. Удивительно, но там было свободное парковочное место, прямо перед заведением Эрика.

Рома быстро оглядела тротуар и пробормотала:

— Вы этого не видели.

Она развернулась в начале переуллка, через два дома от кафе, потом двинулась вперёд и аккуратно въехала на свободное место на парковке.

— Вот, — сказала она Мэгги. — Отсюда мы сможем приглядывать за Эдди, а он не пропустит всё веселье.

Мы выбрались из машины и вошли в ресторан. Он был почти пуст. Питер Лундгрэн сидел за столиком в конце зала, склонив голову над книгой — вероятно, что-то по истории Второй мировой войны, именно это его больше всего интересовало. Ещё я знала, что он любит слушать музыку в стиле хеви-метал, и это не то, чего можно бы ожидать от адвоката.

Клер, моя любимая официантка, приветливо улыбнулась нам.

— Садитесь где угодно, — пригласила она, изобразив рукой широкий жест.

Я поймала взгляд Эрика из-за стойки.

— Давайте сядем у окна, чтобы мы могли приглядывать за Эдди? — предложила Рома.

— Замечательно, — сказала я. — Я сейчас вернусь, только перекинусь парой слов с Эриком.

— Привет, Кэтлин, — улыбнулся Эрик. На нём был длинный фартук, заляпанный шоколадом. Что-то вкусненькое.

— Привет. Я только хотела поблагодарить за яблочный пирог.

Эрик любил экспериментировать с рецептами, и Сьюзен иногда приносила результаты на работу.

— Да не за что, — он закатал повыше рукава тёмно-зелёного свитера.

— Тебе не показалось, что там было слишком много корицы?

— Нет. Но если ты считаешь, что нужно ещё поэкспериментировать...

— Вы все, так уж и быть, станете моими дегустаторами.

Я положила руку на сердце и торжественно изрекла:

— Если так надо, мы готовы принести себя в жертву.

Он рассмеялся, и я направилась обратно к Роме и Мэгги, по пути снимая свою старую куртку, тёплую, но какого-то уродского коричневого цвета. Я купила её специально, чтобы надевать, когда наступала моя очередь кормить колонию бродячих котов в заброшенном поместье Вистерия-Хилл. Поскольку куртка досталась мне всего за пять долларов, меня не очень расстраивал её немодный вид. Уверена, что и котов тоже.

Подошла Клер с кофейником.

— Горячий шоколад?

— Да, пожалуйста, — Рома стянула перчатки и потирала заочковенные руки.

Мы с Мэгги кивнули.

Клер налила три кружки.

— Зефирки или корица?

— Зефирки! — одновременно сказали мы с Мэгги.

— Эрик сделал шоколадный пудинг, — хитро улыбнулась Клер. С забранными в два хвостика рыжими кудряшками она была похожа на маленькую проказливую девочку.

Рома в это время возилась со своими ботинками.

— Да, — сказала она, помахав из-под стола рукой.

— Заманчиво, — произнесла Мэгги.

— Точно, — согласилась я.

— Вернусь через пару минут, — пообещала Клер, возвращаясь к стойке.

Рома выпрямилась и взяла свою кружку.

— За шоколад и скотч!

— Чего? — переспросила я.

— Шоколад и клейкая лента, — повторила она. — С их помощью можно решить практически любую проблему, — она вытянула левую ногу и показала ботинок. — Видите?

По внутреннему краю каблука был приклеен кусочек серого скотча.

— Зацепилась вечером за что-то острое. Пара кусочков клейкой ленты — и пока всё в порядке.

Я рассмеялась.

— Только не говори, что носишь в сумочке моток скотча.

— Ношу. И пакетик M&M's, — она вытянула правую руку ладонью вверх: — Скотч. — Вытянула другую руку: — M&M's. Если я не могу починить что-то с помощью этих двух вещей, то возвращаюсь домой и ложусь обратно в кровать.

К нам шла Клер с большим овальным подносом, от которого доносился аромат тёплого шоколада. Она поставила блюдце с зефирками в центр стола, а пудинг — перед каждой из нас. На вкус он был даже лучше, чем на запах.

— Что-нибудь ещё? — спросила Клер, получив в ответ только неразборчивое мычание.

— Вернусь через несколько минут, — улыбнулась она.

Мы ели молча, лишь изредка довольно вздыхая.

Мэгги первая опустила ложку и слизнула каплю шоколада с большого пальца.

— Очень, о-о-о-очень вкусно. — Она вытащила из кармана маленький чёрный блокнот. — Что ты делаешь до конца недели? — спросила она Рому. — Мне нужно ещё несколько фотографий котов.

Рома вытерла руку салфеткой.

— Когда тебе удобно? — они склонились над столом, сверяя расписание.

Мэгги сделала коллаж из фотографий колонии бродячих котов в Вистерия-Хилле, где я нашла Оуэна и Геркулеса.

Он висел в приёмной ветеринарной клиники Ромы. И теперь организация по защите животных заказала Мэгги постер для их программы по стерилизации. Она собиралась сфотографировать трёх новых подкидышей, оставленных у дверей клиники на прошлой неделе.

Дверь кафе открылась, обдав меня холодным ветром. Вошла крошечная пожилая женщина, что-то в ней казалось неуловимо знакомым.

Она замялась в дверях, моргая от яркого света. Кого-то искала? Я тронула Рому за руку:

— Кто это?

Она подняла взгляд и улыбнулась.

— Это Агата, — улыбка стала ещё шире, когда старушка заметила её.

Агата не улыбнулась в ответ, но выражение её лица стало чуть мягче, и она махнула головой в знак приветствия. Потом перевела взгляд на меня и кивнула.

Рома нахмурилась:

— Ты её знаешь?

— Нет, но я видела её пару раз вчера. Когда я разгребала снег она... эмм... остановилась поговорить с Геркулесом. Ты же знаешь, как он не любит мочить лапы.

Чего я не сказала, так это того, что Агата взяла моего чёрно-белого котика и принесла мне. Геркулес и Оуэн, как и остальные коты Вистерия-Хилла, были абсолютно дикие. Я подобрала их котятами, и обычно они не позволяли никому другому к ним прикасаться.

Агата медленно продвигалась к стойке, где Питер Лундгрэн разговаривал с Эриком. Я не могла определить, сколько ей лет. Она горбилась от остеопороза, лицо покрыто сетью морщин. На ней было нечто, похожее на мохеровое пальто начала 60-х в чёрно-красную клетку. Либо оно было ей велико, либо это она становилась все меньше с течением времени. Питер подошёл к Агате, предложив ей руку. Она приняла её, взяв в другую руку свою чёрную полотняную сумку, и он помог ей продолжить путь. Эти двое явно знали друг друга.

— Почему я никогда раньше её не видела?

— Год назад у Агаты был микроинсульт, она упала и сломала бедро, — ответила Рома. — Она была в реабилитационном центре в Миннеаполисе.

У стойки Эрик протягивал Агате коричневый бумажный пакет и стаканчик навынос. Питер возвращался к своему столику.

— Я не думала, что она вернётся, и вдруг вчера увидела её с Руби.

Как и Мэгги, Руби тоже художница. Она пишет громадные абстракции и преподаёт искусство. И она лучшая в нашей группе тай-чи.

Второй раз я тоже видела Агату беседующей с Руби. Они стояли на библиотечной парковке, и Агата казалась обиженной на Руби, так же, как и сейчас на Эрика. Он указывал на конверт, который старушка держала в руках. Он был у неё, и когда я видела их с Руби. В таком конверте мог бы лежать мой аттестат за шестой класс. Даже издали я видела, что губы Агаты сжались в тонкую злую линию. Весь красный, Эрик качал головой. Агата отвернулась от него, расправила плечи под своим старомодным пальто. Со стаканом в одной руке и сумкой в другой, она направилась к двери, крепко прижимая к груди конверт. Когда она прошла мимо, я разглядела — это был старый конверт для табеля успеваемости.

— Она была учительницей?

— Директором школы, если быть точной, — ответила Мэгги, посмотрев на часы. — Нам пора, — она огляделась в поисках Клер.

— Знаешь, Агата уберегла не одного подростка от судьбы малолетнего преступника, — сказала Рома, поднимаясь.

Мэгги кивнула.

— Руби. И Эрика.

Подошла Клер, и Мэгги взяла у неё все три чека:

— Я заплачу.

— Нас двое, — сказала я Роме.

Она задумчиво сузила глаза:

— Думаю, мы с ней справимся.

— Я так хочу, — сказала Мэгги, — не спорьте со мной.

Мы с Ромой переглянулись.

— Ну ладно.

Мэгги отправилась к кассе.

— И вам двоим ни за что не справиться со мной, — бросила она через плечо.

Через окно я видела, как Агата медленно движется по тротуару. Рома проследила за моим взглядом, застёгивая куртку.

— И меня, — мягко сказала она, смущённо пожав плечами.

Я не сразу поняла, о чем она говорит.

— Ты была малолетней преступницей? — образ неуправляемого ребёнка никак не вязался с добросердечным ветеринаром, с которым я подружилась сразу, как переехала в Миннесоту.

— Ну, может, не совсем преступницей, — сказала она, натягивая перчатки, — но связалась с плохой компанией, мы убегали из дома, курили, пили. А мне было всего четырнадцать.

— Совсем на тебя не похоже, — сказала Мэгги, вернувшаяся, как раз чтобы услышать конец разговора.

— Это все благодаря Агате. Она заметила мой интерес к животным. И поймала меня на прогуливании уроков, — она засмеялась от воспоминаний. — Частью моего наказания стала чистка клеток в приюте три дня в неделю после школы. Целый месяц.

Мы направились к двери. Я помахала Эрику, он кивнул в ответ.

— Я так понимаю, наказание было не таким уж наказанием, — повернулась я к Роме.

— Я была счастлива, хотя и ни за что бы не призналась. Когда месяц закончился, директор приюта предложил мне работу, по субботам и после школы. Я много лет не знала, что и это устроила Агата. Выгуливая собак и чистя клетки, я не имела времени ввязываться в неприятности.

Мэгги накинула капюшон и бедром открыла дверь. Снаружи холод просто обжигал.

— Агата отправила рисунок Руби на конкурс штата, — сказала она, — и она выиграла путёвку в летний художественный лагерь.

Рома протиснулась между внедорожником и бампером припарковавшегося позади нас пикапа.

— Я знаю, что она поощряла интерес Эрика к готовке. В пятнадцать он готовил все блюда для какого-то торжественного учительского завтрака.

С тротуара до нас донеслись голоса людей, разговаривающих на повышенных тонах. Рома остановилась и вытянула шею, чтобы посмотреть. Мэгги, держа руку на ручке дверцы машины, оглядела улицу. Я сделала шаг назад, чтобы лучше видеть. И увидела Агату, всё ещё прижимающую к груди конверт. Через пару секунд я узнала мужчину, нависавшего над ней, несмотря на то, что он опирался на трость.

— Это Гарри Тейлор? — спросила Мэгги.

— Ага.

Голоса Гарри и Агаты висели в ледяном воздухе. Не требовалось слышать слова, чтобы понять — они спорят. Старик потянулся к конверту. Агата яростно замотала головой, повернулась и медленно поплелась по тротуару. Гарри остался на месте, тяжело опираясь на палку. Я колебалась, глядя, как он одиноко стоит на тротуаре. Мне не хотелось вмешиваться, но ему было нехорошо.

Старый Гарри — Гаррисон — всегда был с кем-то из сыновей, чаще всего с Гарри-младшим, но сейчас его пикапа нигде не было видно.

— Гарри Тейлор крепкий, как дуб, — сказала Рома, заметив мои сомнения.

Я выдохнула. Она права. Но ведь так холодно. Что старик делает тут один в такой холодный вечер? И почему он ссорится с Агатой?

— Уезжайте, — сказала я, покрепче затягивая капюшон.

— Можем подождать, — предложила Мэгги.

— Нет, всё нормально, поезжайте, не заставляйте Орена ждать. Я только посмотрю, как там Гарри.

Рома кивнула и похлопала по карману куртки.

— Позвони, если что-нибудь понадобится или если тебя будет нужно забрать.

— Спасибо.

Сгорбившись, я пошла к старику. Вечер был ясный, на чернильном небе серебрился тонкий месяц.

Гарри повернулся ко мне без удивления, скорее, на его лице было написано «Почему так долго?», и мне показалось, что он откуда-то знал, что я подойду к нему.

— Добрый вечер, — сказала я, откидывая капюшон.

— Будем обмениваться любезностями, или сразу спросишь, что я делаю тут в такой собачий холод?

— Да, холодно, — согласилась я. — И что вы тут делаете?

— Без сопровождающих?

— Без машины.

— Парни на аукционе, — Гарри махнул головой в сторону реки. — А мне у Кормака ничего не нужно. У меня своего хлама в избытке. Так что я решил подышать.

Я ничего не сказала, но мои брови исчезли под шапкой. Внезапный порыв ветра сдул на нас снег с ближайшей крыши. Гарри неубедительно пожал плечами.

— Мне нравится дышать снегом.

— А как насчёт подышать ароматом шоколада? — сказала я, предложив ему руку. — У Эрика сегодня отличный шоколадный пудинг.

— Я могу проявить гибкость, — ответил он, опираясь на мою руку. — Почему бы не отвести меня в ресторан, чтобы я не ввязался в какие-нибудь неприятности. — Он огляделся, но Агата уже испарилась.

— Гарри, всё в порядке?

— Не о чем беспокоиться.

Это был не ответ на мой вопрос.

— Как твои коты?

— Отлично, — мы медленно двигались в кафе. — Но Геркулес не любит снег.

— Порой я тоже, — заметил Гарри. — Парни пристают ко мне, чтобы я поехал на юг, сидеть на пляже с какой-нибудь замысловатой жидкостью в бокале с зонтиком. Я сказал им, что нынче февраль. В феврале положено носить кальсоны с начёсом, а не крошечные плавки, лезущие... — он оборвал себя на полуслове и улыбнулся.

— Да уж, это... неудобно, — ухмыльнулась я.

Мы доковыляли до двери кафе.

— Спасибо, Кэтлин, — Гарри отпустил мою руку и поклонился со старомодной галантностью. Я бы не удивилась, сними он свою ушанку.

— Парни скоро появятся.

— Хорошо.

— Собираешься стоять здесь, пока я не войду внутрь?

— Такой у меня план. — Я топнула ногой по тротуару. — Ох, до чего ж холодно.

Он фыркнул от смеха.

— Иду, иду, — Гарри отмахнулся от моей руки и взялся за ручку двери. — Иди, догоняй подруг, пока чего-нибудь не отморозила.

— Доброй ночи, Гаррисон.

Он махнул мне рукой, и дверь за ним закрылась.

Я снова натянула капюшон и направилась к Общественному центру. Снег хрустел под ногами, дыхание облачком висело в воздухе, как какой-то дымовой сигнал. Я оглянулась. Никого. Надеюсь, это значит, что Гарри сидит у Эрика и ждёт сыновей. С другой стороны я понимала, что старик мог делать всё, что ему угодно, с той секунды, как я сделала первый шаг.

Возле внедорожника Ромы на парковке стоял пикап Орена. Ни его, ни Ромы, ни Мэгги, ни даже Эдди не было, а внутри горел свет. Я толкнула дверь. Открыто. Я вошла, стряхивая с ботинок снег.

Главный зал находился наверху. Справа от двери я увидела ботинки: «Сорелс» Мэгги, залатанные скотчем Ромы и большие чёрные Орена. Стаскивая свои, я не могла сдержать улыбку. Только Мэгги могла заставить всех снять уличную обувь, чтобы не пачкать пол, когда через пару дней сюда набьётся весь Мейвилл-Хайтс.

Её экспозиция размещалась в дальнем конце зала, рядом с более обширной выставкой старых фотографий. Мэгги стояла у стены, руки скрещены, голова склонена набок. Рядом стояла Рома, Эдди сидел на полу, свесив голову, будто его только что от души приложили о бортик. Я огляделась, но Орена не увидела.

Рома заметила меня и подошла.

— Что это? — показала я на стену. — История Зимнего фестиваля? Мэгги ничего не рассказывала об этом проекте. Она рылась в старых фотографиях несколько месяцев.

— Почти угадала. История спорта в Мейвилле. — Она вопросительно посмотрела на меня. — Гарри в порядке?

Я кивнула:

— Да. Похоже, он был на аукционе и вышел из терпения. Он ждёт сыновей у Эрика.

— Упрямый старый хрыч, — покачала головой Рома.

— Я знаю.

Я никак не могла справиться с беспокойством. Остался ли старик у Эрика или вернулся на улицу?

— Гарри в порядке? — спросила Мэгги, когда мы подошли к ней.

— Он у Эрика, предположительно доедает шоколадный пудинг и ждёт своих парней с аукциона. — Я указала на стену. — Мэгс, это изумительно.

Многие фото были чёрно-белыми. Мэгги собрала из них уникальную панораму. Некоторые снимки были подкрашены, а задник, несомненно, сделан руками самой Мэгги. Раздевалка, в которой будет сидеть Эдди, выглядела совершенно реальной.

— Свет неправильный, — сказала Мэгги.

— А что не так? — поинтересовалась я.

— Одна лампа должна освещать вот эту часть выставки, а две должны быть в раздевалке, и вообще, он просто неправильный.

Она подошла к стене и принялась рассматривать потолочный светильник.

— Орен пошёл в кладовку поискать другие лампочки, — прошептала Рома.

В помещении было тепло. Я сняла куртку, положив её на пол рядом с вещами Мэгги и Ромы. Открылась дверь на лестницу, и вошли Мэри и Абигайль с большими оранжевыми мусорными мешками в руках.

Я подошла к ним. Обе работали у меня в библиотеке. Абигайль выросла с пятью старшими братьями, так что её самообладанию позавидовала бы и гранитная скала. Мэри выглядела как образцовая бабушка, и была ею. А ещё — чемпионом по кикбоксингу. Я видела её на соревнованиях. Кто бы с ней ни дрался, сначала все недооценивали милую седовласую бабулю. Второй раз они такую ошибку уже не совершали.

— О, Кэтлин, а ты что тут делаешь? — спросила Абигайль.

— Помогаю Мэгги закончить экспозицию.

— Она чудесная, правда? — спросила Мэри. Её щечки-яблочки покраснелись с мороза.

— А вы тут что делаете?

— Мы принесли скатерти. Решили, что подготовим столы к вечеру пятницы, — ответила Абигайль. — Завтра мы будем печь пироги.

— Не хочу оставлять всё на последний момент. — Мэри огляделась, — А Торстен здесь? Я что-то не вижу никаких столов.

Я покачала головой:

— Нет. Зато здесь Орен.

— Ещё лучше, — Мэри повернулась к Абигайль. — Давай отнесём это в кухню и закончим разгружать машину. Потом попросим Орена открыть кладовку и вынесем столы. Увидимся, Кэтлин, — она направилась в кухню.

— Я скажу Орену, что вы его ищете.

Я подошла к Мэгги. Она держала Эдди под руки, а Рома за ноги. Они пытались усадить его на скамью в раздевалке, но все шло не так гладко, потому что Мэгги уделяла больше внимания экспозиции, чем тому, в каком направлении движется.

— Мэгги! — сердито воскликнула Рома. — Ты чуть не сшибла вон ту фотографию правой рукой Эдди.

Мэгги обернулась. Как выяснилось, слишком резко. Другая рука Эдди по инерции стукнула Мэгги по голове.

— Ай! — она машинально схватилась за больное место.

Верхняя часть Эдди рухнула на плиточный пол, нарушив равновесие Ромы, и та шлёпнулась на пятую точку. Ноги Эдди торчали по обеим сторонам от неё. Я подскочила к ним. Может, лучше было мне не смеяться.

Мэгги потирала голову над ухом.

— Ты как? — спросила я.

— Нормально. — Она посмотрела на распростёртого на полу Эдди. — А он как?

— Я цел, — помахала рукой Рома, — не стоит обо мне беспокоиться.

— Все части Эдди, кажется, на месте, но за то, что уронил Рому, ему положено двухминутное удаление, — сказала я. — Неоправданная грубость игры. — Я перелезла через манекен и протянула Роме руку. — Всё нормально?

— Ага. К счастью, я приземлилась на самую мягкую часть.

Мэгги, стоя на четвереньках, тщательно осматривала Эдди.

— Сломал что-нибудь? — спросила я.

— Похоже, нет, — она остановилась. — Только съехал один щиток на голени.

— Нет проблем. — Рома направилась к нашим курткам, выудила из кармана своей парки катушку скотча и бросила Мэгги.

— У тебя и в кармане скотч? — удивилась я.

— Я же тебе говорила, — ухмыльнулась Рома. — Скотч и шоколад способны решить практически любую проблему.

Мэгги оторвала пару кусочков ленты и подняла носок манекена. Спустя минуту — разгладила и покрутила ногу.

— Гораздо лучше, — она отдала мне скотч и улыбнулась Роме. — Спасибо.

Я надела катушку на запястье как браслет.

— Ну ладно, может, я возьму его за плечи? Рома, берись за ноги, а Мэгги будет нас направлять.

Я просунула руки Эдди под мышки, держа его в крепких объятиях, только со спины. Под командованием размахивающей руками Мэгги нам удалось водрузить Эдди на его место на скамье. Рома опустилась на пол и крепко держала его, пока Мэгги закрепляла Эдди.

Я оглянулась. Мэри и Абигайль сновали по кухне. Дверь из холла распахнулась — к нам направлялся Орен. Увидев меня, он улыбнулся.

— Привет, Кэтлин. Как ты?

— Всё хорошо. Спасибо, что впустил нас.

Он слегка пожал плечами.

— Торстен, наверное, застрял на аукционе и потерял счёт времени. Ты видела работы Мэгги?

— Ещё нет.

— Хочешь посмотреть фото моего отца? — застенчиво спросил он.

— Да, где оно?

Мы подошли к стене.

Орен оглядел коллаж, потом указал на фото группы молодых людей на берегу замёрзшей реки, возможно, собравшихся поиграть в любительский хоккей.

— Вот он, слева.

Я видела явное сходство — у отца Орена были такие же светлые волосы и стройная фигура. А сам Орен всегда напоминал мне Клинта Иствуда.

— Вы похожи, — сказала я.

— Все так говорят.

— Где сделано это фото?

— Знаешь, где пристань? В те времена летом там был деревянный причал. А зимой дети, — ну, то есть, мальчишки, играли в хоккей. Это было задолго то того, как дно углубили для судов, и лёд замерзал очень прочно.

Я рассматривала мальчика в центре фото. Серьёзный, как и все остальные, но в выражении его лица заметна уверенность. Я попыталась добавить морщинки вокруг рта и глаз. Потом опять обернулась к Орену.

— Это же Гаррисон Тейлор?

Орен кивнул.

— Не знала, что Гарри играл в хоккей.

— Настолько хорошо, что его пригласили в тренировочный лагерь «Чёрных ястребов». Он помогал тренеру со средними и старшими классами.

Значит, вот откуда Гарри знает Агату, — подумала я. Хотя в таком маленьком местечке как Мейвилл, конечно, все и так друг друга знают.

— Отличные фото, — сказала я Орену. — А ты где-нибудь есть?

— Я не особенно спортивный, — покачал он головой.

Орен был вундеркиндом. Он музыкально одарённый человек, и возможно, ему просто некогда было играть в хоккей, бейсбол и прочее.

Я вспомнила, что Мэри и Абигайль хотели вытащить столы.

— Орен, совсем забыла. Там на кухне Мэри и Абигайль. Ты не мог бы впустить их в кладовку, чтобы достать столы?

— Конечно, — кивнул он. — Орен сделал пару шагов к Мэгги и Роме. — Мэгги, у тебя всё готово?

Мэгги поставила ногу на край скамейки и придавливала коленом спину Эдди, чтобы он держался прямо.

— Готово. Спасибо, что пришёл, Орен. Извини, что пришлось побеспокоить.

— Ничего, — сказал он. — Если тебе что-то понадобится — я с самого утра буду здесь. — Он улыбнулся мне. — Я рад тебя видеть, Кэтлин.

Это был подходящий момент.

— Орен, — медленно начала я.

Он обернулся ко мне.

— Да, можно.

— Да? — спросила я.

Он кивнул, улыбка стала ещё немного шире.

— Я же ни о чём не спрашивала.

— Ты хотела попросить разрешения выставить скульптуры отца на праздновании столетнего юбилея библиотеки.

— Как ты узнал?

— Когда ты приходила посмотреть на план беседки для библиотеки, ты, кажется, больше смотрела на скульптуры.

— Нужно, чтобы люди увидели его работы, Орен, — сказала я.

— Ты права, — согласился он. — Когда Зимний фестиваль закончится, я сделаю некоторые измерения на площадке. Идёт?

— Да.

Мне хотелось запрыгать от радости, но я ограничилась лучезарной улыбкой.

— Значит, я приду, как только Зимний фестиваль закончится.

Я кивнула, и он отправился на кухню.

Рома ещё сидела на полу, одна рука на бедре Эдди, другая придерживает его ногу. Она походила на восторженную фанатку у ног хоккейной звезды. Мэгги стояла на скамье, оседлав Эдди.

— Чем я могу помочь? — спросила я.

— Не могла бы ты отыскать плоскогубцы? Кажется, они в том ящике, — Мэгги показала на картонную коробку из машины Ромы.

Я подала ей плоскогубцы, а потом обняла Эдди обеими руками, чтобы освободить руки Мэгги. Должно быть, со стороны я тоже походила на болельщицу.

— А почему Эдди пахнет как рождественский ужин? — спросила я.

Рома нахмурилась и на минутку уткнулась лицом в грудь Эдди.

— Кэтлин права. От Эдди пахнет пряностями.

Мэгги как раз сгибала плоскогубцами кусочек проволоки.

— Это шалфей.

— И почему Эдди пахнет шалфеем? — поинтересовалась Рома.

— Чтобы защитит от негативной энергии.

Временами Мэгги бывала склонна к мистике. Она изучала тай-чи, верила в силу кармы, а с прошлого лета училась лечению травами у моей соседки Ребекки.

— Ну вот, — она прыгнула со скамейки и сделала шаг назад. — Кэтлин, отпускаяй сначала ты.

Я убрала руки и встала. Эдди остался на месте.

— Так, а теперь ты, Рома.

Рома тоже поднялась. Ничего не сдвинулось. Мэгги довольно улыбнулась и принялась собирать коробки.

— Придётся на ужин Зимнего фестиваля, ночью в пятницу? — спросила Рома.

Мэгги взглянула на меня.

— Не начинай, — предупредила я.

— Не начинай что? — спросила Рома

— У Мэгги безумная идея устроить для меня свидание за этим ужином.

— Свидание? С кем это?

— С Маркусом Гордоном.

Я познакомилась с Маркусом, полицейским детективом, прошлым летом, когда наткнулась на труп. Не самый приятный способ знакомства.

— А что не так с Маркусом? — спросила Рома.

— Ты ему нравишься, — вставила Мэгги.

Я скрестила руки и взглянула на неё.

— Он думал, это я убила Грегора Истона.

— Ты же не была настоящей подозреваемой, — сказала Мэгги. — он тебя не арестовывал.

— Как романтично с его стороны, — холодно ответила я. — Маркус Гордон не в моем вкусе. Несмотря на то, что он высокий, симпатичный и любит кошек.

— Я же тебе его не сватаю, — сказала Мэгги. — И целоваться не заставляю, и даже под руку брать. Просто предлагаю пообщаться.

Она уже сколько месяцев предлагает.

— Кто знает, может, он тебе понравится.

— Кто знает? — скривилась я. — А может, и свиньи летать научатся?

Рома расхохоталась, глядя на меня. Вслед за ней захихикала и Мэгги. Я покачала головой. Это невозможно. Совершенно невозможно. И тут прямо надо мной пролетела толстая розовая хрюшка.

Мэри стояла с невинным видом, как будто она здесь ни при чём. Глаза поблёскивали, уголки рта растягивались в улыбке.

В одной руке у неё была маленькая розовая ленточка. Другой конец ленты соединялся с гелиевым шаром. Свинья, наполненная гелием.

— А что, я не вовремя? — спросила она.

— Нет, как раз вовремя, — сказала Рома. Она поглядела на меня и опять начала смеяться.

Мэгги зажала ладонью рот. Это никак не скрывало того, что её трясло от смеха.

— Это не считается, — сердито сказала я и обернулась к Мэри. — Помочь тебе с твоим... твоей свиньёй?

— Да, — согласилась она. — Это эмблема Мясной компании Хортон. Они предоставляют ветчину для пятничного ужина, — Мэри поморщилась. — Сэм пообещал, что мы будем демонстрировать эту свинью во время ужина, и кто знает, где ещё, но я не представляю, что с этой штукой делать. — Она обернулась к Мэгги. — Может, есть какие-нибудь идеи?

Мэгги рассматривала надувную свинью.

— Возможно. Какую дверь вы собираетесь использовать?

Мэри указала на двойную дверь, ведущую в главный зал.

— Ладно, посмотрим.

Мэгс направилась к двери, а за ней Мэри и свинья. Я повернулась к Роме.

— Ну, а ты собираешься что-нибудь сказать? Ты же хочешь.

Она покачала головой.

— Думаю, летающая свинья всё за меня сказала.

Я показала ей язык, и Рома засмеялась.

Пока Мэгги ходила кругами, изучая потолок у двери в зал, мы с Ромой собрали пустые коробки и сложили у въезда на парковку. Мэгги подошла, когда мы уже надели куртки и шапки. По отсутствующему выражению лица я поняла, что в её голове появилась не одна идея.

— Мы бросим коробки у твоей студии, и я отвезу вас домой, — сказала Рома.

— Спасибо, — улыбнулась Мэгги.

— А я, пожалуй, пройду, — сказала я, подхватывая пустую коробку.

— Уверена? — удивилась Рома. — Там холодно.

— Там всегда холодно, — я натянула сапоги. — Я весь день занималась бумажной работой, мне не помешает прогуляться.

— Хочешь позавтракать утром у Эрика? — спросила Мэгги.

Я зевнула и кивнула одновременно.

— Прости. Длинный день.

— А ты? — Мэгги обернулась к Роме.

Рома оторвалась от зашнуровывания ботинок.

— Не могу. У меня утром пара операций.

Мы протопали вниз по лестнице и вышли на парковку. Я положила свою коробку в багажник.

— Спасибо, Кэтлин, — сказала Мэгги, заключая меня в объятия, широкие из-за наших курток.

— Не за что. Увидимся утром. — Я похлопала Рому по плечу рукой в варежке. — Пока, Рома.

Я по диагонали пересекла парковку. Надеюсь, Гарри встретился с сыновьями. И я всё думала — куда же ушла Агата. Натянув поверх шапки капюшон, я поглубже сунула руки в карманы парки.

Безоблачное небо усеяли звёзды, но я знала, что надвигается снегопад — в левом запястье чувствовалась слабая боль. Я сломала его прошлым летом, и теперь оно болело всякий раз перед тем, как собирался снег. И я наловчилась определять погоду по своим костям.

К тому времени как я поднялась по Маунтин-роуд, я было просто счастлива увидеть свой маленький домик. Я постучала пятками друг о

друга, прежде чем ступить на порог, и отряхнула сапоги. Потом отперла кухонную дверь и вошла внутрь, включив свет. И даже не успела крикнуть «я дома». С одной стороны двери гостиной высунулась лохматая голова Оуэна, с другой лениво вышел Геркулес, как будто и не скучал по мне. Он сел посреди кухни и принялся намыывать морду.

Я повесила куртку и положила шапку и варежки на сушилку нагревателя. Ромин моток скотча всё ещё был у меня на руке. Я сняла его и сунула в карман куртки.

— Ну, как прошёл вечер? — спросила я Геркулеса, проходя мимо.

Маленький чёрно-белый котик посмотрел вверх, как будто пожимая плечами, и вернулся к умыванию.

Оуэн ещё таращился на меня, слегка напоминая лишённую тела голову Чеширского кота из Алисы в Стране Чудес.

— Хочешь кусочек тоста? — спросила я.

— Мррм? — отозвался Оуэн.

— Да-да, с арахисовым маслом.

Он галопом поскакал на кухню, чтобы проконтролировать процесс. Геркулес бросил своё притворное мытьё и выжидающе уселся возле стола. Как только тост был готов и щедро намазан маслом, я села за стол и начала отламывать по кусочку каждому коту, не забывая и о себе. Рома не раз предупреждала не давать Оуэну и Геркулесу так много человеческой еды. В свою защиту могу сказать, что они не совсем обычные коты, а значит, и обычные правила не для них.

— Я видела Гаррисона, — сказала я, слизывая с пальцев масло.

Оба подняли головы и посмотрели на меня.

— С ним всё хорошо, — сказала я. — Мальчики были на аукционе. А Гарри... ну, он что-то делал снаружи.

Я наклонилась и протянула Оуэну кусочек тоста. Кот взял его из моей руки, положил на кухонный пол и подозрительно обнюхал — так он поступал с каждым кусочком пищи, прежде чем съесть.

— Помнишь, на днях заходила женщина? — спросила я Геркулеса.

Он поднял лапу и потряс ею.

— Да, та, что несла тебя по дорожке к дому, чтобы ты не намочил лапы.

Геркулес обиженно фыркнул.

— Её зовут Агата Шепард, она была учительницей Ромы. — Я зевнула. — Рома была малолетней преступницей. Ну, почти.

Оуэн взглянул на Геркулеса, Геркулес посмотрел на Оуэна, и клянусь, оба слегка ухмыльнулись. Они не жаловали Рому. Из-за того, что они раньше были дикими, делать им прививки и проводить обычные осмотры было тем ещё испытанием.

— Я так и думала, что вам понравится.

Кажется, я слишком много разговариваю с котами. Не то чтобы я действительно считала, что они всё понимают. Но они отличные слушатели. Мне в самом деле не по себе от того, что Агата брала Геркулеса на руки. Коты обычно никого не подпускают к себе, кроме меня. Если кот вообще способен влюбиться в человека, то Оуэн влюблен в Мэгги, но он не позволяет ей прикасаться к себе. Впервые увидев Гарри Тейлора, я была поражена, когда оба кота забрались ему на колени. Потом я узнала, что Гарри умирает, и поведение мальчиков показалось мне ещё более тревожащим. И Гарри, и Агата немолоды и нездоровы. Геркулес и Оуэн что-то знают, или просто у меня паранойя?

Оуэн похлопал меня по ноге лапой. «Ещё тоста, пожалуйста».

Я люблю своих пушистиков, но как-то не могу поверить, что они знают, кто будет жить, а кто нет. Безусловно, у них есть кое-какие необъяснимые таланты, но не думаю, что в них входит умение предсказывать смерть.

Утром Оуэн разбудил меня за минуту до того, как сработал будильник. Я открыла один глаз и встретила с его пристальным жёлтым взглядом.

— Я уже проснулась.

В ответ он боднул мой лоб. Про ещё несколько минут сна и думать нечего. Я села в кровати, потянулась.

— Уже встаю, — сказала я коту, который, по-прежнему не мигая, тарашился на меня. — Доволен?

Похоже, так и было — он прыгнул на пол и на мягких лапах пошёл к двери. Когда я спустилась вниз, оба кота сидели у холодильника. Я дала им поесть и облокотилась на стойку. Оуэн вынул кусочек еды из миски и старательно возил по полу, как всегда. Геркулес собрался начать есть, но внезапно замер и посмотрел вверх, на меня. Он перевёл взгляд от раковины, где стояла я, к столу и обратно. Потом наклонил голову и тихонько мяукнул.

— Я завтракаю с Мэгги.

Кот заглянул в свою миску и прикрыл морду лапой.

— Ой, брось, — сказала я. — Ты же понимаешь, что я не могу взять тебя к Эрику. Как я объясню, зачем притащила кота на завтрак? Народ решит, что я сошла с ума.

Геркулес всё смотрел на меня. А Оуэн остался сам собой — вытаскивал из миски еду по кусочку за раз, потом ел, и больше ни на что не обращал внимания.

— Перед тобой отличный завтрак.

Я потёрла затылок. Похоже, я уже превратилась в сумасшедшую кошатницу. Когда-нибудь кто-то застанет меня беседующей с котами, и мой секрет будет раскрыт. Конечно, то, что я говорю с ними, как с людьми, — настоящие цветочки по сравнению с кое-чем другим, что я о них скрываю.

Решив, что победил в этих гляделках, Герк опустил голову и начал есть.

Пока коты завтракали, я пробежала по дому и немного прибралась. Потом натянула сапоги и куртку и подхватила метлу, чтобы убрать снег, насыпавшийся на заднее крыльцо.

Оуэн вышел вслед за мной и пошёл за дом.

— Через пятнадцать минут ухожу, — сказала я.

Он дёрнул ушами, это могло означать, что он слышал и вернётся вовремя, или что слышал и не намерен обращать на меня внимания. Геркулес сидел у двери и смотрел, как я чищу ступеньки.

— Тебе нужны сапоги, — сказала я. — Уверена, в бакалее есть кошачьи ботинки.

В этой бакалее Ребекка покупала Оуэну любимое лакомство с кошачьей мятой — «Весёлого цыплёнка Фреда».

— Свитера для собак они точно продают.

Герк тряхнул на меня хвостом. А потом повернулся и прошёл сквозь дверь. В буквальном смысле. От этого у меня всегда перехватывало дыхание. Не понимаю, как он это делает. Вообще-то, впервые увидев, как он небрежно проходит сквозь полуторадюмовую дверь библиотеки, я

решила, что у меня галлюцинации или даже инсульт. Кошки ведь не умеют ходить сквозь двери и стены, верно? Кроме Геркулеса. Оуэн этого не умеет. Он мог становиться невидимым, когда его это устраивает. Что обычно случалось, когда это не устраивало меня.

У обоих котов имелись некоторые магические способности. Суперспособности, если хотите. Понятия не имею, почему или каким образом. И есть ли в Мейвилл–Хайтсе другие коты, которые такое могут. Это точно не то, о чём стоит упоминать в разговоре.

Нельзя же пригласить Рому на кофе, а потом спросить: «Да, кстати, в твоей клинике есть коты, которые умеют проходить сквозь стену? Или делаться невидимыми, когда захотят?»

Я не могу никому рассказать. В лучшем случае меня сочтут слегка чокнутой, а в худшем кто-нибудь захочет выяснить, как котики это делают. И мне не нравится думать о том, что это может означать. Узнав, на что они способны, я всячески старалась, чтобы об этом не узнал никто другой. В глубине души я надеюсь найти какое-то логическое объяснение: генетическая мутация, эволюционный скачок, нечто в таком роде. И чем дальше, тем менее странной кажется эта идея.

Оуэн вернулся за минуту до моего ухода и завыл у входной двери. Когда я открыла, он вихрем пронёсся на кухню. На его мордочке налип снег. В отличие от Геркулеса, Оуэн любил снег и запросто мог сунуть голову в сугроб, если рассчитывал найти в нём что-то интересное.

— Стой спокойно, — я взяла полотенце и вытерла ему морду. Кот потряс головой, пару раз провёл лапой по шерсти.

— Ты красавец, — заверила я его, погладив по голове, дала ему пару кошачьих крекеров и проверила миски с водой.

— Ну всё, я ухожу.

Оуэн был слишком занят — таскал по полу своё угощение, поэтому сказал только «мрр».

— Геркулес, — позвала я, — я ухожу.

Он на секунду высунул голову и снова исчез.

Я заперла заднюю дверь, обошла дом и пошла вниз по дорожке. Плеться по Маунтин–роуд, я опять подумала — всё-таки надо купить машину. Я оставила городскую жизнь в Бостоне почти год назад, а вместе с ней и большую часть вещей. По маленькому городку нетрудно повсюду ходить пешком, а от прогулок вверх–вниз по холму бёдра становились похожи на те, которым я всегда завидовала у более спортивных женщин. Правда, иногда по дороге на работу начинало казаться, что я где-то за Полярным кругом.

Когда я добралась до кафе Эрика, Мэгги уже сидела за столиком у окна. Она помахала мне через стекло. Удивительно, но за стойкой Эрика не было, а Клер снова работала. Она вопросительно подняла кофейник, и я кивнула. Клер встретила меня у стола.

— Спасибо, — сказала я, опуская на пол портфель.

— Ты уже решила, чего хочешь, или принести меню? — спросила она.

— Я уже заказала, — сказала Мэгги. — Умираю от голода. Догоняй.

— Можно мне пару блинчиков с черникой и цитрусовый фруктовый салат?

— Сделаем, — улыбнулась Клер. — Через пару минут. Мы немножко запаздываем этим утром. Эрика нет.

— Эрика нет?

Я ни разу не была в этом ресторане без Эрика.

— Он сломал зуб, — поморщилась Клер.

— Ох, — сочувственно сказала я.

Клер криво улыбнулась.

— Принесу через пару минут, — повторила она, направляясь с кофейником к соседнему столу.

Мой правый ботинок развязался. Я нагнулась поправить шнурки и вытряхнуть снег, набившийся за отворот серых брюк.

— Ты отвезла всё обратно в студию прошлой ночью? — спросила я, выпрямившись.

Мэгги кивнула.

— Допоздна оставалась на работе?

— Не очень.

Я посмотрела на неё.

— Ну ладно, довольно долго, но... — она наклонилась ко мне, — я поняла, что делать со свиньёй.

— Сэндвич с беконом? — спросила я.

— Ха-ха.

— И что же?

— Я тебе не скажу. Придётся подождать, это будет сюрприз для всех.

Я подняла чашку, обхватив пальцами, чтобы согреть их.

— Может, хоть намекнёшь?

— Нет. — Мэгги откинулась на спинку стула с чашкой в руке. — Если дать тебе подсказку, ты догадаешься, и сюрприза не получится.

Я заметила, как она опять выглядывает в окно.

— Ждёшь ещё кого-нибудь?

— Руби. Она принесёт лампы. Мне нужно верхнее освещение, а у неё есть пара маленьких гирлянд, думаю, удастся их использовать. — Она взглянула на часы и чуть покачала головой. — Новый друг.

— Что? — удивилась я.

— Руби с кем-то встречается. Сейчас у неё глупый период, когда на всё смотришь сквозь розовые очки. Помнишь, это когда не обращаешь внимания на время и думать можешь только об этом парне?

— Ага, смутно припоминаю что-то похожее, — отмахнулась я.

Я пила кофе и вспоминала Эндрю, оставшегося в Бостоне вместе со всем остальным. Широкие плечи, голубые глаза и громкий смех. Эндрю, который пошёл в двухнедельный туристический поход после того, как мы поссорились, и вернулся женатым на другой.

Я перевела дух и отбросила воспоминания.

— С кем же встречается Руби?

— Его зовут Джастин. Он был консультантом в альтернативной школе в Миннеаполисе. А сейчас работает над проектом, что-то насчет создания лагеря для проблемных детей на природе.

— Не могу представить Руби восторженно глядящей на какого-то парня.

Руби была весёлой и необычной. Цвет её волос менялся чуть ли не каждые две недели, и пирсинга у неё больше, чем я когда-либо видела.

Мэгги опять изогнулась, чтобы выглянуть в окно.

— Где же...

Она не закончила фразу. Дверь ресторана шумно распахнулась, и над моей головой пронеслась струя холодного воздуха.

Мэгс отвернулась от окна, глаза широко распахнулись. Она, не глядя, поставила свою чашку на стол. В дверном проёме стояла Руби, вокруг неё

роились хлопья снега. Её волосы, на этой неделе ярко-розовые, были растрёпаны, шарф перекрутился, а лицо казалось мертвенно-бледным.

— Помогите, кто-нибудь

Она на секунду прикрыла глаза.

Я поднялась ей навстречу.

— Что случилось?

Она беспомощно протянула руки и оглянулась назад через плечо.

— Я думаю, она... — Руби покачала головой. — Она там, в переулке.

Она не двигается.

Все смотрели на Руби, но никто не пошевелился. Я натянула куртку.

— Руби, кто там? — я направилась к двери. — Покажи мне.

Она кивнула, и мы, спотыкаясь, понеслись к подъездной дорожке. Снег местами покрывал тротуар, было скользко. Руби привела нас к переулку на два дома ниже кафе, и остановилась так резко, что я на неё налетела. Дрожащей рукой она указывала на что-то впереди. Я положила ладонь ей на плечо.

— Оставайся здесь.

Я увидела следы шин на снежной пороше, мятые обёртки от фастфуда. Чуть подальше на земле лежало ещё что-то. «Мешок с мусором», — решила я, но когда приблизилась, сердце забилось чаще. Кот. Раненая собака. Руки задрожали, и я крепко сжала кулаки в толстых варежках. Потом увидела, что лежит на земле, и остановилась.

Это оказался не мусорный мешок и не пострадавшая собака. Мохеровое пальто в красно-чёрную клетку уже припорошило снегом. Агата Шепард.

Мёртвая.

4

Агата лежала лицом вниз. Я подошла к телу, стараясь наступать в отпечатки ног Руби. По восковой бледности кожи и по тому, что Агата не двигалась, ясно было, что она не жива, но мне казалось, я должна это проверить. Я села в снег, стащила одну варежку. Глаза Агаты оставались закрытыми. Я попробовала найти на её шее пульс. Ничего. Я на секунду прикрыла глаза — что бы ни стало причиной смерти этой женщины, я надеялась, что это произошло быстро и безболезненно. Я встала и пошла назад, к Руби. Мэгги обнимала её за плечи. Я покачала головой, и Руби обмякла у Мэгги на руках.

Я вспомнила, что мой телефон остался в сумке в ресторане и обратилась к Мэгги:

— У тебя телефон с собой?

Она вынула его из кармана и протянула мне.

— Звони 911.

Мэгги ещё раз обняла Руби и отошла на пару шагов, открыв телефон. Руби направилась к телу, и я перехватила её.

— Кэтлин, пожалуйста, помоги Агате, — её рука, указывающая на тело, дрожала.

Я взяла её за обе руки и повернула.

— Мэгги звонит 911.

— Я не могу оставить её лежать на снегу, — дрожащими губами бормотала Руби.

Я пошла к Мэгги. В начале переулка появились какие-то люди. Свободной рукой Мэгги преграждала им путь дальше.

— Полиция уже едет, Руби, — мягко сказала я.

Она посмотрела на меня непонимающим взглядом.

— В машине есть одеяло...я просто...Я просто пойду принесу его, и мы её накроем.

Она стала вырываться, и я сжала её руку покрепче.

— Руби, нельзя.

Она недоуменно смотрела на меня, по щекам текли слёзы.

— Я не могу... Я не могу её так оставить... как какой-то мусор... в снегу.

— Я знаю. Но мы не должны ничего трогать, и так уже натоптали достаточно.

Руби прерывисто вздохнула.

— Ты... ты трогала Агату? — спросила я. — Брала что-нибудь?

Она покачала головой.

— Я опаздывала и срезала путь через переулок, потому что пришлось припарковаться за углом. Увидела и поняла... что это Агата, и просто побежала за помощью. Я... я ни к чему не прикасалась, — она оглянулась через плечо. — Кэтлин, а ты уверена, что она... — она не закончила предложение.

— Да. Мне жаль, Руби, — я чувствовала себя ужасно, гася эту искорку надежды в её глазах.

Она прижала ко рту трясущуюся руку, покрасневшую от холода.

— Они едут, — сказала Мэгги, когда мы подошли к ней.

Я посмотрела на обеих и махнула головой в сторону кафе.

— Ты справишься? — почти шёпотом спросила Мэгги, поняв, что я имею в виду,

— Полиция будет с минуты на минуту.

Она кивнула и обняла Руби.

— Пойдем. Тут жуткий холод. Пошли, выпьем у Эрика чаю.

— Я должна остаться, — засомневалась Руби.

— Я останусь. Обещаю, что не уйду, пока не приедет полиция.

Руби снова посмотрела вглубь переулка. Она вся тряслась от шока и холода.

— Ты ничем не можешь помочь Агате, — сказала я. — иди с Мэгги, ты совсем закоченела.

— Ладно, — слабо произнесла она.

Мэгги увела её, а я осталась в переулке, ожидая звука сирен, сунув руки в карманы и переступая с ноги на ногу, пытаюсь таким образом держать под контролем не только холод, но и подкрадывающийся страх. Через несколько минут первый патруль припарковался под углом к тротуару. Я узнала вышедшего из машины полицейского, он брал у меня отпечатки пальцев прошлым летом, когда я нашла тело Грегора Истона. Потом он часто бывал в библиотеке, читал всё подряд по праву.

Я повернулась и махнула:

— Она там.

— Пожалуйста, ждите здесь, мисс Поулсон, — кивнул он.

Я наблюдала, как он осторожно идёт к телу Агаты и тоже проверяет пульс.

— Доброе утро, Кэтлин, — сказал голос позади меня.

Я так быстро обернулась, что поскользнулась и едва не упала. Маркус Гордон подхватил меня.

— Осторожнее.

Я отступила на шаг и восстановила равновесие.

— Спасибо.

В этой толстой чёрной парке и чёрной вязаной шапке он казался больше, чем обычно. Волнистые тёмные волосы немного отросли — возможно, из-за зимы?

— Что случилось? — непринужденно спросил он, будто мы случайно встретились и обсуждаем погоду.

По опыту я знала, что, взявшись за дело, он полностью концентрировался на нём и был очень эффективен.

— Агата Шепард, — я указала вглубь переулка.

Он прищурился, глядя мимо меня. Молодой полицейский увидел его и направился к нам.

— Она мертва. Я не смог найти пульс.

Я вспомнила ощущение от кожи Агаты — такой холодной — под моими пальцами.

— Как ты нашла тело? — спросил он.

— Это не я.

Маркус поднял затынутый в перчатку палец.

— Извини, я на минутку.

Он прошёл несколько шагов к полицейскому и стал что-то говорить, указывая на тело. Полицейский слушал и кивал. Наконец Маркус вернулся ко мне. Легко коснувшись руки, увлёк меня в сторону.

— Итак, тело нашла не ты. А что ты здесь делала?

— Мы с Мэгги завтракали у Эрика. Мы ждали Руби... Блэкторн. — Я вспомнила лицо Руби, стоящей в двери. — Руби шла через тот переулок. Она и нашла Агату.

Руки и ноги замерзли, и вторая пара носок не помогла. Сунув руки в карманы, я быстро оглянулась через плечо, но ничего толком не увидела. Я снова посмотрела на Маркуса.

— Я пришла сюда с Руби посмотреть, жива ли Агата. Мэгги позвонила 911 и увела Руби к Эрику, а я осталась ждать.

Он кивнул. Как обычно, он ничего не записывал.

— Что ты трогала?

— Воротник её пальто, когда щупала пульс.

— И всё?

— Да.

Подъехал полицейский фургон. Маркус снова посмотрел вглубь переулка.

— Пока всё. Если понадобится задать ещё какие-то вопросы, ты будешь в библиотеке?

Я кивнула.

— Спасибо, Кэтлин. — он выжидающе смотрел на меня. На секунду я смутилась, потом поняла, что меня отпускают. Он уже включил режим полицейского. Не думаю, что он осознавал, каким при этом кажется. Ничего не говоря, я повернулась и пошла в ресторан. Мэгги и Руби сидели за столиком. Я уселась напротив, стягивая куртку и вешая её на спинку стула.

— Там полиция, — сказала я.

Клер принесла мне чашку кофе. Эрик, кажется, так и не появлялся. Я отпила, и тепло дымящегося кофе распространилось в груди. Мы сидели в тишине, и наконец, Руби посмотрела на меня. Она всё ещё была бледна, но, кажется, шок понемногу проходил.

— Спасибо, что подождала полицию, — сказала она.

— Ерунда, — я слегка ей улыбнулась. — Детектив Гордон захочет поговорить с тобой.

Руби уставилась в чашку.

— Я думала... я подумала, что это мешок с мусором сдуло ветром, — сказала она. — Я не знала, что это Агата, пока не подошла прямо к ней, — она провела пальцем по краю чашки.

Мэгги положила руку ей на плечо.

— Я не понимаю, что она делала в этом переулке, — сказала Руби. Она взяла чашку и снова поставила, не сделав и глотка.

Клер принесла еду. Я забыла, что мы заказывали. Она поставила передо мной блины, потом поколебалась.

— Извини, что подслушала, — сказала она Руби. — Эрик позволял миссис Шепард спать в задней комнате, когда становилось совсем холодно. Думаю, у неё никогда не хватало денег, чтобы держать дом в тепле. Может, поэтому она была в переулке, — она вручила Мэгги её тарелку. — Если что-нибудь понадобится, дайте знать.

Я убрала с принесённой маленькой тарелки кружочки масла, положила на их место один блинчик и несколько ломтиков апельсина, поставила тарелку перед Руби, подождала, пока она начнёт есть, и тогда сама взялась за вилку.

— У неё был инсульт, — внезапно сказала Руби. — Поэтому она упала. Поэтому она оказалась в реабилитационном центре в Миннеаполисе.

— Тогда, может, это снова был инсульт, — предположила Мэгги. Она подняла крышку чайника и огляделась в поисках Клер.

— Она ненавидела то место, — сказала Руби. — Может, она уехала слишком рано.

Мэгги, наконец, встретилась глазами с Клер, подняла чайник, и официантка кивнула и потянулась к чайнику с водой. Она бросила в чайник Мэгги новый пакетик, залила водой. Я тронула Клер за руку.

— Извини, можно мне два больших кофе с собой?

— Конечно. Как обычно?

Я покачала головой.

— Нет. Двойные сливки, двойной сахар в один, и можно ещё дополнительно сливки и пару пакетиков сахара к другому?

— Конечно, — сказала она. — Я их принесу, когда вы соберётесь уходить, чтобы кофе был горячим.

— Спасибо, — сказала я.

Мэгги откинулась на спинку кресла.

— Руби, — спросила она, — а как ты стала для Агаты одним из... — она замялась.

— Проектов? — подсказала Руби.

— Ну, я хотела сказать «ребятишек», — ответила Мэгги. — Но да, я имела в виду проекты.

— Рома говорила, что стала ветеринаром благодаря Агате, — сказала я.

— Благодаря ей я стала художницей, — сказала Руби. — Она поймала меня на рисовании граффити из баллончика со спреем на школьной стене,

— она опустила вилку. — Я бежала не так быстро, как мои так называемые «друзья», а Агата оказалась довольно шустрой для такой пожилой дамы.

— Она тебя схватила, — сказала Мэгги.

Руби подцепила вилкой кусочек грейпфрута и съела.

— Буквально, за шиворот. Я не сдала других, и она сказала, что мне придётся в одиночку очистить всю стену. — Она улыбнулась шире. — А когда я попыталась доказать художественную ценность граффити, она заставила меня написать трёхстраничное эссе с обоснованием причин. Агата использовала его и написанную мной картину, чтобы получить для меня место в шестинедельном летнем художественном лагере.

— Похоже, она умела распознать, кому что интересно, — сказала я.

— Да, умела, — ответила Руби. — У неё был способ заглянуть прямо в душу, в то место, которое не показывают никому. С другой стороны, она бывала упёртой. Она заставляла меня отдирать ту стену, пока от картины не осталось ни единого мазка. — Проведя руками по торчащим розовым волосам, она глянула на часы и повернулась к Мэгги. — Нужно открыть магазин.

Объединение художников — Мэгги и Руби — содержало магазин и художественную галерею в том же здании, где Мэгги преподавала тай-чи.

— Давай я открою вместо тебя? — Мэгги поставила чашку на стол.

Руби с минуту изучала свои руки.

— Спасибо, но лучше я сама. Лучше оставаться занятой, чем постоянно думать о случившемся.

— Ладно, — кивнула Мэгги. — Я тебя провожу, мне всё равно в твою сторону.

Я встала.

— Пойду, возьму свой кофе. Идите, я заплачу.

— Уверена? — спросила Мэгги, надевая куртку.

— Ага. Сейчас вернусь.

В кафе становилось многолюдно. Ожидая Клер у стойки, я слышала разговоры. Известие об Агате уже распространялось. Я заплатила за завтрак и забрала кофе. Клер положила пару пакетиков сахара, сливки и пластиковую ложечку в вощёный бумажный пакет, закрутила его сверху и протянула всё мне. На одной крышке красовалась буква Ч.

— В этом только кофе, — сказала она. «Ч» — чёрный.

Я поблагодарила и пошла обратно к столику. Мэгги подержала стаканчики, пока я натягивала пальто, шапку и варежки. Когда я повесила на плечо портфель, она отдала мне кофе, и пальцы ощутили тепло. Выйдя наружу, мы увидели человека, перебежавшего улицу, лавируя между машинами.

— Руби, — крикнул он.

Она повернулась, и лицо её просветлело. Подойдя к нам, он обнял Руби. «Новый бойфренд», подумала я, и Руби подтвердила это, повернувшись к нам:

— Кэтлин, это Джастин.

— Вы библиотекарь, — сказал он.

Я кивнула. Он сунул шапку, которую держал в руках, в карман и протянул руку. Я показала ему два кофе в оправдание, что не могу пожать её. Он улыбнулся и сказал:

— Рад познакомиться.

Среднего роста, с довольно длинными тёмными волосами, зализанными назад, с залысинами на лбу. Он него пахло гелем для волос.

— Ты помнишь Мэгги, — сказала Руби.

— Конечно. Привет, Мэгги.

— Привет, — ответила она.

— Я так рад, что застал вас. Я нашёл те лампы, что вы искали.

Он похлопал висевшую на боку чёрную нейлоновую сумку. На одном запястье он носил пару силиконовых браслетов и серебряный с черепом на другом.

Руби хлопнула себя по лбу.

— Совсем забыла. Это для Мэгги.

Он открыл сумку и протянул Мэгги пакет.

— Спасибо, — сказала она.

Руби огляделась и непроизвольно вздрогнула. Джастин проследил за её взглядом:

— Что там происходит?

Руби на секунду закрыла глаза и сделала пару глубоких вдохов.

— Это... это... Помнишь, я знакомила тебя с Агатой Шепард?

Джастин медленно кивнул и прищурился.

— Она... эмм... мертва, — сказала Руби.

— Мне так жаль, — он взял её за руку и пожал её, потом посмотрел на меня и Мэгги. — Что случилось?

Мэгги пожала плечами:

— Возможно, insult. Ей было очень много лет.

Руби с трудом сглотнула.

— Я шла через переулок, и она там лежала...

Джастин обнял её:

— Ужас. Могу я чем-то помочь?

Руби выбралась из его объятий и убрала с лица выбившиеся волосы.

— Нет... я... я в порядке.

Если я постою ещё, кофе совсем остынет.

— Ребята, мне пора.

Руби повернулась и коснулась моей руки.

— Спасибо, Кэтлин.

— Не за что, — я улыбнулась Джастину. — Рада была познакомиться.

— Да, я тоже, — ответил он.

Я встретила глазами с Мэгги.

— Увидимся на тренировке.

Она кивнула.

Я пошла вниз по улице, а остальные — в противоположном направлении. Полицейский Крейг до сих пор стоял в конце переулка, который уже огородили полицейской лентой и перекрыли парой переносных дорожных барьеров. Собралось несколько зевак, но не слишком много.

Я подошла к нему и протянула кофе и пакет со сливками и сахаром.

— Я подумала, что вы замерзнете.

— Спасибо, — ответил он, принимая у меня стаканчик.

— В пакете сахар и сливки. Можете отдать это детективу Гордону?

Я протянула второй стакан.

На его лице промелькнуло удивление.

— Да, мэм.

— Не мёрзните, — сказала я. Так зимой говорили все в Мейвилл-Хайтсе.

Я обошла полицейский фургон, все ещё припаркованный под углом к тротуару, и заглянула в переулок. Я увидела только Маркуса и ещё пару человек, стоявших над телом Агаты Шепард, всё ещё лежавшим на заснеженной земле. Меня пробрала дрожь. Мэгги и Руби считали, что у неё случился второй инсульт. Я не хотела расстраивать Руби, но на пальто Агаты и на земле была кровь. И её рука выгнулась под неестественным углом.

Не знаю, что именно случилось, но смерть её определенно была насильственной.

5

Когда я отпирала решётку на входе в библиотеку, по лестнице поднялась Абигайль. Теперь, когда в библиотеке установили современную охранную систему, решёка выполняла скорее декоративную функцию. Я набрала на клавиатуре код и подождала зелёного огонька, прежде чем открыть дверь. Позади меня Абигайль включила свет.

— Красиво, правда? — сказала она, стаскивая с головы шарф.

Её волосы красивого рыже-седого оттенка были заплетены в привычную косу.

Она улыбнулась:

— Я знаю, знаю. Я всё время это говорю, но не могу привыкнуть, как тут стало здорово. — Она указала на мозаичный пол. — Я частенько вспоминаю тот отвратительный бирюзовый ковёр.

Я закатила глаза.

— Это был ужас.

Абигайль пошла на второй этаж в комнату для персонала. Я последовала за ней.

— Хочешь кофе? — спросила она.

— Да, пожалуйста.

Я открыла свой кабинет, бросила сумку на стол, повесила куртку и наклонилась снять ботинки. Под отворотом брюк что-то было — наверное, очередной комок снега. Я стала выворачивать ткань, чтобы стряхнуть его на пол, и поняла, что это вовсе не грязный снег, а кусок стекла. Откуда он тут? Я хотела вытащить его, но остановилась. Я наклонялась к Агате проверить пульс. На земле возле тела были следы шин и всякий мусор. Может, там я и заполучила стекло? Если кто-то сбил Агату, кусок стекла на моих штанах может быть уликой.

Я потянулась к сумке. В кошельке лежала визитка Маркуса Гордона, которую он дал мне прошлым летом, когда в мой дом ворвались. Теперь я воспользовалась ею. Неудивительно, что попала на голосовую почту. Оставив короткое сообщение, я повесила трубку, закатала рукава свитера и обернулась.

В дверях стоял Маркус. От удивления я издала горлом какой-то клёкот.

— Прости, не хотел тебя испугать.

— Ничего, — ответила я, опираясь на стол. — Я только что оставила тебе сообщение.

Он вытащил телефон:

— Точно. Значит, ты что-то забыла мне рассказать?

— Нет. У меня тут кусочек стекла, — я показала на штанину. — Возможно, он прицепился, когда я наклонялась к Агате. С утра его ещё не было.

Маркус наклонил голову и посмотрел на меня. Во мне пять футов шесть дюймов. Он — выше шести футов, и в его присутствии я всегда ощущала себя маленькой.

— Почему ты думаешь, что он из переулка?

— Потому что в кафе у меня развязались шнурки, и я стряхивала со штанов снег. Я бы его заметила.

— Ты пришла сюда пешком?

— Да, — ответила я, передвинувшись так, чтобы край стола не врезался мне в спину. — Всю дорогу шла по тротуару.

— Можно? — он показал на мою ногу.

— Пожалуйста. — Я поставила ногу на сиденье стула из искусственной кожи, стоявших у моего стола. — Он внутри отворота.

Маркус вытащил из кармана тонкие фиолетовые перчатки и надел. Затем осторожно двумя пальцами извлёк кусочек стекла. У него огромные руки. Он встал и огляделся.

— Есть какой-нибудь конверт?

— Наверное, — я опустила ногу и протиснулась мимо него к ящикам стола.

Он пах цитрусом, немного похоже на те напитки с кусочком лайма на шпажке. Я покачала головой. Господи, зачем я его нюхаю, ведь большую часть времени он мне даже не нравился.

Я протянула ему большой конверт:

— Подойдет?

— Отлично.

Я раскрыла конверт, он уронил в него стёклышко, и я вручила всё ему.

Он запечатал конверт и спрятал в карман:

— Спасибо.

— Не за что.

Он не пошевелился.

— Ты хотел спросить что-то ещё?

— Всего пару вопросов.

— Садись.

Он отмахнулся:

— Я постою.

Я не хотела сидеть, когда он стоит и нависает надо мной, как коп из старого чёрно-белого фильма, поэтому тоже осталась стоять.

— Что ты хочешь узнать?

— Ты встретила с мисс Адамс и мисс Блэкторн в ресторане. Во сколько это было?

— Я встречалась с Мэгги. Она сказала, что Руби тоже придёт, принесёт ей лампочки для Зимнего фестиваля. Я пришла где-то в семь тридцать, Мэгги уже была на месте.

Он скрестил руки на груди.

— Когда появилась мисс Блэкторн?

Я пожала плечами.

— Минут через пять. Точно не больше, чем через десять. Мы успели сделать заказ, но еду ещё не принесли, и я не допила первую чашку кофе.

Он кивнул, и я предположила, что он записал информацию где-то у себя в голове.

— Итак, вы пошли проверить миссис Шепард?

Я кивнула.

— Зачем?

— Зачем? — повторила я.

Он переступил с ноги на ногу.

— Почему вы просто не позвонили 911 или не отправили посмотреть кого-то другого?

Я медленно выдохнула, пытаюсь избавиться от раздражения, которое Маркус во мне вызывал.

— Я не знала, что есть повод звонить 911. Руби была... расстроена, в переулке темно. Может, ей просто что-то показалось. Почему пошла именно я, — я показала свои ботинки, стоявшие под вешалкой на куске газеты, — у Мэгги были сапоги на каблуках, а у меня нет. Тротуар скользкий, и я передвигалась гораздо быстрее.

Он посмотрел на ботинки, и мне на секунду показалось, что он сейчас пойдёт и возьмёт их.

— Итак, ты вошла в переулок. Что было дальше?

— Я увидела, что где-то на полдороге на земле что-то лежит. Я не могла понять, человек это или просто мешок с мусором. — Я сложила руки на груди, подражая его позе. — Я велела Руби стоять в конце переулка и пошла посмотреть, что там. Подойдя ближе, я узнала Агату и поняла, что она мертва.

— Как ты это поняла?

— Я не первый раз видела труп, — сухо ответила я. — Но, как я уже говорила, я проверила пульс.

— Ты трогала что-нибудь ещё? — он опустил руки, и потянул шею, поворачивая голову туда-сюда.

— Нет, — медленно и четко ответила я. Он уже спрашивал об этом, и значит, была какая-то причина, почему решил повторить ещё раз. — Я больше ничего не трогала. Я прошла туда и обратно, стараясь попадать в следы Руби. Когда поняла, что ничем не могу помочь Агате, я вернулась к Руби. С ней была Мэгги, и я попросила её позвонить 911, потому что мой телефон остался в портфеле. — Я подняла руку прежде, чем он заговорил: — Руби замёрзла, и я боялась, что она впадёт в шок, и поэтому отправила их с Мэгги к Эрику, а сама осталась ждать вас. Вот и всё.

Он снова кивнул и что-то нащупал в кармане.

— Ты знала миссис Шепард?

— Нет. Я видела её пару раз за последние дни, но не знала, кто она, до вчерашнего дня, когда она появилась у Эрика, и я спросила Рому... доктора Дэвидсон.

Я вспомнила Агату и Старого Гарри, ругающихся на тротуаре. Не зная, как это может быть связано с её смертью, я не стала рассказывать Маркусу, чтобы он не беспокоил старика.

Я прислонилась к столу и вытянула перед собой ноги, положив одну на другую.

— Что-нибудь ещё?

Он улыбнулся, почти.

— Больше ничего. Спасибо. — Он тронул карман. — И спасибо, что позвонила, когда нашла стёклышко.

— Пожалуйста, — слегка улыбнулась я.

Он пошёл к двери, но остановился и повернулся ко мне.

— Ты, случайно, не можешь помочь мне в Вистерия–Хилле завтра утром?

В старом поместье Хендерсонов, Вистерия–Хилле, всё ещё жила колония бродячих котов. Рома собрала группу волонтеров, которые заботились о них. Одним из них был Маркус. И я. Я прикинула свои планы на утро пятницы: стирка, уборка — ничего неотложного. И я неровно дышала к Вистерия–Хиллу, ведь там я нашла Геркулеса и Оуэна. Точнее, они нашли меня.

— Могу, — кивнула я.

Он наконец по-настоящему улыбнулся.

— Спасибо. Заеду около восьми, если тебе удобно.

Меня до сих пор сбивала с толку скорость, с которой он переходил от прохладно–профессионального тона к дружескому.

— Удобно.

— Позвоню, если что–то изменится.

— В смысле, если найдешь того, кто ударил Агату.

Он даже не моргнул.

— Думаешь, кто–то ударил миссис Шепард? — он стоял так беззаботно, расставив ноги, руки в карманах.

— Думаю, да, её сбила машина, — я указала на его карман. — Разбитое стекло, кровь на её пальто, следы шин в переулке. Это был не инсульт. — Я выпрямилась и уставилась на него, практически вынуждая сказать, что я не права.

Он долго смотрел на меня.

— Ты очень наблюдательна, Кэтлин, — наконец произнёс он.

Я ждала чего–нибудь ещё, какого–нибудь признания, что я права, но он только натянул перчатки.

— Хорошего дня, Кэтлин, — на этот раз он не обернулся.

Я уже тянулась к портфелю.

— Кэтлин.

Я повернулась.

— Спасибо за кофе.

Он исчез прежде, чем я успела сказать «не за что».

Я вынула из портфеля ноутбук и папку со списком справочников, которые хотела заказать, и поставила его под вешалкой рядом с ботинками. Потом подошла к стойке, где Абигайль разбирала книги, нацепив очки для чтения без оправы.

— Я впустила детектива Гордона. Ничего страшного? — спросила она.

— Всё нормально.

— Он такой симпатичный — квадратная челюсть, широкие плечи. Ну прямо Дадли Справедливый, — сказала Абигайль, губы у неё изогнулись в лёгкой улыбке.

— Только ты ещё не начинай, — сказала я. — Он не в моём вкусе.

Она подняла руку.

— Как скажешь, — по её тону было ясно, что она мне ни на грамм не верит. — Так зачем он приходил?

— Ты знакома с Агатой Шепард?

— Не совсем. Я знаю, кто она, — она подняла глаза, лицо было серьёзным. — С ней что–то случилось?

Я кивнула.

— Она мертва. Руби нашла её тело. Знаешь переулок позади кафе Эрика?

Она кивнула.

— Руби шла там на встречу с Мэгги и со мной.

— Бедная Руби, — прошептала Абигайль. — Агата же была в реабилитационном центре и вернулась домой с неделю назад? — она покачала головой. — Это несправедливо. Снова инсульт?

Я вспомнила тёмное пятно крови на клетчатом мохеровом пальто.

— Я... я не знаю. Детектив Гордон не сказал.

— Она была хорошим директором. Помогла многим ребятишкам, — Абигайль посмотрела на стол и поморщилась. — Кэтлин, прости, я забыла сказать, что Сьюзен звонила. Она не придёт до обеда.

— Близнецы заболели? — я вспомнила, что Эрика не было в кафе. На них непохоже, чтобы оба пропускали работу.

— Она не сказала, но скорее всего. Голос был измученный.

— А Эрика не было утром в кафе. Кажется, Клер сказала, что он сломал зуб.

Абигайль сочувственно вздрогнула.

— Я продержусь. Скоро появится Кейт.

Кейт — наша практикантка.

— У тебя «Час сказок».

Абигайль, работавшая в библиотеке неполный день, была ещё и детским автором. Она часто читала детям сказки собственного сочинения. Я никогда не знала, что будет происходить во время «Часа сказок» —

однажды, придя утром в библиотеку, я обнаружила там детишек в шапочках из фольги с антеннками — и мне это понравилось.

Я глянула на часы.

— Попробую вызвать Мэри.

— Ладно, — Абигайль вернулась к книгам.

Я пошла в кабинет и позвонила Мэри.

— Буду через полчаса, — сказала она. — Ты отрываешь меня от кучи грязного белья, но оно не будет скучать.

Я поблагодарила её и пошла вниз, сообщить Абигайль, что Мэри на подходе. Было девять. Абигайль включила полное освещение, а я отперла дверь и начала мысленно сверяться со списком дел на это утро.

— Я разберу оставшиеся книги, — сказала Абигайль. — Кофе готов. Крепкий, как ты любишь.

— Спасибо. Я выпила всего лишь одну чашку за всё утро.

— Разве можно выпускать тебя в ничего не подозревающий мир, когда ты не выпила минимум две чашки? — поинтересовалась она, стараясь сохранять серьёзное лицо.

Я задумчиво посмотрела на неё:

— Нет.

Мы обе рассмеялись.

Лицо Абигайль снова стало серьёзным.

— Кэтлин, я не спросила. Как Руби?

— Её слегка трясло. С утра она должна была работать в магазине и решила, что пойдёт. С ней Мэгги.

— Рада, что с ней всё нормально.

Я вспомнила, как Руби стояла в переулке, сжавшись от холода, дрожа в объятиях Мэгги.

— Да, я тоже, — ответила я.

Абигайль смахнула пыль с большой настольной книги о Сахаре.

— Нет, всё-таки это несправедливо, — снова произнесла она. — Я не верю, что Агата умерла.

Позади раздался грохот. Я подскочила и резко обернулась. Там стоял пепельно-бледный Гаррисон Тейлор, рядом с ним валялась его трость.

6

— Гарри, всё в порядке? — спросила я.

Ему понадобилась секунда, чтобы сфокусироваться на мне.

— Эээ... да... я... я становлюсь неловким. — Он хотел взять трость, но я наклонилась и подала её. — Спасибо, дорогая, — сказал он. Я заметила, что он всё ещё бледен. Он провёл рукой по подбородку, скрюченные суставы пальцев натягивали тонкую как бумага кожу. — Я правильно расслышал, Кэтлин? — спросил он с беспокойством в голубых глазах. — Агата Шепард... умерла?

Я кивнула и положила руку ему на плечо. И была удивлена, когда он положил свою руку поверх моей.

— Мне жаль, — мягко сказала я.

— Мне тоже, — ответил старик.

Вошёл его сын.

— Вот ты где, — сказал он с ноткой раздражения. — Я вернулся к пикапу, а тебя там нет.

— Конечно, ведь я здесь, — заявил Гаррисон.

— Это я вижу, — сухо ответил Гарри-младший. — Я же сказал ждать в машине.

— Мне не шесть лет, — огрызнулся Гаррисон, — и я не хотел сидеть в машине.

Гарри раскрыл рот, чтобы сказать что-то ещё, но то ли наши лица, то ли то, как мы стояли, подсказали ему, что что-то не так.

— Что случилось? — спросил он, всё раздражение куда-то испарилось.

Я взглянула на старика, он встретился со мной глазами и опустил их.

— Агата Шепард, — начала я, пожала руку старого Гарри и отпустила, — она... она умерла.

Лицо Гарри-младшего побледнело.

— Прости, папа, — сказал он. — Ты... ты же работал с Агатой, ты знал её.

— Да, — сказал Гаррисон. Я заметила, как сильно он сжимает трость.

Гарри-младший снял кепку и провёл рукой по голове.

— Что случилось?

Я пыталась не думать о теле Агаты, лежавшем в том переулке, или о том, как они ссорились с Гарри и их гнев искрился в холодном ночном воздухе.

— Никто пока точно не знает, — наконец сказала я.

Он посмотрел на отца.

— Как ты?

— Я бы не против присесть, — сказал старик. — И если это кофе, — он показал на кружку Абигайль, — то я не против выпить чашечку.

— Тебе нельзя больше одной чашки.

Гаррисон пригвоздил сына взглядом.

— Если бы я делал только то, что можно, тебя бы вообще не было.

Гарри вздохнул.

— Ты упертый старый о... — взглянув на меня, он запнулся, — человек.

— Иди, делай, для чего ты там приехал, — сказал старик. — Я останусь с Кэтлин, может, поставлю для неё пару книжек на полки.

— Мне всегда нужна помощь, — согласилась я и повернулась к Гарри. — Идите, всё будет в порядке.

Он колебался, но в итоге сказал только:

— Ладно, — повернулся и вышел через переднюю дверь.

— Будете кофе? — спросила я Гаррисона.

— Пожалуйста, — сказал он. — Пока не вернулась Пищевая полиция.

Я жестом пригласила его в компьютерный зал.

— Там у окна пара стульев. Садитесь, я принесу кофе.

Он улыбнулся, и я не могла не подумать, как он похож на Санта-Клауса своими добрыми голубыми глазами, седыми волосами и бородой. Если бы я сама не видела, как он ругается с Агатой, в жизни бы не поверила. Невозможно представить, чтобы пожилой человек, так похожий на Санта-Клауса, имеет какое-то отношение к смерти Агаты Шепард.

Он проковылял по плиточному полу до больших окон, выходящих на воду. Я повернулась к стойке, прошептала Абигайль: «Присмотри за ним», и она кивнула.

Потом я пошла наверх и налила Гарри кофе. Поставив чашки, упаковку сливок, несколько пакетиков сахара и ложку на чёрный пластиковый поднос, я отнесла всё вниз.

Абигайль говорила по телефону.

— Зови меня, если нужна помощь, — прошептала я. Она кивнула.

Гарри снял куртку и шапку. Я подивилась, как получилось, что у него так много волос, а у его сына так мало. Под окном стоял низкий стол. Я ногой пододвинула его ближе и поставила поднос. Гарри заметил сливки.

— А, — одобрительно сказал он, — отличная штука.

— Я не знала, как вы его пьёте, — сказала я, а он налил сливки в чашку.

— Немножко сливок и три сахара, — он потянулся к бумажным пакетикам. — Потому что я кислый старикашка.

— Вовсе нет, — возразила я.

Он положил сахар в чашку, помешал и сделал глоток.

— Мммм, хороший кофе.

— Спасибо Абигайль. Это она сварила.

— Обязательно поблагодарю, — сказал он.

Я отпила из своей чашки. Гаррисон был прав. Хороший кофе. Я немного подвинулась, наблюдая, как он поудобнее устраивается в кресле. Какое-то внутреннее напряжение, по всей видимости, ушло. Пристроив чашку на подлокотник кресла, он посмотрел на меня.

— Собираешься спросить меня об Агате?

Это был, в общем-то, не вопрос.

— Это не моё дело.

— В таком маленьком городке не так много секретов.

Я невольно улыбнулась. Скорость распространения новостей по Мейвиллу порой раздражала. С другой стороны, я начала привыкать к тому, что люди знают меня, что я становлюсь частью города.

Старик принялся изучать свою левую руку, и я задумалась, что именно он видит — какой-то образ из прошлого? Внезапно он снова посмотрел на меня.

— Ты, наверное, догадалась, что я хорошо знал Агату.

Тот факт, что они ссорились на морозе, делал это совершенно очевидным. Я вспомнила, как Орен говорил, что Гарри тренировал школьную хоккейную команду.

— Вы дружили, — сказала я.

Он сделал ещё глоток.

— Очень давно. Мы поссорились и много лет не разговаривали.

Ладно, такого я не ожидала.

— Ты удивлена, — сказал он.

Я покрутила кружку в руках.

— Немного, — признала я. Он не похож на того, кто может злиться так долго.

— Я был упрям. Она тоже, — на его лице отражались печаль и сожаление.

— Вы из-за этого рассердились прошлой ночью? — спросила я. — Всё та же ссора?

Выражение его лица на мгновение смягчилось.

— Я не могу сказать тебе, о чем мы спорили. Могу только заверить, что это не имеет никакого отношения к её смерти.

Я сделала долгий глоток, пока придумывала, что сказать дальше.

— Гарри, полиция узнает о вашей ссоре, — наконец сказала я. — Вероятно, я не единственная, кто вас видел.

Его челюсти сжались.

— Кэтлин, как она умерла?

— Я не знаю.

Он внимательно смотрел на меня.

— Ты что-то не договариваешь. Не стоит щадить меня из-за того, что я стар.

Я сглотнула и поставила чашку на поднос.

— Агату нашли в переулке позади Мейн-стрит.

— Плохо с сердцем или она опять упала?

Я наклонилась вперёд.

— Я не знаю, Гарри. Правда не знаю.

— Но думаешь, что знаешь.

— Я только видела её достаточно долго, чтобы точно понять, что она... ушла.

— Боже милостивый, — пробормотал он. — Ты думаешь, кто-то... Я не убивал Агату.

Я коснулась его рукой.

— Гарри, я знаю. Может... — я запнулась. Я собиралась сказать, что, возможно, у Агаты случился инсульт. Но не верила в это. Я облокотилась на ручку кресла.

— Гарри, у полиции будут вопросы. Это их работа. Расследованием занимается детектив Гордон. Что бы вы ни рассказали ему, он не станет распространяться об этом.

Гаррисон покачал головой.

— Я понимаю, о чем ты, Кэтлин, — сказал он, придвигая стул ближе к столу, чтобы поставить чашку на поднос.

— Но я дал слово, и это до сих пор кое-что для меня значит. Агата теперь не может освободить меня от обещания, так что я намерен исполнить его.

Я ничего не ответила.

— Тебе это, наверное, кажется старомодным.

Мне это казалось безрассудным, но я промолчала.

— Я не знала Агату. Но слышала, что она беспокоилась о близких ей людях. Рома рассказала мне о детях, которым она помогла, о том, как она изменила их жизнь.

Он улыбнулся.

— Это правда. Она никогда не ставила на ребёнке крест, вцеплялась в него, как бульдог.

— Так разве она хотела бы, чтобы у вас были неприятности с полицией из-за данного ей обещания? Особенно когда её уже нет с нами?

Он медленно покачал головой.

— Это не одно и то же. Я связан словом и исполню его.

Мне его не переубедить.

— Я уважаю ваше решение, — сказала я.

— Но думаешь, что я не прав, — возразил он.

— Я думаю, что вы должны поступать так, как считаете правильным, — я похлопала его по руке. — И мне жаль Агату. Искренне.

Его глаза снова погрустнели.

— Наш последний разговор был бурным. Я жалею об этом. Может, поэтому я чувствую, что должен исполнить данное ей слово. Я не могу взять назад то, что сказал.

Позади нас раздался какой-то звук. Я повернулась и увидела Гарри-младшего.

— Нам пора, — сказал он.

Старик с трудом поднялся. Я пыталась предложить помощь, но он отмахнулся. Он надел тяжёлую куртку и дал мне подержать трость, пока напяливал шапку.

— Спасибо за кофе и за беседу, — сказал он.

Я улыбнулась.

— Пожалуйста, — и протянула ему трость. Он направился к двери.

— Спасибо, Кэтлин, — сказал Гарри-младший.

— Не за что. Мне было в радость.

Когда они ушли, я отнесла поднос вверх. К обеду я закончила отчет по реновации библиотеки и отправила его секретарю Эверетта Хендерсона, Лите. Эверетт финансировал работы в качестве подарка городу.

Ко мне постучалась Кейт. На ней были полосатые фиолетово-чёрные леггинсы, длинный фиолетовый свитер и чёрные высокие кроссовки, которые она оживила наклеенными стразами. Она принесла мне заполнить лист оценки.

— Можете отправить его в школу факсом.

Я пообещала отправить бумагу её учителю до конца дня. Мне нечего было сказать, кроме хорошего, о ней и их программе практики. Кейт прилежно работала, появлялась рано и отлично управлялась с малышами, приходившими на «Час сказок». Она даже уговорила меня разрешить ей установить камеру в кладовке, чтобы снимать берег реки для школьного арт-проекта.

Я сменила Абигайль за стойкой на время обеда, выдала кучу книжек с картинками четырёхлеткам, которые пришли на «Час сказок». Сьюзен пришла около половины первого. Она заметила за стойкой меня, и вид у неё был... виноватый? Она впервые пропускала работу — за исключением того дня, осенью, когда оба её близнеца свалились в один день с одного и того же дерева. Сьюзен остановилась перед стойкой, крутя на пальце обручальное кольцо.

— Извини за это утро.

— Всё в порядке, — я улыбнулась, чтобы дать ей понять, что говорю искренне. — Как Эрик?

— Эрик? — она проглотила комок в горле. — А, он... с ним всё в порядке. Он тут ни при чём. — Она нарочито пожала плечами. — Это близнецы... съели что-то не то.

— Ясно, — сказала я. — А ты не хочешь взять выходной? Мэри здесь, я могу заменить тебя.

Сьюзен покачала головой так, что пучок волос задрожал. Обычно она что-нибудь в него втыкала — палочку для еды, карандаш или соломинку для коктейля, но сегодня казалось, она просто схватила резинку и кое-как закрепила волосы. Несколько прядей падали ей на лицо.

— Нет, всё в порядке, правда. Мальчики хорошо себя чувствуют. — Она улыбнулась, немного натянуто. — Ты же знаешь, как у детей — только что тошнило, а через минуту они уже разносят весь дом. — Она поколебалась мгновение. Я никогда не видела Сьюзен такой встревоженной. — Я только оставляю вещи. Хочешь, я выложу новые журналы?

— Да, пожалуйста, — согласилась я. — Они в подсобке.

— Ладно.

Я смотрела, как она поднимается по лестнице, и думала — что же на самом деле случилось? Что-то сделало Сьюзен такой нервной и уклончивой. Она отводила глаза, говоря со мной, а история про близнецов, которые съели что-то не то и захворали, звучала подозрительно. Клер сказала, что Эрик не пришёл в ресторан, потому что сломал зуб. Это правда? Или есть что-то ещё, от чего Сьюзен так странно себя ведёт? Обычно Сьюзен была жизнерадостной и в некотором смысле язвительной, а Эрик, напротив, серьёзным и собранным. Оба мне нравились, и я надеялась, что между ними ничего не произошло.

Мне пришло в голову, что Сьюзен ничего не сказала про Агату Шепард. Тот переулок расположен за рестораном и соседним зданием. Чтобы дать Эрику знать, что случилось, кто-то должен был позвонить ему домой. Может, поэтому Сьюзен казалась не похожей на себя. Клер говорила, Эрик иногда позволял Агате ночевать в подсобном помещении ресторана. Может, Сьюзен плохо себя чувствовала? Может, Эрик чувствовал вину за то, что Агата вообще оказалась в том переулке?

В дверях появилась Абигайль, её плечи и шарф укутывал снег. Она потопала на коврике, и часть снега свалилась.

— Снег идёт, — сказала она. — Опять снег, — она оглянулась через плечо. — И никогда это не кончится, — она снова взглянула на меня. — Я увольняюсь, Кэтлин. Махну на какой-нибудь остров, где не надо напяливать четыре слоя одежды, прежде чем выйти из дома, — она ухватила за свою парку и демонстративно потрясла ею передо мной. — Из-за этой кучи одежды я в два раза толще.

— Я вижу.

— Уеду куда-нибудь, буду носить юбку из пальмовых листьев и лифчик из кокоса, — продолжила она, стряхивая снег с обуви.

— Будет чесаться, — сказала я.

Она обожгла меня взглядом и направилась к лестнице.

— Меня дважды — дважды! — окатили грязью на обратной дороге. Это из-за снега люди ведут себя как придурки?

Вопрос, очевидно, был риторический, так что я ничего не сказала, пока она топала по ступенькам. Как по мне, люди ведут себя плохо не из-за погоды, они могут так поступать в любой день.

7

Снег шёл весь день и кончился только в пять, когда мы с Абигаиль вышли из библиотеки. Она подвезла меня вверх по холму в своем пикапе. На таких огромных шинах он мог бы выбраться и со дна Гранд-каньона. Я мысленно пообещала себе, что когда куплю машину, у неё будут именно такие шины, как бы там они не назывались.

Когда я вешала куртку, в кухню вошёл Геркулес, покрутился у моих ног, и я взяла его на руки.

— Где твой брат? — спросила я, почесывая его за ухом. — Надеюсь, не спит на пуфике? Сколько раз я говорила ему держаться от него подальше?

Геркулес внезапно увлёкся чем-то за моим левым плечом. Я отправилась в гостиную с котом на руках, издававшим странные звуки, будто он пытается откашляться. Оуэн сидел на коврике у многострадального пуфика, невинный, как младенец.

— Я знаю, где ты был, — сказала я.

Он посмотрел на пуфик, потом на меня — просто олицетворение непонимания.

— А ты, — обратилась я к Геркулесу, — не думай, что обманул меня этим спектаклем.

Почесав его последний раз, я спустила кота на коврик, нагнулась к Оуэну и прошипела:

— Держись от пуфика подальше.

Он лизнул мой подбородок. Пока я переодевалась и разогревала в миске приготовленный в выходные куриный суп, коты таскались за мной. Я рассказала им про Агату, Руби и Гарри Тейлора. И то, что я проговорила всё вслух, помогло мне с этим разобраться.

Я выудила из миски кусочки курицы и морковки и поделилась с котами. Съев почти половину, отложила ложку и поставила локти на стол. Оуэн тут же поднял взгляд от кусочка курицы, который с подозрением обнюхивал.

— В том, что случилось с Агатой, есть что-то странное, — сказала я.

Герк оторвался от миски и посмотрел на меня.

— Маркус не говорил, но с ней не случился второй инсульт. — Уши Оуэна дёрнулись. — Да, он отнёсся к этому как к преступлению.

За прошедшее лето Маркус несколько раз бывал в моём доме. Он пытался приручить котов — как минимум Оуэна. Геркулес игнорировал Маркуса, но Оуэн, которого можно купить за горсть кошачьих лакомств, проявлял дружелюбие — ну, насколько он вообще на это способен.

Я снова взяла ложку. Коты переглянулись. Порой мне казалось, что они заодно с Мэгги в её попытках поиграть в сваху, и я напомнила себе, что они всего лишь коты.

— Ладно, — заявила я, зачерпнув полную ложку лапши, — согласна, он хороший полицейский, но совершенно невыносимый человек.

Я оставила за скобками то, что мне нравилось завтракать с ним летом. Маркус мог быть забавным и очаровательным, когда не включал Робокота. Не будь он полицейским, мы могли бы подружиться.

Я доела суп, а Оуэн и Геркулес прикончили курицу с морковью, обмениваясь взглядами и тихим мяуканьем.

— Я здесь и слышу, что вы говорите обо мне.

Они никак не отреагировали. Я говорю с котами, как с людьми, но ни за что в этом не признаюсь. Не хочу прослыть Чокнутой библиотечницей с котами. Отчасти так получилось из-за того, что я живу одна — ну, не считая Оуэна и Геркулеса. А отчасти потому, что они всё же не совсем обычные коты. Они помогли мне разгадать, что случилось с Грегором Истоном. А когда ко мне ворвался Уилл Редферн, Геркулес убежал за помощью, а Оуэн помог вырубить нападавшего. Как я могу объяснить такое, не показавшись слегка сдвинутой?

— Ладно, — я встала, чтобы отнести посуду в раковину. — Если вам так нравится Маркус, вы, вероятно, обрадуетесь, узнав, что завтра я еду с ним в Вистерия-Хилл.

Геркулес, уже закончивший еду, прошёл мимо меня, не издав ни звука, только мазнул хвостом по моей ноге.

— Ты особо не радуйся, — сказала я ему вслед. — Это не свидание. — Он опять тряхнул на меня хвостом и исчез в гостиной.

Когда я пошла на тай-чи, начался лёгкий снег. Я потёрла запястье через рукав стёганой куртки. До сих пор оно предсказывало погоду лучше, чем метеоролог со второго канала — тот обещал ясное небо и солнце до самой субботы. Когда я наконец добралась до класса, Ребекка стояла на верху лестницы, возле студии, и меняла сапоги на туфли.

Ребекка — моя соседка по заднему двору, хотя несколько футов снега на земле теперь не позволяли нам бегать друг к другу через двор, и я видела её не так часто, как обычно. Она улыбнулась и обняла меня. Рядом со мной в огромной куртке она казалась маленькой.

— Кэтлин, как я рада тебя видеть, — она отступила на шаг, чтобы окинуть меня взглядом.

— Как твоя поездка? — спросила я.

— Прекрасно, — она улыбнулась шире. — Я чуть не вернулась домой с зелёными волосами.

Я сделала вид, что рассматриваю её.

— Нет, — я покачала головой. — Думаю, твой цвет скорее синий.

Она рассмеялась.

— Значит, ты с подружками ездила на выставку средств для волос.

До пенсии Ребекка работала парикмахером.

— Ага. Не поверишь, весной в моду войдут оранжевые волосы.

Я состроила гримасу.

Она заправила мне за ухо выбившуюся прядь.

— Твои волосы замечательно отрастают.

Ребекка потихоньку исправляла чудовищную стрижку, с которой я заявила в Мейвилл-Хайтс в прошлом году — это была часть моего плана продемонстрировать, что и я могу быть спонтанной. Просто

катастрофа. Зато я узнала, что действительно могу быть спонтанной — если хорошенько это запланирую.

Ребекка ждала, пока я разденусь и переобуюсь, и рассказывала мне подробности своего визита. Мне подумалось, что зелёные волосы были ближе к реальности, чем показалось сначала.

— Чуть не забыла, — внезапно сказала она, — у меня есть кое-что для Геркулеса и Оуэна.

Порывшись в кармане, она протянула мне коричневый бумажный пакет.

— Полагаю, нет смысла говорить, что ты не должна была этого делать.

— Ни малейшего.

— Спасибо большое, — я сунула пакет в карман куртки.

— Да не за что. Я скучала по мальчикам.

Я натянула левую туфлю, отряхнула брюки и выпрямилась.

— Оуэн скачет по снегу. Но ты же знаешь, как Геркулес не любит мочить лапы. Он неженка.

— Ну, не знаю, — сказала Ребекка, когда мы вошли в класс. — Мне тоже не нравится мочить ноги.

— Это да, — я сжала её руку. — Только мне не приходится переносить тебя через газон, если на траву выпало немножко росы.

Её глаза снова блеснули.

— Знаешь, Кэтлин, а я всегда была слегка равнодушна к тем креслам, в которых древние египтяне переносили фараонов.

Она рассмеялась. Мне всегда нравился её смех. Теперь, когда Ребекка и Эверетт снова вместе, мне чаще доводилось слышать, как она смеётся.

Через окно она заметила Рому.

— Мне нужно поговорить с Ромой. Когда начнётся тренировка, становись в круг рядом со мной.

Я подошла к столу, у которого стояли Мэгги и Руби.

— Привет, — я слегка тронула Руби за плечо.

— Привет, — ответила она. Кажется, она пришла в себя, только стала чуть тише. Волосы у Руби торчали, на ней были любимая майка и чёрные леггинсы. Я знала Руби не так уж хорошо, но она мне нравилась. У неё добрая душа. Я до сих пор ношу ожерелье, которое она для меня сделала.

— Как ты?

— Лучше. Спасибо за всё, что ты сделала утром, — она помолчала. — Не могу поверить, что Агата мертва. Она столько трудилась, чтобы вернуться домой.

— И она вернулась, — голос Мэгги был ровным и успокаивающим.

Руби улыбнулась.

— Это же Агата. Если она что-то решила, то её не свернешь, — засмеялась она.

— А, так вот у кого ты научилась, — сухо сказала Мэгги поверх кружки травяного чая.

— Думаю, да.

Пора было начинать. Мэгги сделала последний глоток, поставила кружку и показала нам два пальца. Двухминутная готовность.

— Если я могу чем-то помочь, пожалуйста, дай знать, — сказала я Руби. — Ты знаешь, когда похороны?

Она покачала головой:

— Дэвид — сын Агаты — где-то в Китае. Он горный инженер. Он сможет приехать не раньше, чем через неделю. У них там дорога

осыпалась во время бури. Полагаю, всем занимается Питер Лундгрэн, адвокат Агаты.

— Адвокаты хорошо управляют с такими делами, — сказала я.

Мэгги прошла в центр комнаты.

— Агата ни за что не хотела бы пышные похороны, — сказала Руби.

— Вовсе не обязательно, что они будут такими. Питер — её адвокат, он знает, чего бы она хотела, — я снова тронула её плечо. — Я говорила серьёзно. Если могу помочь, скажи.

Её глаза наполнились слезами, она поморгала и, секунду поколебавшись, обняла меня.

Я ободряюще улыбнулась ей, стараясь игнорировать сомнения, роящиеся в голове.

— В круг, пожалуйста, — позвала Мэгги.

Руби, как лучшая в группе, встала слева от Мэгги. Справа стояла Рома и следующая за ней — Ребекка. Она встретилась со мной взглядом и махнула рукой. Я скользнула на своё место, улыбнувшись в ответ Роме, и Мэгги начала разминку.

Во время тренировки Мэгги не меньше десятка раз напомнила мне согнуть колени и перенести вес, и я очень старалась, а Ребекка, удивительно гибкая для своего возраста, понемногу меня подбадривала. Я не особенно органично двигаюсь, хотя надо признать, стала гораздо лучше с тех пор, как посещаю эти занятия. За последние недели я не раз замечала, что переношу вес вместо того, чтобы просто тянуться и терять равновесие.

— Какие планы на завтра? — спросила Мэгги после того, как мы закончили занятие. — Может поможешь мне поменять светильники в Общественном центре?

Мне не хотелось признаваться Мэгги, что я собралась в Вистерия-Хилл с Маркусом. Она, конечно, тут же скажет — это знак вселенной, что мы созданы друг для друга. Конечно, может она и не станет радостно потирать руки и хихикать, но что-то вроде того.

— У меня есть пара важных дел, — я промокнула подолом майки пот на шее. Так сильно на занятиях потела только я. — Когда ты хочешь этим заняться?

— После полудня.

— Я смогу помочь, — сказала я. — Позвони мне утром.

— Ладно.

Я вышла за своей курткой. Ребекка уже почти оделась.

— Тебя подвезти, Кэтлин? — спросила она, наматывая на шею розовый шарф. — Меня заберёт Эверетт.

— Спасибо, — сказала я. — Но мне нужно в библиотеку. Как Эверетт? — Я постаралась не улыбнуться.

Ребекка и Эверетт встречались, когда были совсем юными, но разошлись и жили каждый своей жизнью.

Прошлым летом они воссоединились с небольшой помощью со стороны меня и котов. Они оба мне нравились, и я практически чувствовала себя феей-крёстной. Порой они вели себя как влюблённые подростки.

— Эверетт в порядке, — сказала она и не смогла сдержать счастливую улыбку, которую всегда вызывало его имя.

Я улыбнулась в ответ и подмигнула.

— Рада это слышать.

— Даже не начинай, — шутливо погрозила она пальцем. — Мы никуда не торопимся.

На самом деле, я просто счастлива, что они могут не торопиться. Ребекка ещё осенью собиралась удалять небольшую опухоль. К счастью, она оказалась не слишком серьёзной.

Дверь на лестницу открылась, на пороге стоял сам Эверетт Хендерсон. Он напоминал актёра Шона Коннери — сильный, обаятельный и немного суровый. У Ребекки вспыхнули щёки.

— Ребекка, если бы у меня был мужчина, от которого я так заливалась бы краской, как ты при виде Эверетта, я бы точно не стала «не торопиться», а обмотала бы его скотчем, погрузила на санки и притащила домой, — прошептала я ей на ухо.

Она изумлённо посмотрела на меня и покачала головой.

— Кэтлин!

К нам подошёл Эверетт, и я постаралась принять невинный вид.

— Привет, Кэтлин, — сказал он.

— Привет, Эверетт, — улыбнулась я.

— Спасибо за информацию по обновлению библиотеки, — продолжил он. — Лита сказала, ты её выслала. Она позвонит тебе в понедельник, договориться о встрече.

Я кивнула.

Он перевёл взгляд на Ребекку.

— Готова? — он протянул руку.

— Да, — сказала она.

— Кэтлин, тебя подвезти? — Эверетт обернулся ко мне.

— Нет, спасибо.

Они пошли вниз по лестнице. Ребекка на секунду остановилась и оглянулась.

— Погладь за меня котов. Они сейчас не приходят через задний двор сказать «привет», и я скучаю.

— Ладно, — я потянулась за своими сапогами.

— И кстати, Кэтлин, мне незачем использовать скотч.

Она подмигнула мне и исчезла внизу лестницы.

Я рассмеялась. Потом натянула куртку и шапку, намотала вокруг шеи шарф, связанный моей сестрой Сарой.

Когда я вернулась в библиотеку, Мэри в синем свитере с рисунком из снежинок стояла за стойкой выдачи. Она решила не менять график работы. Мэри улыбнулась, когда я вошла.

— Ну, как прошёл вечер? — спросила я.

— На удивление хлопотно. Приходила компания двенадцатилетних детишек — у них задание по истории в школе. Учитель сказал, чтобы на этот раз они воспользовались настоящими книгами вместо интернета, — она усмехнулась и покачала головой, седые кудри подпрыгнули. — Я познакомила их с тайнами онлайн-каталога, а после — просто для веселья — рассказала, что когда я была в их возрасте, каталог карточек был и в самом деле на карточках.

— А они посмотрели на тебя как на динозавра.

— Один и правда сказал «вот было время», — она усмехнулась. — Но двое ушли домой с книгами не из списка. Они просто захотели почитать.

— Как мне нравится такое слышать, — сказала я.

Мэри обладала способностью делать библиотеку похожей на сундук с сокровищами. Она рассказывала, что свою успешную карьеру в

кикбоксинге начала с того, что по ошибке взяла книгу на эту тему. Она искала на полке книги по рукоделию и не надела очки для чтения.

— Хочешь, я останусь, — предложила я.

— Нет, — отмахнулась Мэри. — Кейт здесь. У нас всё под контролем. Но пока я не забыла... — она окинула взглядом стойку и нашла голубенькую бумажку. — А, вот. Звонил детектив Гордон, чтобы напомнить тебе о Вистерия–Хилле, завтра утром.

— Спасибо, я не забыла.

— А как коты? — поинтересовалась Мэри.

Рома потихоньку смогла переловить и стерилизовать всех котов Вистерия–Хилла, но они были слишком дикими, чтобы жить с людьми. Группа волонтеров следила, чтобы у котов были вода и пища, и приносила всё, что нужно. Эверетт никогда не упоминал о брошенной усадьбе. Должно быть, он знал, что происходит, но не говорил об этом ни слова. И, как ни странно, никто не говорил.

— У котов всё хорошо. Гарри чистит подъездную дорожку, и, кажется, все здоровы.

Мэри скромно улыбнулась.

— А ещё детектив Гордон просил напомнить, чтобы ты надела тёплые брюки.

— Тёплые брюки, парка, шерстяная шапка, шарф, варежки на подкладке и меховые сапоги. И две пары носков, и тёплое бельё с длинными рукавами, — перечислила я, загибая пальцы.

Она одобительно кивнула.

— Не первое твоё родео.

— И не первая зимняя поездка в Вистерия–Хилл.

Хотя я выросла и не в Миннесоте, но понимала, как нужно одеваться зимой. Видимо, Маркус Гордон думал иначе.

Мэри заговорила серьёзно.

— Кэтлин, ты видела Руби? Я слышала, это она нашла Агату.

— Она была на занятии, — я стряхнула с варежек снег. — В основном, она в порядке. Грустная.

— Несправедливо, — покачала головой Мэри. — Агата так хотела вернуться домой, и вот... — она не закончила фразу.

По моей шее пробежала дрожь, как будто кожи коснулись холодные пальцы. Смерть Агаты оставила меня в растерянности, хотя я её даже не знала.

— И слухи уже поползли, — продолжила Мэри, складывая аккуратной стопкой распечатки заказов на книги.

Порядок она любила не меньше, чем кикбоксинг.

— Что за слухи?

Она сделала гримаску, пригладила седые волосы.

— Больше всего о том, что у Агаты было тайное состояние.

— Сомневаюсь, — сказала я. — Учителю трудно разбогатеть. Перед глазами мелькнула картинка — Эрик, дающий Агате пакет с едой и чашку кофе. — А откуда взялись эти слухи?

— У людей слишком много свободного времени, — едко сказала Мэри. — Бабушка всегда говорила нам в детстве: «Если вам нечего делать, принесите кастрюлю и щётку, и я найду, чем вам заняться».

— Какая практичная женщина, — заметила я.

— Ооочень. Не выносила сплетен, — она широко ухмыльнулась. — Но её больше нет, так что скажи-ка мне, правда ли то, что я слышала о Роме.

— А что ты слышала?
Мэри огляделась и наклонилась ко мне.
— Я слышала, и не от одного человека, что она кое с кем встречается.
— Кое с кем? В смысле, с мужчиной?
— Нет, с медведем гризли, — огрызнулась она. — Конечно, с женщиной.
— Не-а.
— Уверена?
— Абсолютно.
Кажется, Мэри была разочарована.
Я натянула шапку на уши и снова надела перчатки.
— Ну, если я тут не нужна, то я домой. До завтра.
— Хорошего вечера, — ответила Мэри. Зазвонил телефон, и она взяла трубку.

Я перекинула сумку через плечо и вышла. По парковке шёл Питер Лундгрэн с парой библиотечных книг подмышкой. Он всегда как-то подавлял меня, когда мы разговаривали в библиотеке. Этот большой человек, кажется, заполнял собой всё пространство. Но я вспомнила, как бережно он вёл Агату у Эрика, и улыбнулась ему, когда мы оба оказались у подножия лестницы. Он кивнул и хотел пройти мимо меня. Я тронула его за рукав.

— Простите. Питер, не скажете, есть ли уже какие-то планы насчет похорон Агаты Шепард?

Он смахнул с песочных, доходящих до плеч волос снег. Юрист-бунтарь.

— Могу только сказать, что они будут, когда приедет её сын. Дэвид хочет заниматься всем сам.

Я кивнула.

— На следующей неделе в газете должно быть объявление.

— Спасибо.

Он был уже на середине лестницы и неизвестно, слышал ли вообще меня.

Шёл лёгкий снежок, крошечные снежинки блестели в розоватом свете уличных фонарей как маленькие звёздочки. Я направилась на Маунтин-роуд. Улица больше напоминала театральные декорации, идеальный городок с открытки. От такого мне всегда не по себе. Я не могла ничего с этим поделать. С родителями-актёрами я провела много времени в театрах, больших и малых, и понимала толк в иллюзиях и уловках. Я знала, что вещи редко на самом деле такие, какими кажутся.

Других детей родители учили кататься на велосипеде, управлять с деньгами или делить в столбик. Только не меня. От родителей мне досталось умение отличать настоящее от поддельного, замечать истину в море заблуждений. И поэтому мне было так неудобно.

Что бы все ни думали, о чем бы ни умалчивал Маркус Гордон, Агата Шепард умерла не от естественных причин. Произошло что-то скверное. Я была в этом уверена.

Когда Маркус подъехал к моему дому, я уже оделась и приготовила термос горячего шоколада. Утро было ясное и холодное, высоко в безоблачном небе висело солнце. Геркулес сидел на скамейке и смотрел в

окно. Я взяла стоявший рядом с ним стальной термос и мимоходом почесала коту лоб.

— Ведите себя хорошо. Я скоро.

Он отвернулся к окну. Ему нравилась зима, если нужно только смотреть на неё. На веранде было почти так же холодно, как снаружи, но я знала, что Геркулес сумеет вернуться в дом, если замерзнет.

Заперев дверь, я отправилась к машине. Маркус как раз вылезал из неё. На нём была синяя парка с капюшоном, лыжные штаны и высокие ботинки. Щёки покраснелись от холода. Ну ладно, Мэгги права. Он милый. Он быстро оглядел мою старую коричневую стёганую куртку и тёплые штаны, и на секунду меня охватило дурацкое детское желание принять модельную позу: руки на бёдрах, ноги расставлены и лёгкая надменность на лице. Но я сдержалась и просто улыбнулась ему.

— Доброе утро.

— Доброе, — улыбнулся он в ответ.

Обойдя вокруг машины, я залезла на пассажирское сиденье. Пристегивая ремень, я окинула взглядом салон. Чисто. Не в том смысле, что на полу не валялись стаканчики из-под кофе, а на заднем сиденье не было мусора. А в смысле «как-чёрт-возьми-может-быть-так-чисто-посреди-зимы?». На заднем сиденье лежало только старое серое одеяло. Приборная панель сияла — ни пятен, ни пыли, ни следов пальцев. Никакого недопитого кофе в подстаканнике. Защёлкнув ремень, я пристроила термос в ногах. Пол выглядел так, будто машина только из салона. Так, похоже, Маркус Гордон чистюля, по крайней мере, по отношению к своему автомобилю. Сама будучи аккуратисткой, я не сочла это за недостаток. Мэгги я об этом не расскажу — она увидит тут ещё один кармический знак, что мы с Маркусом половинки единого целого.

Он выехал задом со двора и начал взбираться на холм. Ночной снег убрали, и дорогу посыпали песком. Когда мы проезжали дом Орена, я сделала мысленную отметку — обсудить с ним, какие скульптурные произведения его отца я хотела бы выставить в библиотеке к празднованию столетнего юбилея. Правда, я до сих пор не представляла, как доставить массивные металлические скульптуры из мастерской Орена в библиотеку. Но, может, у Гарри Тейлора появятся на этот счёт какие-то идеи.

— Ты где-то витаешь, — сказал Маркус.

— Что, извини? — я отвернулась от окна и посмотрела на него.

— Задумалась о чём-то.

— О праздновании столетия библиотеки.

— В конце мая? — он включил левый поворотник, чтобы свернуть на дорогу к Вистерия-Хиллу.

— Почти, — сказала я. — В конце июня. К столетию завершения строительства здания библиотеки.

Мы нырнули в просвет между машинами и выехали на дорогу. Задние колёса на секунду забуксовали на льду, но всё обошлось.

— Ты останешься? — спросил Маркус.

Я как-то подзабыла, что разговор с ним может внезапно повернуть в любую сторону. Иногда у меня бывало чувство, что его мысли на три шага всех опережают. Слава Богу, водит он не так, как разговаривает.

— У меня контракт ещё на год.

Машина перед нами замедлила ход, и мы тоже. Маркус воспользовался возможностью взглянуть на меня.

— Нет, я имел в виду — когда контракт закончится, ты собираешься остаться или вернёшься в Бостон?

— Не знаю.

Я поправила ремень безопасности, чтобы он не придавливал к шее капюшон куртки.

Это правда. Я не знала, хочу ли оставаться в Мейвилле, да и вообще в Миннесоте. Я даже не знала, будет ли у меня такая возможность. Вполне вероятно, что руководство библиотеки вежливо улыбнётся, пожмёт мне руку, поблагодарит за работу и распрощается. А хочу ли я остаться? Решение два года заниматься восстановлением этой библиотеки и подготовкой к юбилею было принято импульсивно. Возможно, самое импульсивное решение в моей жизни. Однако оно не было спонтанным. Скорее, я просто сбежала от Эндрю — его женитьба на официантке положила конец нашим отношениям — и от своей непредсказуемой родни, которая уже привыкла, что я всегда ответственная и положительная. Но мне здесь понравилось, я так и сказала.

— Не скучаешь по Бостону?

— Иногда. Я скучаю по семье. И там у меня друзья, — я натянула шапку на уши. — Но здесь у меня тоже есть друзья.

И Оуэна с Геркулесом невозможно представить в городской квартире. Там мне никак не скрыть их странного поведения. А Оуэн сойдет с ума, если не сможет красться по двору, как его дальние африканские родичи, охотящиеся на газелей.

— Они правда никому не даются в руки? — спросил Маркус. Ну вот, снова неожиданный поворот. Я подумала о Старом Гарри и Агате. Невозможно объяснить, почему коты так отнеслись к ним.

— В основном, да, — ответила я.

— Думаешь, это потому, что они из Вистерия-Хилла, потому, что они были дикими? — он смотрел на левую сторону дороги, где Гарри поставил два отражателя, отмечающих дорогу к заброшенному поместью.

— Отчасти, — согласилась я. Иногда я думала, что Геркулес и Оуэн такие просто потому, что они из Вистерия-Хилла. Кое-что в них я не могла логически объяснить. И в Вистерия-Хилле тоже. Бывая там, я всегда с тревогой ощущала, как обостряются все чувства.

Маркус выключил поворотник и направил машину к дому.

— Рома считает, что они не были дикими, — сказала я, когда мы выехали на длинную подъездную дорожку.

Гарри почистил её и посыпал песком, но под ним были грязь и гравий, и езда по ней слегка напоминала большой вибромассажёр, из тех, что обещают вытрясти из тебя несколько лишних фунтов. Мы наехали на бугор, и мой желудок подпрыгнул как мяч, отскочивший от края баскетбольного кольца. Я схватилась за сиденье.

— Значит, кто-то мог их здесь оставить? — спросил Маркус.

— Да.

Я не стала добавлять, что тот, кто бросил в Вистерия-Хилле двух крошечных котят, оставил их умирать. Мы подпрыгнули в глубокой канаве, машину тряхнуло.

— Извини, — пробормотал Маркус.

— Мне так кажется, или эта дорожка становится хуже? — спросила я.

Он крепко сжимал руль, мы подпрыгнули на последнем повороте.

— Эта зима холоднее, чем обычно, плюс осенью тут было много грязи из-за дождей.

Он въехал на площадку, которую Гарри расчистил для парковки, выключил мотор и обернулся ко мне.

— Как насчёт того, чтобы поговорить с Эвереттом Хендерсоном? Может, весной он согласится выровнять эту дорогу?

Я натянула варежки, покрепче намотала вокруг шеи шарф.

— Конечно. Что именно нужно сделать?

— Погоди. Ты серьёзно?

— А ты разве нет?

— Я пошутил.

На его щеках вспыхнул румянец.

— Правда? А я не заметила, — сказала я, вылезая из машины и безуспешно стараясь не улыбаться.

Его ответная улыбка и розовые щеки смотрелись очень мило.

Маркус открыл багажник и протянул мне холщовую сумку с кошачьим кормом — сухим, влажный замерзал гораздо быстрее. Он вытащил две фляги с водой и захлопнул крышку. Начиная с декабря, Рома устраивала дополнительные смены, чтобы у кошек всегда была вода.

Мы обошли старый дом. С каждым визитом сюда он казался мне ещё более печальным и заброшенным. В нём много лет никто не жил. Ни Хендерсоны после смерти матери Эверетта, ни кто-либо другой после того, как пару лет назад зрители переехали поближе к дочери.

Сам Эверетт никогда не говорил о поместье. Никаких объяснений, ничего. Просто не говорил. И из-за этого про Вистерия-Хилл ходило множество слухов. Говорили, что там живут привидения, а ещё — что тамошние коты очень старые и обладают какими-то магическими способностями. Рома считала, что, скорее всего, это потомки кухонных кошек поместья. Но многие верили, что эти кошки ведут род от Финна, кота матери Эверетта, у которого, как считалось, были магические способности. Последний слух меня тревожил. Все знали, что мои Оуэн и Геркулес из Вистерия-Хилла. После того как Рома сказала мне, что думает, будто они не были дикими, я стала говорить всем, что, возможно, их подбросили. Мне не хотелось, чтобы кто-то считал, будто у моих котов есть суперспособности.

В какой-то момент хотели переловить всех котов и найти для них хозяев. Рома резко воспротивилась этому и постаралась объяснить людям, что дикие коты никогда не станут домашними пушистиками, катающими по гостинной клубок шерсти.

— Думаешь, это правда? — спросил Маркус, когда мы подошли к старой конюшне, где находились кошачьи домики и место для кормёжки.

— Правда что? — переспросила я, а он придержал для меня дверь.

— Что эти коты не совсем обычные?

Я обернулась и постаралась не ухмыльнуться.

— Думаешь, у них есть сверхспособности? Или они оборотни?

Я постояла пару секунд, чтобы глаза привыкли к полумраку.

Маркус аккуратно закрыл за нами дверь.

— Нет, это ерунда. Но ты должна признать, что кое-кто из них прожил очень долгую жизнь, — он вытянул обе руки, — в весьма неподходящих условиях.

Про Маркуса Гордона не скажешь, что он из тех, кто купится на мистические рассказы о старом поместье и котах.

— Думаешь, у котов какая-то генетическая мутация? — спросила я.

Теперь, когда зрение приспособилось к полутьме, я пошла к месту для кормления.

— Возможно.

Я напряглась. Не хотелось бы, чтобы он — да и кто угодно — узнал про Оуэна и Геркулеса. Я наклонилась убрать солому и сухие листья вокруг полки, где стояли миски.

— Так ты думаешь, их надо отвезти куда-нибудь для изучения?

— Нет.

Я выпрямилась и повернулась, чтобы видеть выражение его лица. Он снял шапку, волосы на макушке торчали. Вылитый мальчишка, а не докучливый полицейский.

— Я думаю, коты вправе жить там, где им хорошо. Они никому не мешают, и я считаю, никто не должен мешать им.

— Секундочку. Здесь снова был кто-то посторонний? — спросила я, запихивая варежки в карман и расстёгивая сумку с кошачьей едой. — Я знаю, что на этой неделе Рома пару раз ездила сюда вне графика.

— Похоже на то, — он взял у меня миски для воды. — В понедельник дверь была не заперта.

— Может, кто-то просто забыл её закрыть? — спросила я, хотя точно знала, что никто из волонтеров не будет беспечным в том, что касается безопасности котов.

— Гарри видел следы.

— Какие?

— От снегохода, — Маркус поставил миски на место.

Пару раз, когда погода была совсем уж плохая, Гарри приезжал на своем снегоходе кормить котов, но в остальное время все ездили на машинах.

— С котами все было нормально? — спросила я, пока он наливал в миски воду.

— Насколько возможно об этом судить. Я думаю, тот незнакомец не знал, где кошачьи дома.

Кошачьи домики — сделанные волонтерами Ромы утеплённые укрытия — находились в углу старой постройки, скорее всего, бывшей кладовой.

Я наполнила все миски едой, и мы с Маркусом отошли к двери и стали ждать, присев на корточки на пыльном полу.

— Зачем вообще кому-то приезжать сюда? — прошептала я.

Он пожал плечами.

— Кто знает? Может, это просто дети. Слухи, если задуматься, идут очень увлекательные. Какой ребенок не захочет кота, который живёт сто лет и может превратиться в волка?

Я уловила движение в дальнем конце конюшни и предупреждающе положила ладонь на руку Маркуса. Появились коты. Первым вышел приземистый чёрно-белый кот, напоминавший Геркулеса, только на мордочке у него было меньше белого. Другие осторожно по одному шли за ним. Они все уже давно поняли, что присутствие волонтеров означает еду, а мы знали, что нужно сидеть тихо, пока они едят. Как и Маркус, я внимательно оглядывала каждого кота в поисках признаков болезни или раны.

— Где Люси? — прошептал он.

Я огляделась. Он прав, Люси, главы этой колонии, нигде не было видно. Обычно она появлялась первой, проверить, всё ли в порядке. Я

щурилась, вглядываясь в тусклый свет. За одной из опор, поддерживающих крышу, что-то шевельнулось, я надеялась, что кошка. Я подалась вперёд, схватившись за руку Маркуса для равновесия. Он в самом деле приятно пах, как фруктовый салат из апельсина, лимона и грейпфрута.

По полу медленно пробиралась трёхцветная Люси и что-то несла в зубах. Вернее, почти волокла. Она остановилась, дёрнула ушами. Я ничего не услышала, но её внимание что-то привлекло. Она оглянулась. Потом, видимо, успокоившись, опять повернулась. И посмотрела прямо на нас. Я даже дышать на минуту перестала — не хотелось её пугать. Кошка прижала лапой свою ношу, чтобы получше ухватить зубами, и направилась к нам.

Стоит подойти к ней, или это отпугнёт и Люси и остальных котов? Все они продолжали есть, не обращая на неё никакого внимания, разве что поднимали взгляд, когда она пробиралась мимо.

Люси подошла ближе. Она всё ещё немного хромала, с тех пор, как прошлым летом поранила лапу. А то, что она тащила, явно было тяжёлым, и размером почти с половину Люси. Не птица, я не видела перьев. Зато видела длинный хвост и... мех? Я крепче схватилась за руку Маркуса.

Люси продолжала свой путь. Примерно в шести футах от нас она остановилась, бросила свою... ношу на деревянный пол и посмотрела на нас. Потом подтолкнула лапой мёртвую зверюшку — я была совершенно уверена, что она мёртвая — в нашу сторону.

И до меня дошло — Люси принесла нам подарок. Оуэн и Геркулес иногда приносили добычу — стрекозу, мёртвую птицу или очень волосатую гусеницу. Оуэн однажды подарил Ребекке дохлую летучую мышь, которая была больше, чем он сам.

— Спасибо, киска, — тихонько сказала я.

Люси секунду смотрела на меня, склонив голову набок. Потом наклонилась и носом подтолкнула свой подарок поближе, махнула хвостом и побежала к кормушке.

Пока Люси ела, мы не двигались и молчали. Ноги сводила судорога — мы так долго сидели, согнувшись, на холоде. Одним глазком я следила за мёртвой зверюшкой, на случай, если вдруг она окажется не такой уж мёртвой.

Коты заканчивали еду и уходили один за другим, пока у кормушки не осталась одна Люси. Как и Оуэн, она обнюхивала и внимательно изучала каждый кусочек прежде, чем съесть. Наконец, кошка потянулась, отошла от кормушки на пару шагов и начала мыть мордочку.

Я размяла костяшками пальцев сведенные мышцы в правом бедре. Если бы не держалась за Маркуса, я бы точно упала. Мне показалось, что Люси делала это сознательно, понимая, что нам приходится ждать на полу у двери, пока она закончит. Время от времени она поглядывала в нашу сторону. Наконец она в последний раз провела лапой по морде, потянулась и не спеша двинулась назад, в укрытие. Походка Люси была грациозной, как у льва в пыльной африканской саванне, и с чуточкой той же львиной угрозы.

Теперь мы могли подняться. Я переступала с ноги на ногу, чтобы размять мышцы, а Маркус подошёл к подарку Люси, посмотрел на мёртвое животное и подтолкнул носком ботинка.

— Кажется, это просто полевая мышь, — сказала я.

Он удивлённо посмотрел на меня. Думал, я как все девочки — брошусь к нему и закричу?

— Мои родители работали во многих летних театрах, и во всех водились не только актёры.

— Как мило.

Он обошёл мёртвую мышь, чтобы взять вторую канистру с водой.

— Как-то вечером они играли Шекспира в летнем театре в парке. Мать думала, что делит гримёрную — просто тент — с отцом, — я начала смеяться от воспоминаний. — А оказалось, это енот, пришёл за припрятанным там арахисовым маслом.

— Да брось. Ты шутишь.

— Нет. — Я никак не могла перестать смеяться. — Даже не знаю, кто больше удивился — мать или бедный енот. За палаткой кто-то оставил бутафорский меч. Она схватила его и погналась за енотом. Он не собирался отдавать чашку с маслом без боя.

Маркус, стоявший со скрещенными руками, опять засмеялся. Он вполне мне нравился, когда был собой.

— Она бегала за енотом с мечом наперевес по лужайке вокруг палатки и прямо перед сценой. Не забывай, на ней была нижняя юбка и корсет со шнуровкой.

Я просто тряслась от смеха.

— И что дальше?

— Она получила лучшую рецензию за весь двухнедельный фестиваль. Никто не понял, что это всё не входило в пьесу.

Мы быстро убрали место для кормления. Я собрала миски и подняла несколько кусочков упавшей еды. Маркус выставил ещё воду. Я последний раз оглядела сарай. Все выглядело нормально.

— Готова ехать обратно? — спросил Маркус.

Я кивнула и взяла сумку с едой и грязными мисками.

— А как же это? — спросила я, когда мы поравнялись сдохлым грызуном.

Маркус поморщился.

— Наверное, не стоит его тут оставлять. Не хочу привлекать других животных. — Он надел шапку. — В машине есть лопата, я могу хотя бы вынести его наружу.

— Хорошая идея.

Мы вернулись к машине. Я положила сумку назад, Маркус открыл переднюю пассажирскую дверь и вынул маленькую лопату.

— Сейчас вернусь, — сказал он.

Я села в машину и сняла шапку и варежки. В подстаканнике между сиденьями была бутылка дезинфицирующего геля, я протерла им руки, и они слабо запахли лимоном. Что-то врезалось мне в бедро. Порывшись в кармане, я нащупала Ромин скотч. Не забыть бы его вернуть. Я отвернула крышку термоса. Внутри, как в русской матрёшке, была вторая чашка. Я приберегла её для Маркуса.

Через пару минут он вернулся, положил лопату в багажник и закрыл его.

— Готово, — сказал он, усевшись в машину и потянувшись к дезинфицирующему средству.

— Кофе? — с надеждой спросил он, увидев мою чашку.

— Прости, горячий шоколад. Хочешь?

— Нисколько не хуже. Очень хочу.

Я налила чашку и осторожно вручила ему.

— Ммм, вкусно, — сказал он, прикрыв глаза от удовольствия. — Старый семейный рецепт?

— Нет, — засмеялась я.

Он удивлённо поднял брови.

— Мама умеет готовить три вещи: лимонад, бисквиты на соде и тосты. Папа может сделать только мартини.

— Серьёзно?

— Серьёзно. И с тостами всё очень сомнительно.

— А как же ты научилась готовить?

Я пожала плечами:

— А как ещё? Библиотека и одна милая женщина в Южной Каролине, владелица театра прямо на побережье. Она научила меня секрету лучшего шоколадного пирога.

— И это? — улыбнулся он мне поверх чашки.

Я рассмеялась:

— Я тебе не скажу, иначе это уже будет не секрет.

— Тогда тебе хотя бы придется испечь его и дать мне попробовать.

— Замётано.

Он допил какао и протянул мне пустую чашку.

— Хочешь ещё?

— Нет, спасибо, — ответил он, выживая из кармана ключи. — Ну а как мартини?

— Мартини? — я не сразу поняла, о чём он. — Хороший, насколько я знаю. Я не эксперт по мартини, но моя подруга Лиза разбирается, и он ей нравится.

Он нашёл ключи и потянулся к ремню. Мой уже был пристегнут. Я допила какао и собрала термос. Маркус завёл машину.

— Домой? Или где тебя посадить?

— Домой, пожалуйста. До обеда я в библиотеку не собираюсь.

Он дал задний ход.

— Ты закрываешь библиотеку раньше из-за Зимнего фестиваля?

Я кивнула.

— Лита сказала, все пойдут на ужин в Общественный центр.

— Она права, — сказал Маркус, когда мы выехали на разбитую замёрзшую дорожку. — Еда там, кстати, отличная.

— Верю, — улыбнулась я. — Я пробовала яблочный пирог Мэри.

— С удовольствием съем сегодня вечером пару кусочков.

Это был мой шанс.

— Ты сможешь прийти? Или слишком занят тем делом?

— Ты про смерть миссис Шепард? — мы переваливались по глубоким замёрзшим колдобинам, и машина замедлилась до скорости улитки. — Надеюсь, смогу.

Маркус не отводил взгляд от дороги, но я заметила, как дрогнул крошечный мускул на его щеке. Хитрость не сработала, меняем план.

— Значит, её сбила машина? — спросила я. Я по-прежнему была уверена, что Агата не умерла естественной смертью.

— Результаты вскрытия будут сегодня утром.

Это не означало ни да, ни нет. Мы были уже в конце подъездной дорожки. Маркус резко затормозил, колёса скользнули по льду.

— Почему ты спрашиваешь? — спросил он. — Ты чего-то мне не сказала?

— Я рассказала тебе всё, что произошло вчера утром. «А о предыдущей ночи ты не спрашивал», — добавила я про себя.

Мы выехали на старую дорогу. Зимнее солнце, удивительно тёплое, грело затылок.

Маркус не отводил взгляда от дороги.

— А ты видела что-то ещё в другое время? Например, предыдущей ночью?

Похоже, он умеет читать мои мысли. Как ему это удавалось? Я вытащила из кармана тюбик гигиенической помады. Губы вдруг пересохли, и мне нужно было выиграть время. Я защёлкнула крышку и покатала тюбик в пальцах прежде, чем сунуть обратно в карман. Это привлекло его внимание.

— Как ты это сделала?

— Что?

— Крутила пальцами эту штуку.

Я глянула на руки.

— А, это. Как четвертак, то же самое.

Он вздохнул.

— А фокус с четвертаком ты откуда знаешь?

Я почувствовала, как щёки заливают краска.

— Ну, это всё покер.

— Покер?

— Ага, за сценой много играли. Труппа, свои. Я смотрела. Училась.

— Понятно, — он свернул на Маунтин-роуд и чуть сбавил скорость в общем потоке.

Я так и не ответила на вопрос. Может, обошлось.

— Итак, — он глянул в зеркало, — ты хотела рассказать, что видела ночью в среду.

Я медленно выдохнула. Из кожи вон лезу, пытаюсь защитить того, кто не нуждается в защите. Гарри-старший не водит машину. Какое имеет значение, спорил ли он с Агатой?

— Не думаю, что это как-то связано со смертью Агаты, — начала я, поднимая руку. Я знала, что он собирается меня прервать. — И да, я понимаю, это тебе судить, что важно, а что нет.

Он не стал меня перебивать. А когда заговорил снова, сказал только «продолжай». И по тону голоса я поняла, что он снова включил режим детектива.

— Агата подошла к кафе, когда мы с Мэгги и Ромой там были. Ждали Орена, чтобы он открыл для нас Общественный центр.

В памяти всплыла картинка — пожилая женщина в старом клетчатом шерстяном пальто, тут же сменившаяся другой — то же пальто в тёмных пятнах крови.

— Эрик передавал ей еду. Как раз после того, как мы вышли.

Маркус ничего не говорил, и я надеялась, что его молчание было знаком продолжать. Я уже знала, что скажу дальше.

— Недалеко от кафе я увидела Агату с Гаррисоном Тейлором.

— И что они делали?

— Насколько я могу судить, разговаривали. Я не слышала о чём.

— И это всё?

— Ага. Я проводила Гарри к Эрику.

Он бросил на меня быстрый взгляд. Мы были уже почти у моего дома.

— А почему ты это сделала?

— Дорожка была скользкая. А он пожилой человек.

— Значит, это всё — сказал он. — Ты увидела, что мистер Тейлор говорит с миссис Шепард. Ты проводила его в ресторан.

— Это всё, — внутри меня начинало расти раздражение. — А что? Думал, я погналась за Агатой, затащила её в переулок и хлопнула сумкой?

— Ты это сделала?

На секунду мне захотелось хлопнуть его варежками. Я глубоко вздохнула и справилась с порывом.

— Нет. Не делала.

— Я знаю, — сказал он. — Официантка видела тебя с мистером Тейлором. И Питер Лундгрэн.

— Значит, у меня есть алиби.

Маркус улыбнулся и свернул к моему дому. Я проглотила свой гнев и подобрала термос. Он обернулся.

— Спасибо за какао. И за то, что помогла мне сегодня.

— Да не за что, — сказала я, пожалуй, слишком резко. Досадно было, что он мне не доверяет, хотя я знала, что не доверять никому — часть его работы. — Всего хорошего, — добавила я и выскользнула из машины.

На кухне Оуэн лежал на боку в квадрате солнечного света и лениво умывался.

— Привет, меховой шарик, — сказала я, снимая старую куртку. — Я вчера вечером забыла — Ребекка передала тебе подарок.

При звуке этого имени Оуэн вскочил, рысью подбежал поближе и остановил на мне выжидательный взгляд. Я вытащила из кармана другой куртки бумажный пакет, открыла его и извлекла Весёлого цыплёнка Фреда. Если кошачья морда может светиться от радости — с Оуэном произошло именно это. Я сняла с жёлтой игрушки упаковку, нагнулась и протянула Оуэну. И даже не стала говорить обычное «Ребекка тебя балует». Оуэн схватил цыплёнка и исчез за дверью.

Через секунду в гостиную вошёл Геркулес. Он посмотрел вслед Оуэну и перевел вопросительный взгляд на меня.

— Ребекка, — оправдалась я.

Герк зевнул. Кошачья мята его не привлекала.

— Тебе она тоже кое-что прислала, — я протянула бумажный пакет.

Герк поднял голову с большущими зелёными глазами. Я покачала пакетом:

— Хочешь посмотреть?

Конечно да, но, в отличие от Оуэна, Геркулес не любил выдавать нетерпения. Он медленно подошёл, посмотрел на маленький коричневый пакет и принялся оглядывать кухню, будто ему было всё равно. Я подождала, пока он усядется передо мной, и достала банку сардин.

— Мур, — сказал кот. Он знал, что там в банке.

— Как думаешь, может, стоит попробовать, вдруг они испортились, или ещё что?

Я поставила банку на столешницу, нашла миску и открыла крышку. В нос ударил запах рыбы и масла.

— Пахнут как сардины, — я вынула вилкой две рыбки и положила на тарелку.

Геркулес разглядывал свою лапу, делая вид, что ему всё равно. Я поставила перед ним миску, он понюхал рыбку и взглянул на меня.

— Да, кажется, пахнет нормально, — сказала я.

Он лизнул масло. Потом ещё чуть-чуть, а потом прекратил притворяться незаинтересованным и начал есть, вздыхая от удовольствия.

— Вкусно? — поинтересовалась я.

Ответом стало лишь чавканье. Я посчитала, что это «да».

Я убирала остатки сардин, когда зазвонил телефон. Мэгги.

— Поможешь мне сегодня?

— Конечно. Что нужно?

— В основном ещё одна пара рук и глаз.

— Наверное, я смогу уйти часа в три, — я выглянула в окно. Небо синее, солнце светит, рука не болит. Снега пока не ожидается.

— Было бы здорово, — сказала Мэгги. — Руби, скорее всего, тоже придёт, а она в магазине до двух.

Я опустилась на пуфик.

— Как она там?

— Лучше.

— Маркус сказал, что вскрытие было сегодня утром. Я знаю, что Руби это важно, — сказала я.

— И Роме, и многим другим, — добавила Мэгги. — Ты сможешь что-нибудь узнать через Маркуса?

— Вряд ли, — ответила я, стряхивая с пуфика комок серой кошачьей шерсти — доказательство, что Оуэн спал на нём, пока меня не было дома.

— Я утром ездила с ним в Вистерия-Хилл, но ничего не выяснила. И даже не начинай, — я погрозила пальцем, хотя она и не видела этого. — Я ездила кормить котов. Я не хочу с ним встречаться. Большую часть времени он мне даже не нравится.

— ...и он даже в библиотеку не записан, — закончила она.

— Точно, — пробормотала я. Что это я услышала в трубке, смех? — Он думал, что это я убила Грегора Истона.

— Тебя не подозревали по-настоящему и даже не арестовывали.

— Он считал, что я встречаюсь с Истоном. С мужчиной в два раза старше.

— Но ты же не встречалась, — резонно возразила Мэгги.

— Почему ты не пристаешь к Роме насчет её личной жизни?

— Ты знаешь, ходят слухи, что у неё кто-то есть.

— Тут всегда ходят какие-нибудь слухи, — заметила я. — Я слышала то же самое. Единственная особь мужского пола, которую она видит на постоянной основе — старый жеребец, которого Кинги купили своей дочери.

Мэгги рассмеялась.

— Жду тебя в три.

— Увидимся, — ответила я и повесила трубку.

Я пошла наверх и проверила почту. Пришло сообщение от моей сестры Сары, которая сейчас работала над фильмом на севере Канаде. Сара — режиссер-документалист, но деньги зарабатывает в качестве гримёра в независимом кино. На прикрепленном фото она щурилась на солнце, лицо почти полностью скрыто капюшоном парки. Я стала рассматривать фон. Снега почти столько же, сколько в Мейвилле.

Второе сообщение был из Бостона от моей подруги Лизы. «Я соскучилась. В следующем году в это время ты будешь дома» — так оно заканчивалось.

В следующем году. Я прожила в Миннесоте почти год. И значит, по контракту остался ещё один. А что, если мне предложат остаться? Хочу

ли я? Отъезд из Бостона был импульсивным решением. Эндрю женился на другой. В этом поучаствовало изрядное количество алкоголя, но тем не менее, раз женат, это значит, что нам не быть вместе. И хотя я любила маму, папу, моего брата Итана и Сару, они были беспечны и непредсказуемы. Кто-то должен был быть разумным и практичным. Кто-то должен обеспечивать семью молоком и туалетной бумагой. Кто-то должен заполнять кучу бумаг в приёмном покое больницы. И соорудить ужин, хотя бы в виде бутербродов с бананом и арахисовым маслом. Сколько себя помню, это была я. Я, когда были только мама, папа и я. Я, когда они развелись и я жила с ними по очереди. Я, когда они снова поженились, потому что не могли оставить друг друга в покое, а Итан и Сара стали, скажем так, гостями на свадьбе.

На самом деле я сбежала в Мейвилл. Я не собиралась заводить друзей. В Бостоне все считали, что я вернусь, когда закончится двухлетний контракт. Я попыталась представить, что больше нет посиделок у Эрика с Мэгги и Ромой, что я больше не хожу на тай-чи — у меня уже почти получался полный комплекс — и не пью чай со льдом у Ребекки в беседке. А Оуэн и Геркулес? Могу я забрать их в Бостон?

Я попыталась представить их в городской квартире. Оуэну, воображавшему себя охотником (хотя на самом деле птичкам ничто не угрожало), это не понравится. И как заставить Геркулеса сидеть дома? Я не могу оставить котов. Они никому не позволят прикоснуться к себе. Ну, кроме покойной Агаты и умирающего Старого Гарри. И как мне объяснить — Роме, Мэгги и всем остальным — про котов? Рома считала их особенными, но имела в виду их привязанность ко мне.

Мне хотелось присутствовать на репетициях у мамы и папы, увидеть, что на этот раз Итан сотворил со своими волосами, или сходить на вечеринку к Лизе, но в остальном не так уж я скучала по Бостону. Как ни странно.

Что-то в коридоре привлекло мое внимание. Оуэн шёл мимо двери спальни с головой цыплёнка Фреда во рту и блаженным выражением на лице. Кажется, он пошатывался. Что бы ни говорила Рома, он мятный наркоман.

Я посмотрела на часы. Самое время включить мультиварку и пораньше отправиться в библиотеку. Я сварганила ужин, быстренько прибралась и метнулась наверх, собираться на работу.

— Я ухожу, — крикнула я котам, надевая куртку.

Откуда-то из недр дома донеслось мяуканье Оуэна. Через секунду появился Геркулес.

— Увидимся, — сказала я.

— Мрр, — ответил он и исчез в гостиной.

Я напялила ботинки и шапку и взяла сумку. Уже запирая дверь, я вдруг вспомнила, что не взяла с собой обед. Я посмотрела на часы. Быстрее будет сбежать к Эрику за сэндвичем, чем возвращаться и что-то готовить. И может, я услышу последние новости о смерти Агаты Шепард.

Я миновала три дома вниз по холму, когда мимо прокатил пикап Гарри-младшего, замедлил ход и остановился. Гарри опустил стекло.

— Привет, Кэтлин, подвезти вас вниз?

Солнце светило ярко, но с таким ветром не особенно грело.

— Не откажусь.

— Тогда залезайте, — он снова поднял окно.

Я подождала, пока с другой стороны проедет фургон, перебежала улицу и вскарабкалась в пикап. Должно быть, он далеко не новый, но Гарри заботился о своём старом «форде», внутри оказалось неожиданно жарко, как будто я сидела у горячей печи.

— Большое спасибо, — сказала я, застёгивая ремень безопасности.

— Не за что. — Он поставил машину на передачу и проверил зеркало прежде, чем выехать на улицу.

Я откинулась на бирюзовое виниловое сиденье, сквозь куртку постепенно пробиралось тепло.

— Мне нужно купить машину.

— А почему не покупаете?

— Главным образом, из-за лени, — засмеялась я. — Я продала свою машину в Бостоне и собиралась купить новую здесь, — я протянула руки к радиатору отопления. — Но тут легко повсюду добраться пешком. И вы же знаете, что говорят о добрых намерениях.

— А как же, — улыбнулся Гарри.

— А вы придёте сегодня вечером на ужин Зимнего фестиваля? — спросила я.

— Безусловно. Старик не пропускал ужин Зимнего фестиваля уже... эмм... да ни разу, кроме того случая, когда уезжал за границу. Пока у него бьётся сердце, он будет там.

— Надеюсь, ещё долго, — сказала я.

— Я тоже, — Гарри открыл рот, будто собираясь что-то добавить, но промолчал.

Я не стала спрашивать. Гарри скажет всё, что хотел, когда придёт время.

— Вы в библиотеку? — спросил он у подножия холма.

— Я собираюсь к Эрику за обедом. Но могу выйти здесь.

— Я еду в книжный магазин, — Гарри включил поворотник. — Он совсем рядом, через дверь.

— Отлично, — обрадовалась я возможности проехать ещё пару кварталов в тёплой и уютной машине.

— Слышали что-нибудь о смерти Агаты Шепард? — спросил Гарри слишком небрежным тоном.

Я посмотрела на него, но он не отводил взгляда от дороги. Мне вдруг показалось, что он не случайно проезжал мимо.

— Утром я ездила в Вистерия-Хилл с детективом Гордоном. Он сказал, что вскрытие было сегодня. Больше никаких новостей.

Гарри вздохнул:

— Кэтлин, я волнуюсь за старика.

— Они были друзьями. — Я увидела напряжённость на его лице.

— Были, — тихо сказал Гарри. Мы остановились у знака «стоп», за нами никого не было. — Они перестали разговаривать много лет назад.

На минуту я засомневалась. Не хотелось обмануть доверие старика, но Гарри явно знал, что стало с дружбой Агаты и его отца.

— Он сказал мне, они поссорились, — наконец произнесла я.

Гарри кивнул.

— Вы ему нравитесь.

Он отвернулся к воде.

— И он мне.

Гарри въехал на пустую парковку рядом с кафе, остановил пикап, и прежде, чем снова заговорить, ещё несколько мгновений смотрел в ветровое стекло.

— Кэтлин, он, кажется, ссорился с Агатой тем вечером?

Я отстегнула ремень, ненадолго отсрочив ответ.

— Они о чём-то беседовали. Это длилось очень недолго. Ваш отец был расстроен, хотя и старался этого не показывать. Как вы узнали?

Он поднял руку и внимательно изучил ладонь прежде, чем отвечать.

— Он был сам не свой, ещё до того, как узнал про Агату. И детектив Гордон приходил прошлой ночью поговорить с ним, — он перевёл дыхание. — Отец не сказал, чего хотел детектив, но говорил что-то насчёт сказанных в гневе слов, которые не возьмёшь назад. Полагаю, это про Агату. Ясно, что эти двое о чём-то поспорили.

Я тронула его за руку.

— Что бы это ни было, спор не имеет отношения к её смерти, — другой рукой я указала на кафе. — Ещё до встречи с вашим отцом она поссорилась с Эриком. Люди ссорятся, Гарри. И это не всегда имеет значение.

Гарри провёл рукой по подбородку.

— Он стащил один из моих старых пикапов и уехал один. Сказал, мол, передумал и хочет посмотреть, что происходит на аукционе. Поцарапал чем-то крыло спереди, наверное, при парковке. По крайней мере, ему хватило здравого смысла позвонить мне от Эрика.

Я слышала биение своего сердца. Гарри-старший ездил на машине в среду ночью.

— Я не знала, — медленно сказала я. — Но это не значит, что он ездил к Агате.

— Временами у отца бывают провалы в памяти, когда он не может вспомнить, где он был или что делал. — Гарри снова провёл рукой по лицу. — Доктора не знают — то ли это небольшой инсульт, то ли разновидность судорожного расстройства, или даже опухоль мозга. — Он покачал головой. — Упрямый старик категорически отказывается от обследования.

Он смотрел в ветровое стекло.

— Кэтлин, прошлой ночью у него случился провал в памяти. Он не признаётся, но мне это знакомо, так что я точно могу сказать, когда с ним такое случается.

Гаррисон был за рулём. Нет. Я не поверю. Что бы ни случилось с Агатой, Гарри-старший не имеет к этому отношения. Как только что сказал Гарри? «По крайней мере, ему хватило здравого смысла позвонить мне от Эрика». Я проводила старика в кафе, и Гарри его оттуда забрал. В тот момент Агата была жива.

— Гарри, когда ваш отец оставил Агату, она была жива, — сказала я. — Я видела, как она шла по дорожке. Я отвела вашего отца к Эрику, откуда вы его и забрали. Я понимаю ваше беспокойство, но думаю, волноваться не о чем.

Гарри вздохнул с облегчением.

— Спасибо.

Я потянулась к дверной ручке, подхватила другой рукой сумку и выбралась из пикапа на край сугроба у подъездной дорожки. Помахав Гарри на прощание, я быстро прошла короткий участок пути к кафе.

Гарри-старший вёл машину в ночь смерти Агаты. Но я привела его сюда, и отсюда его забрали. Оставался ли он на месте? Я на секунду прикрыла глаза, представила кровь, пропитавшую клетчатое пальто, и неестественно согнутые руки Агаты. Я вспомнила, как Маркус вытащил осколок стекла из отворота моих брюк. Я совершенно уверена, что это было стекло от фары.

Гарри сказал, старик чем-то поцарапал крыло пикапа. Сердце опять громко застучало. Чем-то? Или кем-то?

9

В кафе за стойкой стояла Клер. Для толпы завтракающих ещё слишком рано.

— Привет, Кэтлин. Что тебе предложить?

— Пожалуй, сэндвич, сказала я.

— Здесь или с собой?

Искушение остаться поесть было велико, но если я собираюсь уйти пораньше и помочь Мэгги, нужно сделать кое-какие дела.

— С собой, — сказала я, стягивая варежки.

Она секунду подумала.

— Как насчёт индейки с сыром, горчицей и зелёным салатом?

— Звучит неплохо.

— Бездрожжевой хлеб?

Я глубоко вздохнула. Он запаха свежего хлеба рот наполнялся слюной.

— Да.

Клер отдала заказ на кухню и опять обернулась ко мне.

— Хочешь печенья?

Я похлопала по своей парке.

— Если я и дальше буду есть твоё печенье, куртка не застегнётся.

— Это новый рецепт, — голос звучал вкрадчиво. — Бисквит с кремом.

Нежное шоколадное печенье, взбитые сливки.

— Стой-стой, — я протестующе выставила руки вперёд.

Она подняла брови, выжидающе глядя на меня.

— Одну штучку, — я подняла один палец, — одну.

Клер широко улыбнулась и пошла на кухню.

— А где сегодня Эрик? — спросила я, когда она вернулась с моим обедом в коричневом бумажном пакете.

— У него до сих пор проблемы с тем зубом, — она взяла деньги и стала отсчитывать мелочь из кассы.

Клер протянула мне сдачу.

— Надеюсь, скоро ему станет лучше, — сочувственно улыбнулась я.

— И мне тоже, — сказала Клер. — Работа в две смены просто убивает. Для этого я уже слишком стара.

Я улыбнулась в ответ, опять натянула варежки и взяла свою еду. Клер около двадцати двух.

Она заговорщически улыбнулась мне, перегнувшись через стойку.

— А это правда — насчёт доктора Дэвидсон?

— Что правда?

— Говорят, её видели с молодым парнем, хоккеистом. Эдди Суини.

— Эдди Суини? — Я не смогла удержаться от смеха. — Извини. На этот раз слухи врут.

Клер казалась разочарованной.

Я подошла к библиотеке, обратив внимание, что тротуар опять почищен и посыпан песком. За стойкой стояла Сьюзен. Она обернулась в мою сторону.

— Ты рано.

— Потом мне надо будет уйти за полчаса, — сказала я, разматывая шарф, — вот я и решила начать пораньше. Спокойное утро?

Она заправила за ухо выбившуюся прядь. Пучок на голове был заколот немного набок. Не похоже на Сьюзен. Кроме того, она не накрасила губы, а на шоколадно-коричневый свитер спереди налипли крошки. Она выглядела уставшей и растерянной.

— Минут двадцать назад я была очень даже занята. Несмотря на Зимний фестиваль, в такую погоду людям хочется свернуться в тепле, с хорошей книгой.

Она постоянно поглядывала на телефон, безуспешно пытаясь не зевать.

— У тебя всё в порядке? — спросила я, расстёгивая пуговицу на воротнике кофты.

— Да, просто немного устала, — сказала Сьюзен, но взгляд снова скользнул к телефону. — У Эрика и мальчиков простуда, мне не удалось толком выспаться. И неудивительно, — она попыталась небрежно пожать плечами, — чего и ждать в такую погоду?

Сьюзен явно старалась не смотреть мне в лицо. За почти целый год знакомства я узнала, что Сьюзен плохо умеет лгать, а сейчас она лжёт, я видела. Что бы ни произошло между ней и Эриком, она собиралась разобраться с этим сама.

— Сьюзен, если что-то нужно, ты только скажи.

Она покраснела.

— Да, спасибо. — Она указала на стопку книг за спиной. — Мне надо работать.

— Я буду у себя, — сказала я и пошла вверх по лестнице.

Наверху я повесила куртку и переобулась. Потом спустилась в холл за чашкой кофе.

Рома беспокоилась, что я пью чересчур много кофе. Я не могла дожждаться, когда поделюсь с ней сплетней, которая распространяется после её поездки с макетом Эдди на переднем сиденье. Может, у неё и нет личной жизни, зато есть много слухов о ней.

Я провела некоторое время в кабинете, разбиралась с журналом заказов и заканчивала планы весенней программы для библиотеки. Я постояла за стойкой выдачи книг, пока Мэри и Сьюзен ходили на обеденный перерыв. Потом ещё несколько часов обычной библиотечной работы.

Часы посещений закончились, книги разобраны. Можно надеяться, что Эверетт Хендерсон и остальные члены библиотечного совета останутся довольны. После всей суеты с реконструкцией старого здания меня радовало, что горожане им пользуются.

Примерно в два сорок пять я подошла к стойке. Мэри регистрировала мужчину со стопкой как минимум из десяти книг.

— Мэри, я пока пойду в Общественный центр, примерно на час. Телефон у меня с собой.

— Ладно. Придешь на ужин?

— Безусловно. Обожаю твой пирог.

— Всё потому, что я пеку его с любовью, — ответила она, пытаюсь изобразить милую уютную бабулю, но не совсем успешно из-за шаловливого блеска в глазах.

— Увидимся, — сказала я и вышла.

Добравшись до Центра, я застала Мэгги на лестнице, снимающей с потолка фонарики, которых я раньше не замечала. Бросив куртку и варежки на стул, я поспешила к ней на помощь.

— Привет. Что мне делать?

Она хмурилась, глядя на потолок.

— Привет. Можешь взять конец гирлянды, пока лампочки не разбились о лестницу?

Я подержала провод в стороне от лестницы, пока Мэгги не отцепила всю связку. В это время я и заметила накачанную гелием свинью. Она плавала над столиками, одетая в хоккейную форму команды «Миннесота Уайлд» с надписью «укуси меня».

— Интересный выбор для свиньи, — удивилась я.

— Спасибо, — сказала Мэгги. — Не могла бы ты подать мне те лампочки?

Я повесила гирлянду на ближайший стул и схватила упаковку лампочек, на которые она указывала, вынула одну из коробки и протянула ей. Мэгги вкрутила лампочку, потом задумчиво закусил губу, глядя на место соседней. Я молча протянула ей вторую.

— Ага, — пробормотала она, ни к кому не обращаясь.

Она вкрутила вторую лампочку и удовлетворённо кивнула. Всего мы заменили шесть, и Мэгги, наконец, была довольна.

— Спасибо, — сказала она, слезая с лестницы. — Хочу посмотреть, как это выглядит. — Она прошла к двери и щёлкнула выключателем.

Свет над сценой в раздевалке был чуть розовато-жёлтый. Мэгги вернулась и встала со скрещёнными руками:

— Что думаешь?

— Напоминает старые лампы дневного света. Думаю, этот эффект ты и хотела получить.

Она кивнула.

— Да, я хотела, чтобы было похоже на раздевалку. — Она неожиданно нахмурилась. — Как по твоему, ноги Эдди нормально выглядят?

— Ага. А что?

Мэгги покачала головой и направилась к манекену.

— Нет. Правая нога кривая.

Я смотрела, как она выворачивает ногу чучела, и обнаружила, что сочувственно морщусь, хотя он всего лишь манекен. На мне всё ещё была шапка. Я стащила её и приветственно кивнула — из кухни появилась Ребекка. Она помахала в ответ. Я бросила свою вязаную шапочку на стул и пошла к ней.

— Привет, Кэтлин. Что ты здесь делаешь? — спросила Ребекка. На ней был длинный белый передник с завязками на шее и талии, и от неё пахло корицей.

— Просто зашла помочь Мэгги.

Мэгги, стоя на коленях, делала с ногой Эдди нечто такое, от чего он бы с воплями катался по полу, будь он живым человеком.

— Ты уже успела посмотреть фотографии? — спросила Ребекка, показывая на стенд.

— Немного, — сказала я. — Они очаровательные.

— Она возвращают меня в прошлое, — она прижала руку к груди.

Позади неё в дверном проёме появился Эверетт. Тоже в фартуке. В одной руке он держал овощечистку, в другой морковку.

— Привет, Кэтлин, — сказал он.

Ребекка обернулась на звук его голоса, и каждая клеточка её лица расплылась в улыбке.

Эверетт поднял морковку.

— Эта последняя. Думаю, нужно взять ещё пакет.

— Ладно, — сказала Ребекка. — Я сейчас.

Он взмахнул овощечисткой в знак подтверждения и скрылся на кухне.

Я улыбнулась Ребекке.

— Чего не сделаешь ради любви.

Глаза у неё блестели, щёки чуть покраснелись.

— Ну разве это не здорово? — Она сжала мне руку. — Буду ждать тебя сегодня вечером.

Я смотрела, как она уходит на кухню, и надеялась, что в её возрасте буду так же счастлива. Дверь в холл открылась, и вошла Руби. Она огляделась, заметила меня и поспешила к нам:

— Я опоздала? — спросила она, стаскивая перчатки.

— Да нет. Мэгги вправляет Эдди ноги.

Руби посмотрела на Мэгги, которая дёргала ноги Эдди как сумасшедший массажист, и протянула мне холщовую сумку.

— Тут лампочки, которые просила Мэгги.

— Спасибо.

Я некоторое время изучала её лицо. Казалось, она никак не решит, уйти или остаться. Я только собралась спросить, всё ли в порядке, как из-за кухонной двери высунулась голова Литы.

— Руби, погоди минутку, — окликнула она. — У меня для тебя кое-что есть. — Она обошла длинный стол и присоединилась к нам. Лита несла большую тканевую сумку из бакалейного магазина.

— Мне так жаль, что так случилось с Агатой.

— Спасибо, — кивнула Руби.

— Знаю, вы были с ней очень близки. — Она протянула сумку. — Агата оставила это здесь той ночью, когда... умерла. Я не знала, что с этим делать.

— Что это? — спросила я. С этой сумкой Агата была у Эрика.

— Просто всякий хлам, — ответила Лита.

Руби взяла сумку и прижала к груди.

— Спасибо, — тихо сказала она.

Лита кивнула и ушла обратно на кухню.

Руби плотно сжала губы и пару раз сглотнула.

— У меня не очень хорошо получается.

— Ты молодец, — сказала я.

Она тяжело переживала смерть Агаты, и казалось, её обычная стойкость ей изменила.

— Мне звонил Дэвид, сын Агаты. Он сможет приехать не раньше, чем через три-четыре дня.

— Мне жаль.

— Он попросил меня подобрать для неё одежду, чтобы... — Конец предложения остался недосказанным. Потом Руби откашлялась и продолжила: — И проверить дом.

Она снова откашлялась, и я видела, что она старается сдержать слёзы.

— Я сказала, что сделаю, но потом подумала... — она прерывисто вздохнула.

— Если это поможет, я пойду с тобой.

Руби взглянула на меня.

— Правда?

— Да.

У неё опустились плечи.

— Это очень поможет. Спасибо.

— Когда ты хочешь это сделать?

— А можно сегодня вечером, перед ужином?

— Да почему бы и нет, — сказала я. — Из-за Зимнего фестиваля библиотека закрывается рано. Где Агата жила?

Оказалось, эта пожилая женщина жила рядом с театром «Стрэттон», примерно в десяти минутах ходьбы от библиотеки. Мы договорились встретиться около половины шестого.

— Это не займёт много времени, — пообещала Руби, поставив сумку на стул и натягивая куртку. Она взяла у меня лампочки. — Я ценю это, Кэтлин.

— Это не проблема, — сказала я.

Мэгги опять отошла в сторону, разглядывая Эдди. С того места, где стояла я, его ноги выглядели совершенно так же, как и до того, как она начала их тянуть и выгибать.

Руби подошла к Мэгги, отдала ей сумку и тоже принялась изучать Эдди. Я не могла понять, что их обоих беспокоит.

— Привет, — сказал голос за моей спиной. Я подпрыгнула от неожиданности.

— Извините. Не хотел вас напугать.

Это оказался Джастин, приятель Руби. Он улыбался.

— Руби говорит, что повесит на меня колокольчик. Говорит, должно быть, в прошлой жизни я был котом.

Я представила крадущихся по дому Геркулеса и Оуэна. Они всегда заставляли меня врасплох.

— Привет, Джастин, — сказала я. — Руби помогает Мэгги. Должно быть, это ненадолго.

Он стянул перчатки и сунул в карман коричневой кожаной куртки.

— На самом деле я надеялся поговорить с вами. Руби говорила, что вы, возможно, будете здесь. Не могли бы вы ответить на пару вопросов по программе чтения, которую организовали в библиотеке?

Я нахмурилась.

— Вы о «Друзьях-читателях»?

— Да, — сказал он. — Вы ведь получили на это грант Франклина?

— Получили, — согласилась я.

Программу «Друзья-читатели» мы проводили через школы. Она объединяла детсадовцев и первоклассников со старшими из четвёртых-пятых классов — под присмотром, конечно.

— Я работаю над проектом создания лагеря для детей из группы риска. Ну, знаете, тех, кто по какой-то причине не вписывается в обычные школы, — он вытащил из кармана брошюрку и протянул мне. — Это даст им шанс научиться ответственности и жизненно важным навыкам.

Его лицо помрачнело.

— У нас есть участок земли, но финансирование следующего этапа провалилось.

— Мне очень жаль это слышать.

— Как люди могут быть так недальновидны, — в голосе слышался гнев. Он сделал глубокий вздох. — Руби думает, я мог бы получить грант Франклина.

— Возможно, — я заглянула в брошюрку, которую он дал. — Для гранта Франклина нужно иметь документ о том, как его используют. Им нравятся цифры. Они любят учёт.

Он закатил глаза.

— Разве не очевидно, что есть дети, живущие на улице? Дети, которым нужен шанс? — он щёлкнул двумя своими резинками на запястье.

— Некоторым людям проще вникнуть в проблему, если есть конкретные подробности — всё равно, идёт ли речь о детях, не умеющих читать, либо о бездомных.

Он вздохнул и покачал головой.

— Я больше года работал над этим проектом. Много бумаги, на которую ушло много деревьев. И ничего не происходит.

Его тёмные волосы были зализаны назад с помощью геля. Он пригладил их, перевёл дыхание и улыбнулся мне.

— Простите. Я немножко помешан на этом.

Он оглянулся на Мэгги и Руби.

— Я беспокоюсь за неё, — тихо сказал он.

— Они были близки с Агатой, — ответила я. — Понятно, что Руби расстроена.

— Она не спит. У неё кошмары, — он нервно переминался с ноги на ногу.

— Она нашла тело Агаты. От такого у кого угодно будут кошмары.

В этот момент Руби поймала взгляд Джастина. Она помахала ему, сказала что-то Мэгги, которая спускалась по лестнице, и подошла к нам.

— Привет. Ну как, Кэтлин ответила на твои вопросы?

Он кивнул, провёл рукой по её щеке. Пальцы на мгновение задержались на коже.

— Ага.

Разве? На самом деле он ничего и не спрашивал. Я тронула плечо Руби.

— Увидимся.

Она улыбнулась и кивнула, но её внимание уже переключилось на Джастина. Я сунула брошюрку Джастина в карман и пошла к Мэгги.

— Наверное, я циничная и злобная? — спросила она. — Он действует мне на нервы.

— Ну, разве что вот на столько, — я развела большой и указательный пальцы на пару сантиметров — Я думала, Джастин тебе понравился.

— Он мне не противен. — Она наклонилась ко мне. — Просто он такой назойливый, — она подчёркивала слова, совсем как Джастин.

Я не могла не засмеяться. Мэгги улыбнулась и снова принялась рассматривать Эдди.

— Он неплохо выглядит, Мэгс.

— Ты так говоришь потому, что и вправду так думаешь, или тебе кажется, что я уже перегнула палку?

Я помахала рукой.

— Примерно шестьдесят на сорок.

— Нормально.

Она переключилась на фотоколлаж. Новое освещение получилось ярким и естественным и гораздо больше походило на солнечный свет с улицы. Мэгги посмотрела на потолок.

— Может, хочешь, чтобы я влезла на лестницу, а ты проверишь расположение лампочек?

— Да, — улыбнулась она.

Иногда Мэгги вела себя как Оуэн и Геркулес, совершенно игнорируя сарказм.

Я передвинула лестницу примерно на фут влево, убедилась, что она устойчива, и взобралась наверх. В течение следующих десяти минут я делала крошечные корректировки размещения лампочек, пока Мэгги не осталась довольна.

— Ну, вот и всё, — она подняла руки вверх. — Больше трогать ничего не буду, обещаю.

Ребекка подошла к нам, стуча каблуками по плитке пола.

— Мэгги, это просто чудо.

У Мэгги порозовели щёки.

— Спасибо.

— И я обожаю парня Ромы.

— Извини? — удивилась Мэгги.

Ребекка указала на манекен.

— Это же Эдди Суини, так? Хоккеист, которого видели с Ромой?

— Рома не встречается с Эдди Суини, — сказала Мэгги, глядя на Ребекку так, будто увидела, что у неё две головы.

— Но она же каталась с ним по городу.

Мэгги посмотрела на меня. Я посмотрела на неё. И мы дружно взорвались от смеха. Ребекка смотрела на нас как на помешанных.

— Да, Рома ездила по городу с Эдди, — хихикая начала объяснять Мэгги. — Но вот с этим Эдди, — она показала на куклу.

Ребекка перевела взгляд на меня. Я кивнула.

— Так мы его доставили сюда, — размахивая руками, продолжала Мэгги. — Он не влезал в мою машину, поэтому мы пристегнули его на переднем сиденье внедорожника Ромы.

— А люди решили, что это был настоящий Эдди, — рассмеялась Ребекка.

— Наверное, нас на заднем сиденье они не заметили, — потихоньку сказала мне Мэгги.

Я взглянула на часы.

— Я тебе ещё нужна?

— Нет, — она быстро обняла меня. — Возвращайся в библиотеку. А я пойду в студию. Встретимся здесь около шести.

— Ладно.

— И больше сегодня не ешь, — добавила Ребекка. — Будет много-много еды.

Я надела куртку и натянула шапку. Потом спустилась по лестнице и пошла через парковку за угол. Ожидая, пока проедет машина, чтобы перейти улицу, я увидела, как от Эрика выходит Маркус. Он постоял на дорожке, потом прошёл мимо двух соседних домов и исчез в глубине переулка.

Я немного постояла на обочине, но он так и не вернулся. Это плохо. Я просто это знала.

Мы закрыли библиотеку в пять. Сьюзен быстренько упаковалась в куртку и ботинки и ушла. Я натянула капюшон от ветра и пошла вниз, в сторону театра «Стрэттон» — прекрасно отреставрированного здания, даже более старого, чем библиотека. К сожалению, когда я в первый раз туда попала, то обнаружила мёртвое тело. Потом я приходила туда на два представления летнего музыкального фестиваля — концерт и прекрасную постановку «Рождественской песни». Теперь моё отношение к этому старому зданию заметно улучшилось.

Маленький дом Агаты располагался на узкой боковой улочке сразу за «Стрэттоном». Руби ждала на дорожке, держа под мышкой большую сумку. Увидев меня, она улыбнулась.

— Спасибо, что помогаешь.

— Мне нетрудно, — я надеялась, что ответная улыбка получилась ободряющей.

Кто-то расчистил от снега дорожку к маленькому кирпичному домику и ступеньки крыльца. Я пошла за Руби. Она помедлила у двери, нащупывая замочную скважину. Я отступила назад, чтобы не закрывать свет.

Ключ повернулся в замке. Руби всем телом навалилась на старую деревянную дверь. Та секунду сопротивлялась, потом со стоном открылась. Я провела рукой по левому краю проёма и нашла выключатель. Свет зажёгся, и я увидела слева несколько ступенек, похоже, ведущих в кухню.

Оставив облепленные снегом сапоги внизу, я пошла вверх по лестнице вслед за Руби. На полу в кухне лежал зелёный в белую крапинку линолеум, старый и выцветший, но чистый. Стены бледно-зелёные, кухонная стойка покрашена белым. Винтажный хромированный столик, голубые цветы на белом фоне, наверное, годов 60-х.

Больше в кухне ничего не было. Ничего. Ни банки с печеньем на стойке. Ни календаря на стене или весёлых картинок на холодильнике. Возможно, всё выбросил сын Агаты, пока она была в реабилитационном центре после инсульта.

Руби оглядывала комнату, плотно сжав губы. Я тронула её руку.

— Давай посмотрим, может, найдём что-нибудь в спальне.

Она кивнула, но ничего не ответила. В домике было холодно. Клер говорила, Агата не всегда могла позволить себе отопление. Удивительно, что трубы не замёрзли.

Из кухни вёл крошечный коридор. В нише справа стояло тёмно-коричневое пианино. Комната в конце коридора, похоже, служила Агате спальней. Я увидела кровать с белым жаккардовым покрывалом.

Руби медленно прошла по коридору, разглядывая всё вокруг. Она явно никогда раньше не бывала в этом доме. Как и в кухне, в коридоре не было ничего личного.

Голый паркетный пол, на стенах ничего. Большая кровать была застелена очень аккуратно, как в хорошем отеле, с туго натянутым покрывалом и идеально ровными уголками. На ночном столике стояли часы и коробка с бумажными платками.

Поколебавшись, Руби открыла дверцу стенного шкафа слева от кровати. В маленьком пространстве всё было уложено аккуратно, как и во всей комнате. Блузы, юбки и платья упорядочены по цвету, от белого до

чёрного. На обувной полке внизу — две пары туфель, чёрные и бежевые. На полке над вешалкой сложены несколько свитеров. Вся одежда выглядит старой. Не в смысле «заношенной», а старомодной. Будто Агата в какой-то момент застряла во времени.

Держась рукой за дверцу шкафа, Руби заглянула внутрь. Её плечи поникли.

— Я не знаю, что взять.

— Может, платье? — предложила я.

— Да. Она не очень любила брюки. Считала их не особенно женственными. — Руби сняла с вешалки юбку с чёрно-белым рисунком, разгладила ткань. — Может, это?

— Неплохо, — согласилась я. — Но почему бы тебе не посмотреть все платья. Может, одно из них... не знаю, пробудит воспоминания.

— Хорошая идея, — улыбнулась Руби. Она оглядела комнату. — Не поищешь тут чемодан? Кажется, сумка, которую я взяла, маловата. — Она поколебалась. — Знаю, что никто не будет обращать на это внимания, но я не хочу, чтобы вещи были мятые. Агата за этим следила.

Я сжала её руку.

— Я сейчас посмотрю, может, найдётся.

Руби начала перебирать вешалки, а я быстро осмотрела комнату. В углу под старой кроватью чемодана не было. Я вышла в коридор. Справа была гостиная. Трёхстворчатое эркерное окно с сиденьем под ним выходило на улицу. Мебель, как и всё в доме, была старая — тёмно-бордовые диван и кресло плюс серый в бордовый цветочек удобный стул и скамеечка для ног. Перед диваном стоял ореховый кофейный столик и такая же тумбочка возле стула. Заднюю стену занимал кирпичный камин с тяжёлой латунной подставкой для дров в форме суровых львов.

Гостиная выглядела по-спартански. Ни журналов на кофейном столике, ни стопок книг. Ни картинок, ни фотографий, ничего. На диване нет ни подушек, ни пледа, чтобы укутаться. Всё вокруг было функционально, но ничто не говорило о личности Агаты. Даже с учётом того, что последние несколько месяцев она провела в реабилитационной больнице, дом всё равно выглядел пустынным и одиноким.

Я представила собственный дом с кошачьими лакомствами, остывающими на кухонной стойке, Оуэном, вечно забирающимся на пуфик в гостиную, Геркулесом, наслаждающимся Барри Маниловым, и кусочками Весёлого цыплёнка Фреда, которые валяются повсюду, ожидая пылесоса. Мне стало жаль Агату.

Я снова вышла в коридор, заглянула в спальню. Руби раскладывала на кровати платье цвета морской волны с длинными рукавами.

Вторая спальня в этом крошечном домике располагалась рядом с гостиной. В ней помещались узкая кровать, платяной шкаф и больше почти ничего. Я открыла дверцу и сразу увидела то, что нужно Руби. Чемоданы стояли на большом картонном ящике, на боку которого летящим почерком было написано имя — Эллис. Ещё в шкафу висела мужская одежда. Несколько серых костюмов, морской китель и поношенная лётная куртка из овечьей кожи, морщинистой и вытертой до шоколадной мягкости. За исключением этой куртки вся одежда была старомодной. Хотя, возможно, такие костюмы не раз выходили из моды и возвращались.

Я схватила меньший из двух чемоданов и понесла Руби. Она всё ещё раскладывала на кровати платья, комбинации, бельё, чулки и даже ажурный белый кардиган.

— Вот, — я протянула ей синий чемодан. — Это должно подойти.

— Спасибо, Кэтлин, — она выглядела ослабевшей.

— Может, давай я сложу? Я просто мастер укладки и упаковки. Вот увидишь.

Руби минутку поколебалась, потом кивнула и села на край кровати. Я свернула зелёное платье и уложила на дно чемодана. Потом добавила свитер, комбинацию и остальное бельё.

— Ну вот, — сказала я Руби, защёлкнув чемодан. — Готова идти?

Она схватилась за ручку чемодана и остановилась. По лицу пробежала тревога.

— погоди минутку. Я не взяла никакой обуви. — Она сделала пару шагов к шкафу.

— Руби, нам не нужна обувь, — она озадаченно взглянула на меня. — Агате не нужна обувь, — повторила я.

Руби вздохнула и отвернулась, смахивая выступившие слёзы. Я молча подождала, пока её дыхание не выровнялось.

— Ты права, — шёпотом сказала она. — Я на минуту забыла, зачем мы здесь.

Мы вернулись обратно на кухню и выключили за собой свет. Я натянула сапоги, поддержала чемодан, пока одевалась Руби. Снаружи она заперла дверь и подёргала ручку, проверяя замок.

— Дом выглядит так печально, — сказала она.

— Да, — я натянула варежки. — Но не забывай, что Агаты здесь несколько месяцев не было.

Мы прошли по дорожке и вышли на улицу.

— Руби, а кто это — Эллис? — спросила я. — Муж Агаты?

— Нет, — ответила Руби. — Эллис был её братом. Эллис Слейтер. Он умер... да, почти двадцать лет назад. Это был его дом. Он оставил его Агате. — Она переложила чемодан из одной руки в другую. — А почему ты спрашиваешь?

— Во второй спальне были коробки. На одной было написано это имя. А в шкафу много мужской одежды.

Руби криво улыбнулась.

— Так похоже на Агату. Она никогда не выбрасывала ничего, что могло пригодиться.

— Мой отец такой же. — Я не стала добавлять, что представления моего отца о полезности слегка отличались от общепринятых. Поэтому всякий раз, когда мы переезжали, кому-то приходилось упаковывать канделябры из лосиных рогов.

До угла мы дошли вместе.

— Спасибо, что пошла со мной, — сказала Руби. — Я отнесу это Гуннерсону. Хочу, чтобы вещи уже были там, когда она... когда её... — Руби откашлялась. — Когда понадобятся. — Она пожала плечами. — Глупо, да?

— Нет, — сказала я. — Всё правильно. — Я натянула шапку поглубже на уши. — Увидимся на ужине Зимнего фестиваля?

Она кивнула.

— Насколько я помню, с Джастином мы встречаемся позже.

— Значит, увидимся позже, — сказала я.

Я двинулась к Общественному центру. Оглянувшись через плечо, я увидела, как Руби решительно идёт вниз по улице, к Похоронному дому Гуннерсонов.

Когда я подошла, Мэгги уже стояла у входа на парковку. Она была одета в лиловую куртку из искусственного меха и топала ногами по дорожке, чтобы не замёрзнуть. Увидев меня, Мэгги замахала руками, и я ускорила шаг.

— Я опоздала?

— Нет, — сказала она. — Ты даже немного раньше. Пойдём в очередь, пока она не стала ещё больше.

Очередь у парадной двери Общественного центра из примерно пары десятков людей извивалась по улице. Мэгги и я поспешили пристроиться в конце. Очередь двигалась довольно быстро. Мы оказались внутри через пять минут, может даже меньше. У Мэгги в перчатке были приготовлены деньги, и она заплатила за нас обеих прежде, чем я успела достать кошелёк.

— Ну зачем ты? — спросила я, когда вслед за толпой мы вошли в холл.

— Ты так много сделала, чтобы помочь мне с инсталляцией.

— Влезла на лестницу и поправила пару лампочек.

Она подняла руку.

— Ты сделала гораздо больше. Сколько раз ты приносила мне ужин? Сколько чашек чая приготовила? Сколько раз ты меня выслушивала, пока я сидела в твоей гостиной и бесконечно рассказывала про этот проект?

Я улыбнулась и подтолкнула её локтем.

— Думаешь, я слушала? Сомневаюсь, что даже Оуэн слушал.

Она показала язык.

— Даже если так, мне всё равно хотелось сказать спасибо. Так что позволь мне. Господи, это всего лишь бобы, запечённая картошка и пирог. Я же не купила тебе машину.

— Ну ладно, — согласилась я. — Спасибо за спасибо.

Я оглянулась. Стенд Мэгги разглядывало не меньше двадцати зрителей.

Мэгги заметила пару свободных стульев за длинным столом. Я пробиралась следом за ней среди людей и стульев, стараясь поспевать за её длинными ногами. Большинство улыбались, говорили «привет» и поднимали руки. Я удивилась тому, как это приятно, особенно после одинокого дома Агаты.

Мэгги стояла у стола, придерживая оба стула.

— Что дальше? — спросила я.

— Снимай куртку и садись.

Я оглянулась.

— А как мы получим нашу еду?

— Она уже идёт, — сказала Мэгги, пристраивая на спинку стула свою пушистую куртку из плюшевого мишки и стягивая зелёную как лайм шапочку.

Я кивнула на дальнюю стену.

— У тебя появились фанаты.

Она глянула через плечо и улыбнулась мне. Сосед Мэгги выглянул из-за неё и улыбнулся. Рот у него был слишком набит, чтобы говорить. Я не сразу узнала полицейского Крейга в обычной одежде.

Я улыбнулась в ответ.

— Как дела? — спросила у Мэгги хорошенькая брюнетка с другой стороны от Крейга.

— Хорошо.

— От твоей мамы? — Мэгги показала на что-то, похожее на горчицу, на столе перед ней.

Девушка кивнула.

— Отлично, — сказала Мэгги. — Прошлой осенью я купила на рынке три банки её пикулей. Они у меня и трёх недель не простояли.

— Понимаю. Я съела весь джем, что она дала, а когда попыталась взять другую банку, она сказала, что я должна за неё заплатить. А я собрала половину тех ягод.

Тут в зале появилась женщина в длинном белом переднике. Она внесла две полные тарелки и поставила их, горячие и дымящиеся, перед нами. За ней шла девочка-подросток, тоже в переднике, с двумя стаканами воды. Я поняла, что это Кинги, мать и дочь.

Рома ездила к ним этой зимой каждую неделю, присматривала за старой — как оказалось, слишком старой — лошадью, которую они купили дочери. Я догадалась, что это и есть та девочка, любительница лошадей. Надпись на её майке «Я ♥ лошадей» была неопровержимой уликой. Застенчиво улыбнувшись, она поставила передо мной стакан и завернутые в салфетку столовые приборы.

Я взглянула на тарелку, не зная, с чего начать. Там были печёные бобы, благоухающие патокой и горчицей, толстый ломоть ветчины, золотистая хрустящая картошка и запеканка из чего-то, похожего на морковь и репу. Я развернула салфетку и взялась за вилку. Мэгги уже ела, тихонько мурлыча от удовольствия. Это звучало похоже на урчание Геркулеса, которому дали сардины. Я попробовала кусочек запеканки.

— Как вкусно, — я взяла ещё кусок. Это вкус мускатного ореха? Я не могла не урчать от удовольствия.

— Мне, глядя на вас, захотелось поест, — сказал кто-то сзади.

Между нашим и соседним столами стояла Рома, разматывая синий шарф на шее.

— Привет, — сказала я.

— Могу я втиснуться рядом с вами? — она оглянулась, высматривая свободное место.

Мэгги придвинула свой стул к полицейскому Крейгу, который, похоже, был не против сесть поближе к своей симпатичной подружке.

Я подвинулась в другую сторону, через столы для Ромы тут же передали реализовавшийся откуда ни возьмись стул. Она улыбалась, поблагодарила, и втиснулась между нами.

— Извините, что опоздала, — сказала она, стаскивая куртку и вешая её на спинку стула. — Пришлось чинить лапу золотистому лабрадору.

— А что случилось?

— Машина сбила, — Рома огорчённо покачала головой. — Дорога скользкая. Если собака бежит без поводка и встречается с машиной, целой остаётся только машина. — Она закатала рукава своего свитера. — И почему люди этого не понимают?

Прежде чем я успела ответить, вернулись Кинги с напитком и тарелкой для Ромы, от еды поднимался пар.

— Спасибо, — сказала Рома.

— Ты одна? — улыбнулась ей Элла Кинг.

Рома озадаченно посмотрела на неё.

— Нет, я с ними, — она показала на нас с Мэгги, лопавших так, будто еду могли украсть. Потом Рома заметила девочку. — Привет, Тейлор. Как Хортон?

— Ничего. Только стал неуклюжим от холода.

— Да, я тоже в последние дни, — ответила Рома. — Я заеду в начале недели, посмотрю на него.

— Спасибо, доктор Дэвидсон, — улыбнулась Тейлор.

Рома развернула салфетку, положила на колени и взяла вилку.

— Хортон? — спросила я, берясь за нож, чтобы нарезать ветчину.

— Её лошадь. «Слон Хортон слышит кого-то!», доктор Сьюз. Это любимая книга Тейлор.

В проходе между столами рядом с нами остановилась незнакомая мне женщина.

— Привет, Рома, — сказала она и явно подмигнула.

Рома приветственно подняла руку. Рот у неё был забит.

Женщина огляделась.

— Одна сегодня? — Прежде чем Рома успела что-нибудь сказать, женщина ухмыльнулась шире. — Да, разыгрывать невинность — хороший план.

Мэгги не поднимала голову от тарелки и не отрывала глаз от еды, но плечи у неё напряглись от смеха. Ясно, что слухи про Рому и Эдди Суини разошлись по всему городу. Я навалилась на запечённый картофель, надеясь, что тоже сумею не рассмеяться.

Рома положила вилку и чуть-чуть отодвинулась от стола.

— Выкладывайте, — сказала она.

Я наклонилась, стараясь поймать взгляд Мэгги, но та смотрела только в тарелку, запихивала в себя бобы и тряслась от смеха. Рома скрестила руки на груди. Моя еда остывала, и Мэгги оставила меня тонуть. Рома ждала, внимательно глядя на меня.

— Понимаешь, тут разошлись слухи, что ты... кое с кем встречаешься.

— И с кем же это я встречаюсь?

Я сглотнула. Мэгги не собиралась меня выручать.

— С Эдди, — выпалила я.

— Эдди? — нахмурилась Рома. — Что за Эдди?

Мэгги чуть не подавилась. Рома пару раз хлопнула её по спине, потом снова переключилась на меня.

— Что ещё за Эдди?

— Эдди Суини, — сказала я, глядя в тарелку. Если я сейчас на кого-нибудь посмотрю — тоже начну смеяться.

У неё отвалилась челюсть.

— Эдди? Тот хоккеист? Манекен Мэгги? — Мэгги наконец подняла взгляд.

Рома сердито смотрела на неё.

— Это из-за тебя.

— При чём тут я? — спросила Мэгги, стараясь выглядеть и невинно, и не хихикать.

— Я возила туда-сюда твоё, — Рома взмахнула руками, — твоё создание. А теперь люди думают, что у меня связь с реальным Эдди. Я достаточно старая, чтобы быть его, — она помедлила, — старшей сестрой.

— С каких пор тебя волнует, что думают люди? — спросила я, вытирая с подбородка горчицу.

— Всегда волновало.

Губы у Мэгги дрогнули. Беда.

— Я вот что скажу, — произнесла она. — Когда Зимний фестиваль закончится, я отдам Эдди тебе. Тогда вы и вправду будете парой.

Рома подобрала свою вилку. Он старалась показаться взбешённой, но не думаю, что по-настоящему. Я смотрела на неё, пока она не посмотрела на меня.

— Каждый раз, когда я пускаю вас двоих в свою машину, всё идёт кувырком, — сказала она. — Каждый раз.

Я поняла, что она вспомнила тот случай, когда мы с Мэгги, можно сказать, захватили Рому и её внедорожник и кое-кого преследовали.

В конце стола, за полицейским Крейгом и его подружкой, сидела семья, которую я несколько раз видела в библиотеке, в основном они брали доктора Сьюза и книжки про Макса и Руби. Отец играл с четырёхлетней дочкой, светлые кудряшки девочки весело подпрыгивали.

«Палка–палка–огуречик, получился человечек», — пела девочка.

Мэгги посмотрела на Рому и сказала:

— Точно как у меня, — а потом уронила голову на стол и расхохоталась. Рома шлепнула её салфеткой и вернулась к еде.

Я решила, что сейчас самое время пойти поискать кофе, хотя знала, что уже вечер и от него я стану беспокойной.

— Я сейчас, — сказала я.

Стол с кофе и чаем был возле кухни. Я пробиралась между столиками, улыбаясь и здороваясь со всеми, кого знала. Ребекка и Мэри в таких же длинных белых фартуках, как и у всех, кто готовил и накрывал столы, были поглощены беседой у чайного столика. Я взяла кружку, насыпала сахар и потянулась за стальным кофейником.

Мэри меня заметила.

— Давай я налью, — она взяла у меня кружку. — Тебе обычный, без кофеина или шоколадно-ореховый?

Я не особенно любила ароматизированный кофе, но, может, на этот раз?

— Шоколадно-ореховый, пожалуйста.

Ребекка легонько тронула меня за руку.

— Кэтлин, Джастин Андерс — это тот молодой человек, с которым встречается Руби?

— Да, это он, — я взяла у Мэри свою чашку. — А что?

— Ты не слышала? — сказала Мэри. — В конце концов оказалось, что это не просто слухи.

— Что? — спросила я, гадая, что у неё за новые городские сплетни.

Мэри пожала плечами.

— Агата оставила молодому человеку Руби полмиллиона долларов.

Я переводила взгляд с Ребекки, которая выглядела виноватой, на Мэри, которую скорее можно было назвать самодовольной. Чашку я поставила на край столика, боясь её уронить.

— Агата завещала деньги приятелю Руби?

— Да, — Мэри схватила кофейник, чтобы налить чашку для официанта.

Меня это потрясло. Потом я вспомнила про слухи, что Руби встречается с игроком НХЛ на десять лет моложе неё.

— Ты уверена? — спросила я. — Я даже не знала, что они знакомы.

— Да, уверена, — Мэри протянула чашку молодому официанту.

Ребекка разгладила фартук.

— Это сведения от Бриджет.

Я забыла, что Бриджет, дочь Мэри, издатель газеты «Мейвилл–Хайтс кроникл».

— Но полмиллиона долларов? Откуда у Агаты полмиллиона?

Я вспомнила её маленький бедный дом.

— Агата была очень экономна, — Мэри улыбнулась другой официантке, направлявшейся в кухню.

— А как же её сын? Почему она оставила деньги не ему, а какому-то незнакомому человеку?

— Всё, что я знаю — новое завещание составлял Агате какой-то адвокат из «Ред винг», — пожала плечами Мэри. — Она подписала его за день до смерти.

Я медленно покачала головой.

— Это какая-то бессмыслица. Адвокатом Агаты был Питер Лундгрэн.

— Видимо, больше нет.

Мэри смахнула со столика крошки.

Это просто не могло быть правдой. Но это расстроит Руби.

— Дело становится запутанным, — сказала я Ребекке.

Она похлопала меня по плечу.

— Я знаю.

Я взяла свой кофе и стала пробираться назад, к столу. Мэгги, подбиравшая с тарелки последние бобы, бросила на меня взгляд. Что-то в моём лице заставило её посмотреть снова.

— Что такое?

Рома тоже обернулась ко мне. Я указала на чайный столик.

— Ребекка и Мэри говорят, что Агата оставила Джастину полмиллиона долларов.

— Ну конечно, — сказала Рома. — А я встречаюсь с Эдди Суини. — Она бросила на Мэгги быстрый взгляд и та чуть покраснела.

— Прежде всего, у Агаты не было полумиллиона долларов. Она получала учительскую пенсию, которая никогда не была большой. А потом, если бы у неё и были хоть небольшие деньги, она не оставила бы их тому, кого едва знала.

— Это не имеет никакого смысла, — согласилась Мэгги.

— Они узнали от Бриджет.

Рома отмахнулась, как он назойливой мухи.

— Да ну, или Бриджет что-то напутала, или Мэри. Не было у Агаты таких денег. У неё вообще не было денег. — Она отодвинула тарелку. — Это просто сплетня и неправда.

— Должно быть, так, — сказала Мэгги. — Разве было похоже, что у Агаты много денег?

В самом деле, непохоже, чтобы она много тратила. Не покупала ни одежды, ни чего-нибудь в дом. Может, она скопила небольшое состояние, просто никто об этом не знал. Хорошо, что я не ответила — сзади подошли Кинги, чтобы забрать наши тарелки и принести куски яблочного пирога.

Я взялась за вилку. Пирог превзошёл все ожидания. В нём ощущалась яблочная кислинка, вкус корицы и мускатого ореха. Я тихонько застонала и взяла второй кусок.

Мэгги улыбнулась мне поверх своей тарелки.

— Я же говорила, что будет вкусно.

Я слизнула джем с тыльной стороны вилки.

— Вкусно? Думаю, теперь я понимаю, что испытывает Оуэн от кошачьей мяты.

Я уже пробовала пирог Мэри, но на этот раз он был тёплый, а сверху таяла маленькая ложечка ванильного мороженого. Это был просто праздник во рту.

Мы ели молча, так хорош был пирог. Мне хотелось вытереть тарелку пальцем, чтобы подобрать последние крошки, но такие манерыгодились для дома, где меня могли видеть только Оуэн и Геркулес. Я отодвинулась от стола, чтобы вытянуть ноги.

— Я объелась, — Мэгги похлопала себя по животу.

— Я тоже, — Рома потянула свой свитер.

— Хотите прогуляться по выставке Зимнего фестиваля, посмотреть? — предложила Мэгги.

— Не могу, — Рома поднялась на ноги. — Я в команде уборщиков.

— Кэт? — Мэгги взглянула на меня.

— С удовольствием.

Мне было любопытно посмотреть на горку для катания, собачьи упряжки и каток.

Мэгги оглянулась через плечо на заднюю стену. Десятки людей разглядывали Эдди и фотоколлажи.

— Рома просто хочет бросить нас и провести время с Эдди, — театральным шёпотом произнесла она.

Рома закатила глаза и пошла на кухню.

Мы надели куртки, натянули шапки и варежки и двинулись к двери. Люди всё прибывали.

— Похоже, ты не шутила, говоря, что здесь соберётся весь город, — сказала я.

— Это главное мероприятие сезона, — ответила Мэгги, когда мы уже спускались по лестнице. — Чёрт побери, даже событие года, не говоря уж о том, что пирог Мэри — лучший во Вселенной.

На последней ступеньке она остановилась намотать на шею шарф.

— На юбилей библиотеки тоже надо бы устроить общественный ужин.

— А знаешь, хорошая идея, — согласилась я. — Я скажу Эверетту и Ребекке.

Я была рада выйти в холодный ночной воздух — в Общественном центре стало слишком тепло и душно. На парковке было полно машин, они стояли и по обеим сторонам улицы. Мы направились к пристани, где проходили все уличные развлечения Зимнего фестиваля.

— Ты в самом деле отдашь Эдди Роме, когда праздник закончится? — спросила я.

Мэгги засмеялась.

— Не знаю. Забавно было бы на несколько дней посадить его в комнату ожидания в клинике и посмотреть, какие пойдут слухи.

Я сунула руки в карманы.

— Не могу поверить, что люди решили, будто она встречается с реальным Эдди Суини, только из-за того, что мы привезли манекен на переднем сиденье.

— Ладно, а как думаешь, откуда взялись слухи, что Агата оставила Джастину кучу денег? — Мэгги поглядела по сторонам и потащила меня через улицу.

Я колебалась.

Мэгги склонилась ко мне.

— Ты ведь не думаешь, что это правда?

— Я считаю, что это возможно, хотя бы отчасти.

— Ладно, — начала Мэгги, понизив голос, потому что теперь вокруг было полно народа. — Откуда у Агаты деньги? И почему она оставила их именно Джастину?

Я пожала плечами.

— Я не знаю, где она взяла деньги. Может, скопила. Непохоже, чтобы она много тратила. Может, когда-то давно купила акции Майкрософт или Делл.

Я услышала впереди голоса, смех и музыку.

— Ну, предположим, у неё имелись деньги. — Мэгги пнула кусок смёрзшегося снега на дорожке. — А зачем оставлять их Джастину?

В ответ я подняла бровь — как мистер Спок.

— Из-за Руби.

Мэгги скривилась, как будто эти слова вызвали противный вкус у неё во рту.

— Именно.

Она опять подтолкнула ледышку. Та налетела на уличный фонарь и рассыпалась на мелкие кусочки.

— Люди так и скажут.

— Знаю, — согласилась я. — А Руби расстроится.

— Думаешь, поэтому она не пошла с нами?

— Возможно.

Вся толпа вокруг нас двигалась в том же направлении.

— Откуда все взялись? — спросила я.

— Сначала ты ешь, а после идёшь сюда и катаешься, пока живот не заболит, — сказала Мэгги. — Традиции Зимнего фестиваля.

Мы подошли к повороту у пристани, и я впервые увидела место праздника. Каток был у самой пристани. Между зданиями и катком в яме горел костёр. Дальше виднелась дорожка для собачьих упряжек. Но над всем преобладала горка.

Она была сделана вручную, точнее, машинами. По горке шли восемь дорожек — две для малышей и шесть для подростков и взрослых. Поднимаешься с другой стороны, становишься в очередь, берёшь санки — которые походили на мешки из-под картошки, а возможно ими и были — а потом летишь вниз и врезаешься в тюки сена.

Мэгги улыбнулась мне, глаза у неё заблестели.

— Нет, — сказала я.

— Ну, пойдём. Один раз.

Я наблюдала, как моя практикантка Кейт налетела на кочку и на минуту взвилась в воздух.

— Ты хочешь посмотреть, как пирог у меня из носа выйдет? — спросила я.

Она сделала вид, что раздумывает.

— Я могу пойти с тобой, — сказала я. — Буду там стоять и болеть за тебя.

Мэгги сделала вид, что проверяет время.

— Вот чёрт, — сказала она, — надо идти, а то мы можем пропустить специальный выпуск шоу «Танцуй». — Она подняла руку. — С другой стороны...

— Конечно, нельзя пропустить, как Мэтт Лойер доказывает, что человеческое существо может иметь две левых ноги, — сказала я.

— У Мэтта не две левых ноги. Он потрясающий танцор. Он выиграл...

— ... вождь хрустальный кубок, — закончила я. Я никогда не разделяла любви Мэгги к хозяину сегодняшнего шоу.

— Ты просто завидуешь, потому что твой качок в набедренной повязке опять проиграл.

Я только фыркнула в ответ. Качок, над которым она насмехалась — Кевин Сорбо, Геркулес из дешёвого одноименного сериала и причина, по которой я назвала так своего Геркулеса. Хотя в этом я не признавалась.

— Где ты припарковалась? — спросила я, когда мы стали пробираться сквозь толпу.

— Примерно полквартилы вверх по холму.

Мы перебежали через улицу и пошли обратно к её маленькой машине.

— Ты ещё подумываешь о покупке машины? — поинтересовалась Мэгги, заводя мотор и включая печку.

— Только и подумываю.

— Тебе нужен пикап. Вроде того, что у Руби. Ну, может, немного попроще.

Я вспомнила о пикапе Гарри, о тепле, идущем из вентилятора.

— Может, это и неплохая идея.

— Могу представить — Оуэн и Геркулес катаются рядом с водителем, — засмеялась Мэгги.

Когда мы вошли в дом, коты ждали на кухне.

— Привет, ребята, — сказала Мэгги, снимая куртку. Геркулес наблюдал за ней, надеясь, что она принесла какое-нибудь угощение. Оуэн ходил вокруг неё скорее как щенок, чем как кот. Я поставила чайник, чтобы приготовить Мэгги чай.

— Хочешь пирожное? — спросила я.

— Я бы съела одно, — согласилась она. Мэгги ела, как дровосек, и была сложена, как манекенщица. — Я включу телевизор.

И она ушла в гостиную.

Геркулес подобрался поближе к кухонной стойке и взглянул на меня. Я сунула ему пару сырно-сардинных крекеров.

— Не говори брату, — прошептала я.

Я сложила на тарелку пирожные вместе с несколькими ломтиками моцареллы, которыми Мэгги, как всегда, будет тайком угощать котов, когда все трое решат, что я на них не смотрю. Когда закипел чайник, я сделала чай, поставила всё на поднос вместе с парой салфеток и понесла в гостиную.

Мэгги сидела на диване, положив ноги на кожаный пуфик. С одной стороны сидел Оуэн и с обожанием глядел на Мэгги, а с другой — Геркулес с видом «никто меня тут не кормит». Звучала музыка, шоу «Танцуй» только начиналось.

Я устроилась на другом конце дивана, а поднос поставила на подушку между нами.

Мэгги подалась вперёд и указала Оуэну на экран.

— Видишь? Это Кевин Сорбо. Фу!

Кот освистал бы Кевина, если бы умел.

Мэггт опять ткнула в экран.

— А это Мэтт Лойер, помнишь? Класс!

— Мяу! — охотно подтвердил Оуэн.

Мэгги засмеялась.

— Продался за моцареллу, — сказала я.

Оуэн был слишком занят пожиранием кусочка сыра, который Мэгги только что украдкой сунула ему.

Устраиваясь поудобнее, я не могла не подумать, насколько мой дом кажется счастливее жилища Агаты. Ну да, на пуфике кошачья шерсть, у кресла какие-то обрывки цыплёнка с кошачьей мятой. Но всё же намного уютнее, чем одинокий домик Агаты.

Мэгги снова наклонилась вперёд, опираясь локтями на коленки, и обсуждала с Оуэном танцы, пока Геркулес ел свой кусочек сыра. Мысль об Агате заставила меня задуматься, правду ли сказали Ребекка и Мэри. Были ли у Агаты деньги, и оставила ли она их Джастину?

Когда шоу закончилось, мы с Мэгги договорились посетить субботний вечер Зимнего фестиваля, и она ушла. Зевая, я собрала посуду в раковину.

— Я слишком устала для разговоров, — сообщила я котам. — Напомните мне рассказать вам всё утром.

Понутру Оуэн разбудил меня своим сырным дыханием. Под овсянку, банан и две чашки кофе для меня и корм и воду для котов я рассказала им о визите в дом Агаты и о деньгах. Они тоже ничего не поняли.

На время фестиваля библиотека работала до часу, но это было суматошное утро. По дороге домой я зашла в бакалею и карабкалась вверх по склону с тяжёлыми полотняными сумками в руках. Я думала — стоит записать на DVD — тренировка с продуктовыми сумками.

Во второй половине дня я занималась стиркой и уборкой своего маленького дома в компании с Геркулесом. Оуэн появился, только когда я достала из духовки готовое кошачье лакомство.

Мэгги подъехала около семи. На ней были тяжёлые сапоги и наушники вишнёвого цвета поверх мохеровой шапки. С ними она походила на пушистого красноухого игрушечного мишку.

— Господи, опять ты надела штаны на синтепоне, — сказала она, когда я завязывала ботинки.

— Я не знаю, что ты затеяла, но думаю, немного утеплиться не помешает.

Оуэн прибежал быстренько разнюхать.

— Держись подальше от пуфика, — прошептала я.

В ответ он хлопнул лапой непослушную прядь волос, выбившуюся из-под моей шапки.

Мэгги припарковалась на обочине, и мы пошли к фестивальной площадке. Людей было раза в два больше чем вечером в пятницу. Большая часть фонарей горела, и я увидела, что площадка больше, чем мне показалось сначала. Кроме горки, собачьих упряжек и катка там были ещё хоккейное поле и лабиринт.

Мэгги потянула меня за рукав.

— Давай пойдём в лабиринт.

Мы смотрели на лабиринт сверху, с невысокого склона. Он был полностью построен из мёрзлого снега и казался огромным, сложным и страшноватым.

— Что-то не хочется, — сказала я.

— Почему? — спросила Мэгги.

— У меня плохое восприятие направления. Если я туда зайду — буду блуждать всю ночь. И вообще, ты же хотела покататься? — я указала на холм. — Давай, пока очередь не стала ещё длиннее.

— Неплохая мысль.

Обошлось.

Я понимала, что это немного глупо, но не хотела признаваться, что боюсь этого лабиринта. Это всё из-за старого фильма под названием «Лабиринт», которым меня пугали ребята постарше тем летом, когда мне было девять, и мои родители участвовали в летнем репертуаре столетнего театра, где, как считалось, водились привидения. После просмотра этого фильма на старом чёрно-белом телевизоре ночью, в одной из тёмных театральных комнат, у меня несколько месяцев были ночные кошмары.

Мы с Мэгги встали в очередь на горку. Пока мы поднимались наверх, я ощутила, какой хорошей идеей было надеть штаны на подкладке и тёплое бельё. А ещё я поняла, что это и вправду чертовски весело. Я оказалась права по обеим статьям. Мы катались, пока мои ноги не начали дрожать.

— Я не хочу больше лезть на эту гору. Мне нужен горячий шоколад, — сказала я Мэгги, стряхивая с куртки снег и солому.

Мы неспешно пошли к лотку, установленному возле катка и хоккейного поля. Я по-настоящему вспотела и расстегнула куртку.

— Было весело, — сказала я Мэгги в очереди за какао.

— Ага, неплохое свидание в субботнюю ночь. — Она оглянулась. — Я не вижу Рому. А ты?

— Нет. Но здесь так много людей, можно легко её не заметить.

Лита, стоявшая за прилавком, посмотрела на меня.

— Что тебе дать, Кэтлин?

Я подняла два пальца.

— Два горячих шоколада, Лита.

Она налила из большого термоса две чашки и бросила в каждую зефир прежде, чем закрыть крышки. Я расплатилась и отошла, отдав одну чашку Мэгги.

— Спасибо, — она обхватила чашку ладонями и отхлебнула. — Ой, как хорошо.

Мы обошли хоккейное поле и остановились на минутку посмотреть. Мэгги подтолкнула меня локтем.

— Слушай, а может Рома с Эдди, — ухмыльнулась она.

— И откуда берутся такие нелепые слухи? — сказала я, потягивая свой шоколад.

— В них обычно есть крупица правды, — ответила Мэгги. — Рома же разъезжала с Эдди в машине. Только он был ненастоящий.

Интересно, была ли частичка правды в том, что Агата оставила Джастину целое состояние?

— Привет, — сказал кто-то.

Лицо Мэгги озарила ехидная улыбка, и она обернулась поздороваться с Маркусом. Я бросила на неё предупреждающий взгляд поверх своей чашки, но всё напрасно. Я повернулась.

— Привет.

Маркус был одет в ту же тёплую куртку, тёмно-синие брюки и толстые перчатки, в которых был в Вистерия-Хилле.

— Ещё не забил шайбу? — спросила Мэгги, кивая на игроков.

Он покачал головой.

— Я только пришёл. А вы?

— Мы катались с горки, — сказала я и подняла свою чашку с шоколадом. — Пришли сюда погреться.

Мэгги рядом со мной шагнула вперёд, и я поняла, что мы как-то оказались в очереди на хоккейное поле.

— Мэгги, почему мы здесь? — удивилась я.

Она оглянулась.

— Понятия не имею. — Посмотрела на Маркуса. — Хочешь встать перед нами?

— Не хотите попробовать? — спросил он.

— Может, когда пальцы немного согреются. Думаю, чтобы взять хоккейную клюшку, их надо хотя бы чувствовать.

Маркус посмотрел на меня.

— Наверное, хоккей не твой спорт.

В голосе слышалась лёгкая снисходительность. Или мне показалось.

— Не хотелось бы тебя смущать, — небрежно сказала я.

Он засмеялся. Я не могла этого так оставить. На самом деле могла бы, если бы он не засмеялся.

— Думаешь, я тебя не обыграю?

— Я играю в хоккей с тех пор, как научился ходить, — сказал он. — Это будет нечестное соревнование.

Я протянула Мэгги свой шоколад.

— Если тебе будет от этого легче, могу играть и левой рукой, — улыбнулась я.

Мы уже были в начале очереди. Мальчик-подросток, ведущий игру, дал мне хоккейную клюшку, другую протянул Маркусу. Тот засомневался. Я уже перелезала через низкий деревянный барьер на игровое поле.

— Ты идёшь? — спросила я, стараясь, чтобы в голосе был слышен вызов.

Он пожал плечами, показывая, что ему всё равно. Но по взгляду, которым он окинул игровое поле, и по плотно сжатым челюстям было видно, что он хочет играть. Маркус Гордон был готов к бою. И отлично. Я тоже.

Хоккейное поле было заметно больше, чем в игре один на один в уличном хоккее. Его покрывал слежавшийся снег, ещё не слишком скользкий. Сетка ворот стояла в заднем конце поля, вместо шайбы — светящийся розовый мяч. Маркус взял свою клюшку и ступил на снег.

— У вас пять минут, — сказал подросток. Он перешагнул барьер, держа мяч для вбрасывания.

Я наклонилась, поставив клюшку на лёд, и Маркус тоже, уголки глаз и рта поднимались в улыбке.

— Выигрыш по голам, — сказал подросток. — Головой не бодаться. В пах не бить. Толкаться можно. Как я уже сказал, у вас пять минут.

Он поднял мяч над головой и бросил.

Я подняла клюшку, рванулась вправо, но пошла налево и коротким ударом отправила мяч в сетку. За моей спиной все засмеялись. Я улыбнулась Маркусу. Он не улыбнулся в ответ. Сейчас будет весело.

Мы приготовились к следующему вбрасыванию. Он получил мяч первым, но когда размахнулся для удара, я быстро перехватила его и отправила в сетку.

Гол!

Вокруг нас собралась толпа, все шумели и смеялись, и я нахально подыграла, изобразив театральный поклон. Он обыграл меня на следующем вбрасывании — притворился, что идёт к сетке, но обошёл сзади. Счёт стал два–один.

Следующую подачу выиграла я, буквально проскользнув под ним для броска. Три–один.

Я уже знала, что выиграла, но в последний раз постаралась изо всех сил. Маркус первым захватил мяч, но когда он на секунду отвёл взгляд, чтобы прицелиться, я толкнула его бедром. Он потерял равновесие и повалился на снег. Я пошла прямо на бросок. Уголком глаза я видела, как он протянул клюшку, чтобы сбить меня. Я хорошо рассчитала время, удачно перепрыгнула через скользнувшую по снегу клюшку, а потом замахнулась своей и забила гол, как раз когда прозвенел сигнал об окончании игры.

Как любят говорить в хоккее, толпа пришла в дикий восторг. Я, как хороший игрок, подошла к Маркусу и протянула руку. И он, как хороший игрок, её принял. Он поднялся на ноги, и нам зааплодировали.

— Ух ты! — сказала Мэгги, когда я присоединилась к ней после нескольких рукопожатий и пары приветственных ударов кулаком. — Где ты научилась так играть? — Она протянула мне мой горячий шоколад.

— Да, где ты научилась так играть? — спросил Маркус, стряхивая снег с куртки.

Я вспотела, и лицо покраснелось. Мы пошли с поля, уступая место другим игрокам.

— Парковки и задние дворы. — Я отхлебнула свой горячий шоколад. Холодный.

— Правда? — удивилась Мэгги.

— Правда. Ты же знаешь, мои родители много играли в летних театрах. Я болталась рядом с командой, обслуживающей сцену, детей там не было. — Я свернула к торговой палатке. — И они много играли в уличный хоккей.

— Я должен тебе новый напиток, — Маркус указал на мою чашку.

— Вовсе нет.

Мэгги бросила на меня взгляд из-за его спины. Мы уже стояли в очереди, и я, конечно, ничего не добились бы, споря с ним, поэтому просто улыбнулась и сказала спасибо. Когда очередь подошла, он купил один горячий шоколад мне, а второй взял себе после того, как предложил Мэгги. Она подняла свою пустую чашку и отказалась.

Маркус поднял свой напиток.

— Ты должна мне реванш. — Потом улыбнулся и добавил: — Хорошего вечера.

И исчез в толпе.

Мэгги смотрела на меня, сложив руки за спиной.

— Ты же не собираешься говорить мне, что надо было позволить ему выиграть? — спросила я.

Она поморщила нос.

— Нет. Это было здорово.

— Тогда ты собираешься снова завести свою песню «боже-вы-такая-милая-пара»?

Она покачала головой, и мы двинулись вперёд.

— Нет. Сдаюсь.

— Хорошо.

Я сделала глоток из своей чашки. Шоколад был горячий.

— Однако вы вдвоём отлично смотрелись, пока гоняли тот маленький шарик.

— Мэгс, — сказала я. — Тебе лучше свести Рому с Эдди — с настоящим Эдди.

Она засмеялась.

— Не думаю. Хватит мне проблем с Ромой и манекеном Эдди.

Мы походили ещё, в основном, глядя на людей. Очередь в лабиринт была такой же длинной, и Мэгги больше о нём не заговаривала.

— Может, пойдём? — спросила она спустя полчаса.

— Да, — согласилась я. — У меня уже пальцы онемели.

Мы вернулись к машине, и Мэгги повезла меня вверх по холму.

Датчик движения зажжёт свет, когда я подходила к дому. Я увидела Геркулеса, который сидел на скамье на веранде и наблюдал за мной через окно.

Он подождал, пока я сниму ботинки и перчатки и схвачу его, целуя в том месте, где белый мех его носика встречается с чёрным на лбу.

— Так хорошо возвращаться к вам домой, — сказала я. Геркулес начал вырываться, и я опустила его на пол. — Ладно, ладно. Никаких нежностей.

Он метнул в меня недовольный взгляд и потёр лапой мордочку.

— Ну как, все поцелуи смысл? — поддразнила я.

Я открыла дверь и убрала куртку и остальные свои вещи. Оуэна в кухне не было. Прижав к губам палец, я медленно направилась в гостиную. Геркулес бесшумно крался рядом. Я оставила включенной лампу на столике у окна. В надежде застукать Оуэна спящим на пуфике, я выглянула из-за двери. Неудача.

Он приветственно мяукнул с пола рядом со стулом. Геркулес обошёл меня, издавая какое-то бормотание. Я подошла к Оуэну, села на пуфик и взяла его на колени.

— Я знаю, что ты замышляешь, — сказала я, поглаживая мягкую шёрстку этого воплощения невинности. — Я тебя поймаю, — продолжила я строго, — и тогда неделю не будет никаких угощений.

В ответ он положил лапу мне на плечо и лизнул в щёку, затем прыгнул и ушёл. Такой вот кошачий от ворот поворот. Я встала и пошла в кухню. Кусок тоста с арахисовым маслом превращает страшно независимых Геркулеса и Оуэна в мягкий воск.

Телефон зазвонил минут через пятнадцать после того, как я проснулась. От ранних и поздних звонков я всегда дергаюсь.

Ребекка.

— Доброе утро, Кэтлин. Надеюсь, я не слишком рано звоню — увидела у тебя свет.

— Нет, не рано, — ответила я, обрадованная тем, что это всего лишь Ребекка, и, судя по голосу, с ней всё в порядке.

— Замечательно, — с улыбкой в голосе сказала она. — Мы с Эвереттом надеялись, что ты позавтракаешь с нами, если у тебя нет других планов.

Я огляделась. Геркулес спал на солнышке у двери, голова Оуэна скрыта под кроватью.

— Нет никаких планов. Когда мне приходиться?

— Может, прямо сейчас?

— Я только оденусь и обойду кругом.

На заднем дворе Ребекки было слишком много снега.

— Иди к Юстасонам, — посоветовала Ребекка. — Их мальчики расчистили дорожку между нашими улицами.

— Ладно, скоро увидимся.

Я повесила трубку, окинула взглядом линялый голубой свитер и решила, что нужно переодеться во что-то более презентабельное — хотя для Ребекки или Эверетта это не имело значения. Я вытащила с ближайшей полки свою любимую водолазку. Геркулес поднял голову.

— Я иду к Ребекке.

Он снова лёг на лапы. При упоминании Ребекки из-под кровати вылез Оуэн и встал передо мной, мяукая.

— Нет, — сказала я, приглаживая волосы. — Ты останешься здесь.

Ещё один громкий мав. Я сердито посмотрела на Оуэна. Геркулес приоткрыл один глаз. Оуэн проводил меня до лестницы. Он подошёл прямо к шкафу, где висела моя сумка, и уставился на дверцу, будто мог взглядом заставить её открыться.

— Прекрати, — сказала я, — ты всё равно не пойдёшь.

Он не появлялся в кухне, пока я не оделась и не взяла ключи. Тут он медленно вошёл, опустив хвост. Оуэн хорошо умеет давить на совесть.

— Слушай, — я чувствовала себя глупо, сидя на корточках и уговаривая печального кота, — я знаю, что ты скучаешь по Ребекке, но ты не можешь пойти. Как я объясню твоё появление? Я приглашу её к нам, обещаю. — Он отвернулся, когда я попыталась его приласкать. — И я скажу ей, что ты соскучился.

Он неохотно повернулся и позволил почесать макушку.

— Мне пора идти, — сказала я, поднимаясь. — Скоро вернусь.

Я заперла дверь, натянула варежки и вышла на улицу. Похоже, я рехнулась от того, что слишком долго живу одна. Потом вспомнила пустой дом Агаты, и то, что у меня есть Геркулес и Оуэн уже не казалось так уж плохо. Есть вещи и похуже, чем быть чокнутой кошатницей.

Я дошла до дома Юстасонов. Дорожка шириной в одну снеговую лопату за минуту довела до дома Ребекки. Эверетт впустил меня через заднюю дверь. Странно было видеть его в сером свитере и джинсах.

— Привет, Кэтлин. Входи, — сказал он.

Ребекка что-то разглядывала в духовке.

— Надеюсь, ты голодна, — улыбнулась она.

— Для твоей стряпни — всегда, — ответила я.

Эверетт взял у меня куртку и выпроводил из кухни в столовую. В окна было яркое солнце.

— Кофе? — спросил он.

— С удовольствием.

Он жестом пригласил меня сесть и налил чашку кофе из кофейника. Я добавила молоко и сахар. Из кухни вышла Ребекка с розовой стеклянной миской, полной нарезанных фруктов, и поставила её в центр стола.

— Тебе помочь? — спросил Эверетт.

— Поболтай с Кэтлин, — улыбнулась она и скрылась в кухне.

Он проводил её влюбленным взглядом.

Эверетт любил Ребекку в юности, и годы, проведённые не вместе, не изменили его чувств. Он повернулся ко мне.

— Она просто сияет, — поддразнила я.

— А я?

— Тоже.

Ребекка вернулась с блюдом вафель с изюмом и корицей. От запаха у меня слюнки потекли.

— Не теряйте времени, — сказала она.

Ещё раз сходя в кухню, она принесла стеклянную кастрюлю.

— Новый рецепт, — предупредила она. — Вы — мои подопытные кролики.

— Я совершенно не волнуюсь, дорогая, — сказал Эверетт, накладывая фрукты на вафлю.

Я просто кивнула — рот уже был набит вафлями.

Завтрак был божественный, начиная от кофе и заканчивая экспериментом Ребекки — запеканкой из яиц, сыра, картошки, лука и ветчины. Они оба развлекали меня историями прошлых Зимних фестивалей. На второй чашке кофе разговор перешёл к Агате.

— Могло ли у неё быть полмиллиона долларов? — спросила я Эверетта.

Он пригладил бороду.

— Да.

— Но откуда? — удивилась я. — Я знаю, что она была очень экономной, но полмиллиона с учительской пенсии?

— Агата была очень практичной, — сказал Эверетт, — и интересовалась финансами и бизнесом во времена, когда женщины, честно говоря, считались к этому неспособными.

Ребекка согласно кивнула.

Я откинулась на спинку стула.

— Я знаю, что такое экономия. Я так выросла. Но, судя по дому Агаты, она была не просто экономной.

— И ты решила, что у неё совсем мало денег, — сказала Ребекка. — Как и большинство людей.

— Я удивился, что она оставила деньги человеку, которого не знала, — заметил Эверетт.

— Хотя, — он слегка пожал плечами, — они пойдут на лагерь для трудных подростков, а Агата всегда верила, что образование может решить большую часть их проблем.

— А я не удивлена, — сказала Ребекка.

— Почему? — спросила я, подавшись вперёд.

— Из всех детей, кому помогла Агата, — а их было много, поверь мне, — она питала слабость к Руби.

— Думаю, Руби чувствовала то же самое.

— Руби встречается с Джастином Андерсом. Он важен для неё, и его проект тоже, — продолжила Ребекка. — Так что я думаю, Агата сделала это для Руби. — Она посмотрела на Эверетта. — Я бы сделала что угодно для Эми.

Эми — внучка Эверетта, и она очень близка с Ребеккой — и всегда была. Родители Эми умерли, когда она была маленькой, а её бабушка,

жена Эверетта, — ещё до её рождения. Хотя Эверетт и Ребекка не были вместе, Ребекка, которую Эми любя называла Ребби, стала для неё отчасти матерью, отчасти бабушкой.

Лицо Эверетта смягчилось:

— Я знаю, дорогая.

Он перевел взгляд на меня:

— Кэтлин, Агата была требовательной и строгой, совершенно несентиментальной, но она любила детей. Она посвятила им жизнь. В словах Ребекки есть смысл.

Мне вспомнилась нежность в голосе Ромы, когда она говорила об Агате. Я вспомнила, как Эрик ее кормил, а Гаррисон Тейлор держал слово, данное ей. Я позволила подозрительности жительницы большого города взять надо мной верх.

Эверетт встал, чтобы убрать со стола, и я хотела помочь ему. Он покачал головой:

— Нет, ты наша гостя.

Я посмотрела на Ребекку:

— Тогда позволь мне помочь с посудой, — я знала, что у неё нет посудомоечной машины.

— Спасибо, Кэтлин, но не нужно. Эверетт помоеет, а я вытру.

Пока я застегивала куртку, Ребекка рассматривала мои волосы.

— Они замечательно отрастают. Может, через пару недель мы их подровняем.

Я кивнула. Мы пытаемся придать форму моим волосам с лета.

— Зайди ко мне, когда будет время, — сказала я. — Оуэн и Геркулес по тебе скучают.

— И я скучаю по ним, — она заключила меня в объятия: — Скоро приду, обещаю.

— Оуэн в восторге от цыпленка, а Геркулес без ума от сардин, — сказала я. — Ещё раз огромное спасибо.

— Пожалуйста, — она снова обняла меня.

Эверетт уже включил воду в раковине. Я заинтересовалась, что подумали бы его конкуренты в бизнесе, увидев его в цветастом фартуке и по локоть в мыльной пене.

— Увидимся на этой неделе, — сказала я Эверетту. Он помахал мне мыльной ложкой.

Я вернулась по дорожке между двумя улицами. Открывая кухонную дверь, я услышала телефонный звонок. В теории мне известно, что нет нужды бегать к телефону, звонящий может оставить сообщение. Но звонящий телефон — как тарелка брауни — не та вещь, которую я могу оставить в одиночестве. Я проскользнула по полу кухни, метнулась через гостиную и схватила трубку.

— Кэтлин, я так рада, что ты дома.

Мэгги.

Я расстегнула кофту, вытащила из рукава одну руку, переложила в неё трубку и высвободила вторую. С голосом Мэгги что-то не так.

— Мэгс, что случилось?

Она кашлянула.

— Полиция арестовала Руби. Говорят, это она убила Агату.

Колени подогнулись, и я рухнула в кресло.

— Что?!

— Руби арестовали. Она была в своей студии, — голос Мэгги превратился в шёпот. — На неё надели наручники.

— Когда это случилось?

— Э-э-э, кажется, прямо перед тем, как я туда пришла. У Джагера Меррилла студия напротив. Он сказал, всё произошло минут десять-пятнадцать назад.

О чем вообще думал Маркус?

— Мэгс, у Руби есть адвокат?

— Вряд ли. И её мама с отчимом в круизе.

— Я только вернулась с завтрака с Ребеккой и Эвереттом. Я позвоню ему, попрошу порекомендовать юриста для Руби. Я тебе перезвоню.

— Ладно, — сказала Мэгги. — Я в студии, звони мне на мобильный.

Я отключилась и набрала номер Ребекки.

— Привет, Кэтлин. Ты что-то у нас забыла?

Я рассказала о Руби.

— Не хочу вмешиваться, но я сомневаюсь, что у Руби есть адвокат, и, Ребекка, она не могла это сделать.

— Руби милая девочка, — ответила Ребекка, — она и мухи не обидит.

— Как думаешь, Эверетт может порекомендовать адвоката?

— Конечно, да. Подожди секунду.

Она отложила телефон, и я услышала бормотание на заднем плане, а затем трубку взял Эверетт.

— Кэтлин, ты уверена, что Руби арестовали?

— Да. Мэгги сказала, на неё надели наручники.

— Я пришлю одного из своих юристов в участок. Не волнуйся за Руби. Я не могу обещать, что её сразу выпустят, потому что сегодня воскресенье, но её права будут защищены.

— Спасибо, Эверетт, — я старалась не выдать голосом эмоции. — Я твоя должница.

— Нет, Кэтлин. Если что-нибудь понадобится, позвони мне.

Я сказала, что позвоню, и повесила трубку. Оуэн и Геркулес сидели передо мной, уставившись золотыми и зелеными глазами.

— Маркус арестовал Руби, — сердито сказала я.

Геркулес энергично потряс головой.

— Я не понимаю, о чём он думал.

На мне ещё были надеты шапка и шарф. Я сняла их и положила на пуфик.

— Надо перезвонить Мэгги.

Мэгс ответила на втором гудке. Я сказала, что Эверетт посылает юриста.

— Спасибо, — сказала она. — Когда я узнала, что Руби арестовали, то просто оторопела. Что они себе думают? Руби никогда бы не тронула Агату. Никогда.

Оуэн подошёл и потёрся головой о мою ногу. Я погладила его шёрстку.

— Это ошибка. Адвокат Эверетта во всём разберётся.

— Ты права, — ответила Мэгги. — Это какая-то путаница. Может, всё из-за того, что именно она нашла Агату. Ты нашла тело Грегора Истона, и полиция тебя подозревала.

Маркус и в самом деле думал, будто у меня были отношения с этим старым и глубоко эгоистичным композитором. Но он понял, что поторопился с выводами, и с Руби тоже поймёт. Я почувствовала, что понемногу расслабляюсь.

— У тебя есть планы на сегодняшний вечер? — спросила Мэгги. — Если мы сделали для Руби всё, что могли, мне нужно отвлечься. — Мэгги начинала опять приходить в себя.

— Ничего особенного.

— Я хочу поработать ещё пару часов, а после — не хочешь пойти покататься на коньках?

— Мэгс, я не умею кататься, — сказала я.

— Как это такой хороший хоккеист может не уметь кататься на коньках?

— Уличный хоккей.

Она помолчала минутку, потом сказала:

— Ладно, значит, это как раз прекрасный момент, чтобы научиться.

— Конечно. Там же только полгорода будет, смущаться нечего.

— У тебя будет много помощников, — сказала Мэгги.

Я взяла Оуэна на колени, и он ткнулся носом в телефонную трубку.

— Оуэн передаёт привет, — сказала я.

— Привет, пушистая морда. Как дела? — промурлыкала Мэгги.

Оуэн плюхнулся мне на колени и замурлыкал.

— Подлиза, — прошептала я ему. — Он тебя услышал, — сказала я Мэгги.

— Почеши его от меня, — ответила она. — Так ты идёшь кататься?

— Не иду. У меня коньков нет.

— Я могу взять напрокат для тебя. Какой у тебя размер обуви?

Я могла остаться дома и беспокоиться о Руби, или пойти посмотреть, как катается Мэгги, может и самой попробовать.

— Ладно, ты победила.

Я сказала ей размер обуви. Она напомнила мне захватить дополнительную пару носков. Мы договорились о времени, и я повесила трубку.

Я почесала Оуэна между ушами.

— Это от Мэгги.

Он замурлыкал ещё громче.

Я пошла в кухню, чтобы сварить кофе, и прислонилась к стойке. Я все время возвращалась мыслями к тому, о чем думал Маркус. Он не стал бы просто так арестовывать Руби. У него были причины, улики. Конечно, он неверно трактовал улики, но они у него были. Все из-за того, что она нашла тело Агаты? Я тоже была там, в переулке, но, в отличие от прошлого раза, кажется, я вне подозрений. Может быть, дело в деньгах? Похоже, что слухи не врал.

Когда кофе сварился, я налила чашку и выдвинула одно из кухонных кресел. Оуэн бродил по кухне, и с крыльца появился Геркулес.

— Давайте пойдём на улицу, когда я допью кофе, — сказала я им. Они обменялись взглядами, но меня проигнорировали. — Вам обоим неплохо бы немного размяться, и мне тоже. Сегодня вечером Мэгги ведёт меня кататься на коньках.

Геркулес нагнул голову и прикрыл морду лапой. Оуэн взвыл, как будто ему наступили на хвост.

— Очень весело, — сухо сказала я.

Оба кота поднялись и с напыщенным видом направились в гостиную. Я вскочила и стала в дверях.

— Я не шучу. Мы пойдём на улицу. И даже не думайте от меня удирать.

Оба комплекта усов задёргались.

— Не так уж там и холодно, — сурово сказала я. — Шевелите хвостами.

Я вернулась к своему кофе, не глядя на них, а когда собралась — они уже угрюмо сидели у входной двери.

Я расширяла дорожку у дома, пыталась хоть немного унять тревогу из-за ареста Руби. Оуэн прочёсывал двор, а Геркулес с недовольным видом сидел на верхней ступеньке крыльца. Мы провели во дворе около получаса.

После того как мы вернулись, коты исчезли и не появлялись до обеда, когда попытались поживиться моим сэндвичем.

Солнце ещё не село, а я уже начала собираться на встречу с Мэгги. Пока я натягивала тёплое бельё, надевала шерстяные носки и влезала в зимние штаны, Геркулес беспокойно сновал по кухне.

— Я иду кататься на коньках, а не прыгать с горы, — сказала я ему. — Ничего со мной не случится.

Но Геркулес не выглядел убеждённым.

Я не каталась на коньках не просто так — это занятие напоминало мне попытки одной рукой стучать по голове, другой гладить живот, стоя на одной ноге на банановой шкурке.

Когда я добралась до пристани, людей на льду было немного — в основном, дети. Мэгги, уже в коньках, сидела на скамейке. Я плюхнулась рядом.

— Привет, — я оглядела лед. — Не думала, что будет так много народу.

— Все нормально. Никто не ждёт, что ты с первого раза пройдёшь отбор в «Звезды на льду», — она вынула из сумки коньки: — Должны подойти.

Я расстегнула ботинки и натянула вторые носки, которые лежали у меня в кармане. Мэгги зашнуровала на мне коньки, обернула завязки вокруг лодыжек и завязала двойным бантиком.

Мы ступили на лёд, и мои ноги тут же разъехались, изобразив вполне приличный шпагат. Я махала руками, пока не сумела ухватиться за Мэгги, а когда, наконец, ухватилась — неуклюже, как медведь, обняла её обеими руками за талию. Мне удалось подтащить себя вверх, но лодыжки не переставали подгибаться. Единственный способ устоять прямо — вцепиться мёртвой хваткой в Мэгги и крепко сжимать колени. Ноги так и норовили разъехаться в разных направлениях. Казалось, я растеряла всю свою координацию до последней капли.

— Задержишься на секунду, чтобы найти равновесие, — сказала Мэгги.

— На это понадобится больше секунды, — возразила я.

Я опять попыталась выровняться, цепляясь за куртку Мэгги, как за спасательный трос, да так оно и было. Я собрала ноги вместе и повернула в одну сторону.

— Возьми меня под руку, — скомандовала Мэгги.

Я отодрала свои пальцы от её куртки, взяла её под руку и победно улыбнулась. И немедленно повалилась. Мэгги каким-то образом

догадалась, что я собираюсь упасть, и отпустила меня на долю секунды раньше.

— Ой! — сказала я, сердито глядя на неё.

Мэгги подняла меня, и у неё хватило такта не улыбнуться. Я опять попыталась найти баланс, и на этот раз не оказалась на снегу.

— Ладно, — сказала Мэгги, — давай попробуем немного прокатиться.

— Думаю, не стоит, — возразила я. — Я лучше останусь здесь и буду наслаждаться пейзажем.

— У тебя получится, — она потянула меня за руку, и я на минуту заскользила по льду.

Хотя я собиралась двигаться вперёд, мои ноги решили разъехаться в стороны, причём независимо друг от друга. А руками я размахивала как ветряная мельница, чтобы удержать равновесие. Но всё напрасно. Так мы и прошли два круга по катку — Мэгги попеременно давала мне невнятные инструкции и поднимала на ноги.

— Мне нужно сесть, — наконец не выдержала я. Я вспотела, как медведь в сауне, а ноги в коньках, казалось, сами собой завязались в узел.

Мэгги кое-как тащила меня, а я цеплялась за неё, согнувшись пополам. Это был единственный способ заставить ноги не расползаться. Я, наверное, походила на Хитрого Койота на коньках.

Мэгги дотасила меня до скамейки, я неуклюже уселась и махнула ей:

— Иди катайся.

Она ушла, а мне оставалось только сидеть и скучать в плохом настроении.

К скамье подкатила Мэри, развернулась и затормозила, рассыпав ледяные брызги. Понятно, она-то умеет кататься. Она протянула мне термос:

— Горячий шоколад?

— С удовольствием, — сказала я. С горячим шоколадом дуться намного приятнее.

Она присела рядом со мной, извлекла из термоса чашку и налила половину. Я вдохнула аромат шоколада.

— Первый раз на коньках?

Я кивнула.

— И как тебе?

— По-моему, лёд очень холодный, очень скользкий и очень жёсткий, — ответила я.

— Весело было? — глаза Мэри сверкнули над краем чашки.

— Как это у вас так легко получается? — я указала на каток. Мэгги катилась задом наперёд. И при этом болтала с Клер.

Мэри улыбнулась.

— В давние времена, когда я была молодой, зимой здесь больше нечего было делать, только кататься на коньках и санках. А если останешься дома — кто-нибудь найдёт для тебя работу по хозяйству.

Я сделала ещё глоток шоколада. Пальцы уже начали отогреваться.

— Первая пара коньков досталась мне от старшего брата, — продолжала Мэри. — Под них приходилось надевать две пары отцовских носков.

Я сунула палец в коньки. К ступням тоже возвращалась чувствительность. Я взглянула на Мэри.

— Если ты станешь рассказывать, как ездила в школу вверх и вниз по холму по колено в снегу, я, пожалуй, кину в тебя снежком.

Она засмеялась и покачала головой.

— Конечно нет. Снег был, скорее, выше моей головы.

Я подобрала пригоршню снега и бросила в Мэри. Снег рассыпался по её куртке, и она ещё сильнее рассмеялась. Мы посмотрели на лихо катающихся фигуристов, а потом Мэри заговорила серьёзно.

— Кэтлин. — Она колебалась. — Ты знаешь про Руби?

— Что её арестовали? Да. — Я подула на свой горячий шоколад и сделала ещё глоток. — Руби не убивала Агату.

— У полиции есть доказательства, — сказала Мэри. — Возле её тела нашли перчатку Руби.

— Она же нашла тело Агаты. Расстроилась. Она могла просто уронить перчатку.

Мэри минуту разглядывала свои коньки.

— Это не единственная улика. Бриджет говорит, у них есть кусочек стекла, который нашли в переулке, краска совпадает с той, что на пикапе Руби.

Мне пришло в голову, что Бриджет чересчур много болтает, но я не сказала этого вслух.

— Это стекло от фары, такой как на машине Руби, и, — Мэри закашлялась, — и у неё фара разбита.

Она старалась не смотреть мне в глаза.

— И то, что Агата оставила все те деньги бойфренду Руби, тоже нехорошо выглядит, — сказала я.

— Да, и это.

— Как это выглядит, и как на самом деле — не всегда одно и то же. Я знаю, что Руби не убивала Агату.

Я прикончила свой шоколад и вернула чашку Мэри.

— Спасибо. Может, это звучит безумно, но не было ли у Агаты врагов?

Мэри закрутила крышку термоса, потом взглянула на меня и пожала плечами.

— Пожилая леди. Вот когда она преподавала — конечно, были и разгневанные родители, и недовольные ученики. Агата была строгой учительницей. Но чтобы враги? Нет. — Она постучала ботинками с коньками друг о друга, стряхивая с лезвий налипший снег. — Наверняка это несчастный случай.

— Не может быть, чтобы это была Руби, — сказала я. — Она бы не бросила Агату умирать в переулке.

Мэри поднялась.

— Надеюсь, ты права. — Она махнула мне и укатила вместе с термосом.

К этому времени на катке появились Сьюзен и Эрик. Каждый держал за руку одного из близнецов. Малыши умели кататься куда лучше, чем я. Они заулыбались мне, и я помахала в ответ. Сьюзен бросила на меня быстрый взгляд — всё её внимание было сосредоточено на детях. Эрик издали выглядел неважно, а вблизи — ещё хуже. Волосы торчали из-под чёрных наушников во все стороны. Лицо даже на свежем прохладном воздухе казалось жёлтым и нуждалось в бритве. Он выглядел так, будто три дня пил, что вряд ли — я ни разу не видела, чтобы он выпил больше стакана вина. Он был дружен с Агатой и, должно быть, болезненно переживал то, что её нашли мёртвой в переулке за рестораном.

«Интересно, — подумала я, — слышал ли Эрик про арест Руби? Если нет — скоро услышит. А когда после полуночи газету выложат в интернет, весь мир узнает».

Я думала о словах Мэри. Руби могла просто бросить свою перчатку или даже заранее в тот день отдать обе перчатки Агате. А насчёт краски — мне слишком мало известно об автомобильных красках, и я не знаю, сужает ли это круг поиска до одной конкретной машины, но мне кажется, вряд ли.

И ещё тот кусочек стекла, который мог быть осколком от фары машины Руби. Это его я нашла в отвороте брюк? И, значит, я невольно виновата в том, что её арестовали? Но если даже и так, и стекло от пикапа Руби, это не значит, что она была за рулём. Она легко могла одолжить кому-то свою машину. Прошлым летом её брала Мэгги, но машина её не послушалась, и так случилось наше первое «дорожное приключение» с Ромой.

Я наклонилась вперёд, оперлась подбородком на руки и наблюдала, как мимо носятся конькобежцы. Понятно, что Маркус просто делает свою работу, но он ошибается.

Я видела лицо Руби там, в переулке. Я видела, как её ранила смерть Агаты. Невозможно так притворяться. Я выросла среди актёров. Я видела, как они репетируют, как играют, я видела все эмоции, от радости до уныния, видела, как играют горе. Я видела и хорошую игру, и невероятно плохую. В горе Руби не было ничего наигранного.

Мэгги помахала мне с дальнего края катка. Из толпы позади неё одна голова как-то выделялась. Маркус.

В этот момент я чуть было не покатила к нему, чтобы сказать, как он неправ насчёт Руби. И конечно, как только узнает, он извинится и отпустит её. Хорошая фантазия. Но всё-таки, мне хотелось поговорить с ним.

Теперь Мэгги почти поравнялась со мной. Я кое-как поднялась на разъезжающих ногах и замахала варежками, чтобы привлечь её внимание. Она затормозила прямо передо мной, рассыпая брызги льда, точно так же, как Мэри. Я балансировала перед ней.

— Хочешь попробовать ещё?

— Да, — сказала я, и, размахивая руками, переступила через низкий барьер между льдом и снегом. Мои ноги скользили. Я схватилась за руку Мэгги как за верёвку и ещё раз попыталась выйти на лёд.

— Просто катись, — сказала я, стиснув зубы. Я велела ногам двигаться вперёд, и они двигались. Ну, вроде того.

— Ладно, — тихо сказала Мэгги.

Мы двинулись по льду. Я просматривала толпу впереди, выискивая Маркуса. Я не могла его разглядеть и знала — если обернусь, то снова растянусь на льду. Кто-то подкатил ко мне сбоку и, описав плавную дугу, остановился передо мной.

— Привет, Кэтлин.

Конечно, это был он. Он легко, почти нехотя, катился спиной вперёд, и, конечно, в этот момент мои ноги разъехались, и я отцепилась от Мэгги. Я наклонилась, хватая воздух, и поняла, что сейчас проеду между его ногами, как в игре в чехарду.

— Вот дерьмо!

Его улыбка ещё подлила масла в огонь. Прежде чем я шлёпнулась на лёд, он поймал меня под руки, и я по инерции прижалась к нему.

Как же иначе.

Мои руки оказались на его груди, я инстинктивно ухватилась за куртку.

— Я тебя держу, — сказал он.

— Кэтлин, ты как? — Мэгги протягивала руки, как будто я была мячом, который Маркус собирался ей кинуть.

— Нормально.

— Можешь стоять? — спросил Маркус.

Я повернула голову так, что смогла на него взглянуть.

— Если бы могла, я бы на тебя не повалилась.

Он положил руки мне на плечи и развернул меня так, что я оказалась слева от него.

— Согни колени и наклонись вперёд. Совсем чуть-чуть.

Я осторожно последовала его инструкциям и удержала равновесие, а ноги перестали дрожать. Он положил мою левую руку поверх своего плеча, надёжно поддерживая меня другой рукой.

— Лучше?

Я кивнула.

— Хорошо, теперь держись за меня и отталкивайся.

Мы двигались вперёд, и я не падала. Я сделала ещё толчок.

— Держи лезвия плашмя на льду, — сказал он.

— Я о ней позабочусь, — обернулся он к Мэгги, и она просто махнула рукой, улыбнулась и укатила. Я ехала по льду. Толкалась одной ногой, чувствуя себя необычно смелой, потом второй. Я определённо ехала. Кое-у-кого странное чувство юмора, раз он решил, что научить меня должен именно Маркус. Мы прокатили полный круг, и тогда я заговорила.

— Ты ошибаешься насчёт Руби.

Он не стал притворяться, что не понял, о чём я.

— Значит, ты слышала.

— Слышала. Руби не убивала Агату, — я немного ослабила руку. — Я оказалась возле тела вместе с ней. Она была убита горем. И не притворялась.

— В работе я не могу полагаться на чувства, — сказал он. — Я смотрю на факты и улики.

Я сделала глубокий вдох и медленно выдохнула. Важно донести мою точку зрения, не показавшись чокнутой.

— Факт в том, что она потрясена горем. Руби не убийца. Вспомни, как она работает с детьми. Это Агата её вдохновила. — Я на секунду перевела взгляд на его лицо. Непроницаемое. Я продолжила. — Тот кусочек стекла, что я дала тебе. Ты можешь доказать, что он от разбитой фары Руби? А как он оказался в том переулке? Или когда? Или как попал в отворот моих брюк? Ты хотя бы проверял, ездила ли Руби на своей машине той ночью? — Я покачала головой. — Да не важно. Знаю, что ты не можешь ответить.

Теперь уже Мэгги села на скамью. Когда мы проехали мимо, она радостно нам замахала.

— Да, не могу. — Щёки у него покраснелись от холода.

Я вспомнила, как в ресторане Агата яростно сжимала в руках тот старый коричневый конверт. А возле тела я его не видела.

— Можешь хотя бы сказать, не находил ли ты рядом с телом Агаты старый конверт для табеля успеваемости?

Он нахмурился и покачал головой.

— Я не...

— Понимаю. Ты и этого мне сказать не можешь.

Мне это было и ни к чему — хмурый взгляд явно означал «нет».

— Это открытое дело, — сказал он.

— Я так понимаю, что у Руби нет алиби. Ну, так его нет и у Мэгги, и у меня. — Я споткнулась в выбоине на льду, и его рука автоматически сжала мою покрепче.

— Ой, погоди, у меня есть алиби. Геркулес и Оуэн.

Он вздохнул. Уголком глаза я увидела, как он сжал челюсти.

— Это сложный случай, Кэтлин. Не ввязывайся в это, как прошлым летом со смертью Истона.

Внутри меня разгорался гнев, и я очень старалась, чтобы он не звучал в моём голосе.

— Это ты меня тогда втянул, ты думал, что у меня отношения с этим человеком, и только потому, что мы с ним в одно и то же время жили в Бостоне. Ты был не прав тогда и сейчас ошибаешься насчёт Руби.

Мы отвернулись от Мэгги, которая в это время говорила с Ребеккой. Гнев всё-таки одолел меня.

— Ты не слушал меня тогда и не слушаешь сейчас, — резко сказала я, отпустила его руку и собралась демонстративно от него уехать. Но промахнулась на несколько футов.

Я влетела бы прямо в сугроб, если бы Сьюзен не схватила меня за руку. Мы завертелись на льду, но мне как-то удалось устоять на ногах, и Сьюзен меня остановила.

— Не ушиблась? — Мы стояли лицом к лицу, и Сьюзен удерживала меня за плечи.

— Похоже, вы о чём-то поспорили с детективом Гордоном.

Я больше не могла его видеть.

— Не то, чтобы поспорили. Просто обсуждали кое-что.

— И так энергично, — она подняла брови и чуть улыбнулась.

— Я пыталась объяснить ему, что основания для ареста Руби не слишком убедительные.

С лица Сьюзен схлынула краска.

— Полиция арестовала Руби? За что?

Она не знала. Как она могла не знать? Я на секунду опустила глаза на лёд, потом опять посмотрела на неё.

— Они думают, что это она убила Агату.

Мне казалось, стать ещё бледнее невозможно.

Я ошибалась.

Губы Сьюзен шевелились, но не было слышно ни звука.

— Прости, — сказала я, — думала, теперь это уже всем известно. Мне не стоило так говорить.

Она покачала головой.

— О, нет, ничего, всё в порядке. Просто мы немножко не в теме, в эти выходные пришлось заниматься домашними делами. Ну, знаешь, простуда и всё такое.

Лицо у неё по-прежнему было ужасно бледным.

— А когда они... когда её арестовали?

— Этим утром.

— Она не убивала Агату.

— Я знаю. И полиция это тоже выяснит.

Взгляд Сьюзен метался по заполненному народом катку.

— Я... я лучше пойду, — сказала она. — Эрик уже ушёл в кафе, а моя мама идёт с мальчиками на горку. Мне хотелось прокатиться ещё пару кругов одной, но надо идти помогать ей. — Она отпустила меня и на минуту протянула руки. — Справишься?

— Не сомневайся, — сказала я. — Иди. Завтра увидимся.

— Ладно. — Она покатила от меня длинными шагами. А я, конечно, не могла сдвинуться с места.

Ко мне подъехала Мэгги.

— Ну как ты?

— Пожалуйста, просто увези меня с этого льда, — попросила я.

Она подтащила меня к краю катка, я переступила через бортик и упала на скамейку.

— У Сьюзен всё в порядке? — спросила Мэгги, усаживаясь рядом со мной.

Я вздохнула.

— Не знаю. Последние несколько дней она... как-то не в себе. Как раз со дня смерти Агаты.

Мэгги наклонилась, опираясь на руки.

— Должно быть, для Эрика тяжело то, что случилось с Агатой. Как и для Сьюзен.

Я кивнула.

— Кстати об Эрике. Не хочешь зайти в кафе, выпить горячего шоколада?

— Звучит неплохо.

Я начала расшнуровывать коньки. Мне нравился горячий шоколад у Эрика. Он даже лучше, чем мой. И может, мне удастся с Эриком поговорить. Возможно, в ночь смерти Агаты он что-нибудь видел или слышал. Может, я смогу придумать, чем помочь Руби.

Мэгги сняла свои коньки вдвое быстрее, чем я, и теперь наблюдала за мной, склонив голову на бок.

— Маркус был отличным учителем.

— Маркус — болван, — мрачно сказала я.

— Дай угадаю. Он сказал тебе не играть в «Закон и порядок»?

— У него ограниченные взгляды, — я поднялась на ноги.

Она шлёпнула меня.

— Он, возможно, говорит о тебе то же самое.

Мы вышли на улицу и, пересекая парковку, столкнулись с Ромой. Буквально.

— Мы к Эрику, — сказала Мэгги. — Хочешь с нами?

— Да, — Рома стащила красную вязаную шапку. — Я не чувствую ног. Полчаса пробыла в том безумном лабиринте. Уже думала, придётся посылать собак, чтобы нашли меня там.

У меня по спине пробежали мурашки.

— Мы катались на коньках, — сказала Мэгги. — А лабиринт пока не попробовали.

«И не собираемся», — добавила я про себя.

— Где вы припарковались? — спросила Рома. — А то я прямо здесь.

— Я пешком, — сказала Мэгги.

— Я тоже, — добавила я.

— Давайте подвезу, — предложила Рома.

Я была счастлива забраться в её машину. Ноги ныли. Колени болели. Когда я двигалась, они хрустели, как будто кто-то отбивал индейку. А когда села, стало ясно, что я ушибла копчик.

Мэгги пристегнула ремень и наклонилась вперёд, чтобы выглянуть через ветровое стекло.

— А от того, что ты нас подводишь, не пойдут сплетни, что мы встречаемся? — поинтересовалась она у Ромы.

— Нет, все точно знают, что я встречаюсь с Эдди Суини, — Рома улыбнулась и включила передачу. Выражение её лица изменилось. — Я слышала про Руби.

Мэгги кивнула.

— Кэтлин звонила Эверетту. Он послал одного из своих адвокатов.

— Хорошо. Глупо думать, что Руби могла убить Агату.

Мы потихоньку подъехали к кафе. Перед ним было полно людей, и все шли в сторону площадки Зимнего фестиваля. Рома поставила машину на место выехавшего минивэна.

Официант, старшеклассник с зелёными волосами, который, как я знала, интересовался средневековым вооружением, принёс нам три кружки дымящегося горячего шоколада и вазочку с зефиром.

Эрик стоял за стойкой. Он не подошёл к нам и даже не помахал. Его явно поразила гибель Агаты. Мне не хотелось заставлять его чувствовать себя ещё хуже, но надо было поговорить. Я хваталась за любую соломинку, потому что ощущала вину из-за того, что дала Маркусу тот кусок стекла. Но может Эрик видел что-нибудь, или кого-нибудь, и не понимает, как это важно.

— Я знаю, Руби кажется стойкой, — говорила Мэгги. — Но это просто игра. Мы с ней в одно время занимались на летних курсах в университете. — Она улыбнулась воспоминаниям. — Она жила в настоящем сарае. Ну, то есть, тот дом разваливался. В её квартире водились мыши. Любой другой на её месте съехал бы, или хотя бы завёл мышеловку.

— Дай угадаю, — сказала Рома. — Она относилась к ним как к домашним животным.

— И сделала с них две картины, — улыбнулась Мэгги.

Это было похоже не Руби.

Наш официант вернулся с кувшином какао, и мы выпили ещё по чашке. Я бросила взгляд на стойку, всё стараясь придумать способ поговорить с Эриком и при этом не показаться слишком назойливой.

— А как полиция считает, почему Руби убила Агату? — спросила Рома, отставляя кружку. — Какой мотив?

— Может, думают, что произошёл несчастный случай, и она запаниковала? — предположила я.

— Я не могу поверить в эти слухи. И в то, что у Агаты было полмиллиона долларов, — сказала Рома.

— Знаешь, я пару раз платила за отопление, потому что у неё было холодно. Я думала, она не может себе это позволить. — Она махнула в сторону Эрика, который отсчитывал сдачу кому-то на кассе. — А когда ночи бывали по-настоящему холодными, Эрик позволял ей оставаться в его кабинете.

Рома снова взяла свою чашку.

— Она нам лгала. — Она провела пальцем по скатерти. — Знаете, а я считала, что Агата Шепард не станет врать. Почему же она не тратила на себя хоть часть этих денег? — Рома взглянула на нас. — А потом взяла и оставила всё приятно Руби.

— Должно быть, она страдала от повреждения мозга после инсульта, — сказала Мэгги. Она сняла шапочку, и светлые волосы теперь торчали вверх. Она походила на кудрявого ягнёнка. — Может, у неё бывали микроинсульты, и никто об этом не знал. Помните телешоу про накопителей хлама? Только в её случае это деньги.

Из-за этого так важен был старый конверт? Внутри лежало что-то, имевшее отношение к тем деньгам? Что же случилось с конвертом? Агата говорила о нём с Эриком. И я помню, как Гарри Тейлор, споривший с ней там, на дорожке, указывал на конверт. Он связан со смертью Агаты? Нет. Ну что она могла нести в старом конверте из мейвиллской школы, из-за чего кто-то стал бы её убивать? Финансовые отчёты?

С другой стороны, насколько мне известно, конверт не нашёлся ни у тела Агаты, ни в её доме. И, судя по тому, как она сжимала его, он был для неё важен. Он имел какое-то значение и для Гарри и Эрика, поскольку оба спорили с ней о конверте. Может, кроме полумиллиона долларов, у неё имелись и другие секреты?

Я глянула через стол на Рому, которая жестикулировала, беседуя с Мэгги. Мне не хотелось идти домой и провести остаток дня с навязчивыми мыслями о смерти Агаты.

— Эй, ребята, — сказала я. — Почему бы вам не пойти поужинать со мной?

— Идём, — сказала Рома.

— Не хочешь узнать, что у нас есть? — спросила я.

— Мне придётся что-то готовить?

— Нет. У меня есть рагу, тушёное в мультиварке.

— Поскольку мне не придётся готовить, я согласна есть почти всё. Чёрт возьми, я даже поела бы того пахучего печенья, что ты готовишь котам.

— Мэгс? — спросила я.

— А ты сделаешь пельмени? — спросила она. — Я-то всё равно пойду, даже если нет... Ну как?

— Да, сделаю.

Рома осушила свою чашку и поставила обратно на стол.

— Давайте закругляться.

Услышав, что задняя дверь открывается, Оуэн с головокружительной скоростью выскочил навстречу. При виде Ромы он затормозил, проехав по кухонному полу. Хвост задёргался, кот вопросительно посмотрел на меня.

Мэгги вошла вслед за нами и, заметив кота, сказала:

— Привет, лохматая морда.

Манеры Оуэна сразу же переменились. Хвост поехал вниз, а уши поджались от удовольствия. Он выполнил широкий разворот вокруг Ромы и остановился примерно в трёх футах от Мэгги.

— А я тебе кое-что принесла, — она заговорщически улыбнулась коту и вытащила из кармана маленький коричневый бумажный пакет. Я узнала логотип магазина.

— Мэгги, нет, — возмутилась я. — Ты такая же, как Ребекка.

Оуэн тоже узнал пакетик. Он извивался так, будто собирался вылезти из своей шкуры.

— Не обращай на неё внимания, — сказала я коту.

Она достала Весёлого цыплёнка Фреда из пакета. Оуэн переминался с одной лапы на другую. Мэгги поставила жёлтого цыплёнка с кошачьей мятой на пол и подтолкнула к нему. Кот бросился на него и схватил в зубы. Прежде чем уйти, он одарил Мэгги полным обожания взглядом. А по дороге опять подальше обошёл Рому, сердито глядя на неё и на меня.

Потом в дверях появился Геркулес. На Рому он даже не взглянул, как будто её там и не было. Он смотрел на Мэгги.

— Я тебя не забыла, — сказала она и опять потянулась за сумкой.

— С ума сошла, — я скрестила руки и покачала головой.

Геркулес подошёл к Мэгги, ему явно хотелось знать, что она принесла. Мне тоже. Герк не из тех котов, которые увлекаются игрушками.

— Я собиралась купить вина, — сказала она. — А потом увидела цыплёнка и подумала про Оуэна. А как я могла взять что-то для него, а этому ничего не принести? — Она указала на Геркулеса, скромно опустившего голову.

— О господи, — пробормотала я.

Мэгги вытащила из сумки маленькую коробочку. Геркулес с интересом смотрел на неё.

— Органическое кошачье лакомство в форме рыбок, — она протянула коробочку, чтобы мы с Ромой могли рассмотреть. При слове «рыба» усы Герка зашевелились. — Можно я дам ему парочку?

— Да, — вздохнула я.

Она открыла картонную коробочку, вытряхнула пяток крекеров, положила на пол и отошла.

Геркулес крутился рядом, делая вид, что ему это не интересно. Он обнюхал крекеры. Не скажу, что он сунул морду в маленькую кучку и бросился их пожирать, как медведь еду из корзинки для пикника, но что-то вроде того.

Мэгги отдала мне коробочку, и я посмотрела на ингредиенты. Рома тоже нагнулась, чтобы взглянуть. Никаких химикатов. Ничего, что я не могла бы произнести.

— Выглядит неплохо, — сказала Рома.

Я поставила коробочку на стойку. Герк сожрал последнюю рыбку и облизнулся, подбирая крошки. Он подошёл, остановился перед Мэгги и мяукнул в знак благодарности.

— На здоровье, — улыбнулась она.

Геркулес потёрся о мою ногу и ушёл обратно в гостиную.

— А если я принесу взятку, коты меня тоже полюбят? — спросила Рома.

— Это не взятка, это дар любви, — Мэгги расправила плечи и выставила вперёд подбородок.

— Взятка, — повторила Рома.

Я взяла у них куртки.

— Не то, чтобы Оуэн с Геркулесом тебя не любили... — начала я.

Рома бросила на меня скептический взгляд

— Ну ладно, может они тебя и не любят, но в их защиту — каждый раз, когда они видят тебя, ты втыкаешь в них иголки.

— Если бы ты при каждой встрече колола меня иголками, я бы тебя тоже не любила, — сказала Мэгги, заглядывая в духовку, нет ли там брауни. — Так что, придётся тебе сосредоточиться на хоккеистах.

Рома развела руками и улыбнулась.

— Придётся.

Похоже, она, наконец, стала с юмором относиться к сплетням про Эдди.

Мы вошли в гостиную, и я включила свет. Мэгги устроилась в своём любимом уголке, на диване. Рома села в кожаное кресло.

— А знаете, если бы Оуэн был парнем, я бы с ним встречалась, — сказала Мэгги, когда кот подошёл и уселся у её ног.

Мы с Ромой рассмеялись.

— Нет, правда, — продолжала Мэгги. — Он симпатичный. И без ума от меня. Почему бы и нет?

— Мэгс, — сказала я. — У него по утрам дыхание такое, что глаза слезятся, и зависимость от кошачьей мяты, и он обнюхивает каждый кусочек прежде, чем съесть.

— Я видала и похуже, — пожала плечами Рома.

Мы рассмеялись.

— Ты подумываешь снова выйти замуж? — спросила Мэгги.

— Пожалуй, но не за кота.

Мэгги бросила в неё подушку, Рома поймала её одной рукой и засунула за спину. Улыбка угасла.

— Не уверена, что я вообще способна жить в браке, — сказала она. — Мы с Люком были женаты только два года, его убил пьяный водитель. — Некоторое время она пристально смотрела на свою левую руку. — Мы были так молоды и так недолго прожили вместе, что невозможно понять, каким стал бы наш брак. — Она улыбнулась. — Но у меня есть Оливия.

Дочь Ромы, биолог и дайвер, работала в новом телешоу для канала Дискавери.

— А ты, Мэгги? Была когда-нибудь замужем? — любезно поинтересовалась Рома.

Мэгги потянулась.

— Нет. Во-первых, я, что называется, недоросток. Я, кажется, только лет в пятнадцать поняла, почему все мои подруги без ума от парней. Потом, я была сосредоточена на учёбе. Только мама и я. — Она улыбнулась Оуэну, который до сих пор с обожанием смотрел на неё, сидя рядом с диваном. — В колледже я была гиком, летом работала, а весь семестр училась, стараясь сохранить стипендию.

— А ты, Кэтлин? — спросила Рома.

Мы с Мэгги переглянулись.

— Я почти была замужем.

— В Бостоне? — Рома подалась вперёд, явно заинтересованная.

— Да. — У моих ног появился Геркулес, и я потянулась погладить его по голове. — Его звали... зовут Эндрю. Он подрядчик. Специализируется на реставрации старых зданий.

— И что же случилось? — Рома развела руками. — Ты его променяла вот на это?

Меня это насмешило.

— В некотором роде. Мы поссорились. Эндрю отправился на две недели на отдых с друзьями. И вернулся женатым на другой.

— Ты шутишь.

Я покачала головой.

— Любовь с первого взгляда.

Рассказывать эту историю было уже легче, чем прежде.

— Значит, ты решила — раз он мог жениться, ты можешь уехать в Миннесоту.

— Типа того, — улыбнулась я.

Рома положила ноги на пуфик.

— Кажется, Тоби Кейт написал песню о чём-то похожем. Она была официанткой в ночном клубе?

— В кафе.

— Почти то же самое, — пожала плечами Рома.

— Может быть, ты должна была сюда приехать, — сказала Мэгги. — Встретишь тут Мистера Совершенство.

— Я не верю в родство душ или судьбу, — ответила я. — И не пытайся выдавать мне Маркуса Гордона за настоящую любовь.

— А что не так с Маркусом? — поинтересовалась Рома.

Я нахмурилась и потянула ногу.

— Он арестовал Руби, — я начала загибать пальцы: — Он считал, что у меня роман с Грегором Истоном и что я могла его убить, — второй палец, — и он меня бесит, — третий.

В ответ Рома сделала то же самое:

— Он мой лучший волонтер. Он спас Люси и Десмонда.

Я скрестила руки и с интересом наблюдала за ней.

Теперь она показывала мне три пальца:

— И он помогает тренировать детскую хоккейную команду.

Так вот почему он так хорошо катается.

— Он арестовал Руби, — сказала я.

— Он полицейский. Он выполняет свою работу. Это не просто его прихоть. И Маркус не бросит расследование только из-за того, что Руби арестована. Он распутает все улики и выяснит, что Руби не убивала.

— Тебе нравится Маркус.

— Да. Он хороший человек. Дай ему шанс.

Оуэн решил именно сейчас согласно мяукнуть.

— Ты-то уж не лезь, — буркнула я. Он дернул хвостом и снова обожаяще уставился на Мэгги.

Я поднялась.

— Чем слушать, как вы тут агитируете за Маркуса Гордона, лучше я пойду готовить пельмени. Последнее слово привлекло внимание Оуэна, и он обернулся ко мне.

— Пошли, — сказала я ему.

Оуэн поддерживал меня урчанием, пока я лепила и ставила вариться пельмени. Руки были в тесте, когда зазвонил телефон.

— Мэгги, ответ пожалуйста, — крикнула я.

— Ладно.

Я как раз накрыла кастрюлю крышкой, когда Мэгги заглянула на кухню.

— Это была Ребекка, — сказала она. — Руби в порядке. Ей придется провести ночь в тюрьме, но утром она уже предстанет перед судьей.

— Этого мы и ожидали, — ответила я.

Она прислонилась к дверному косяку.

— Не понимаю, как всё так запуталось.

Рома встала рядом с Мэгги, а я принялась мыть посуду.

— Как умерла Агата? — спросила Рома.

Я поколебалась.

— Я точно не знаю, — ответила я, отскребая от миски засохшее тесто, — но скорее всего её сбила машина.

Рома на секунду отвернулась, и Мэгги легонько тронула её за плечо.

— Хочешь сказать, её кто-то переехал и...

— Возможно.

— Что доказывает, что это не Руби, — вставила Мэгги: — Она ни за что не бросит сбитого ею человека.

— Не бросит, — согласилась Рома.

— Какой была Агата? — спросила я, чтобы сменить тему. — Когда была молодой, когда учила?

Мэгги достала салфетки, а я протянула Роме соль и перец.

— Ну, ты её видела, — сказала Рома, — крошечная и твёрдая как гвоздь. Я видела, как она нагоняет страху на детей и родителей в два раза крупнее неё. Если ты стараешься изо все сил, она всегда будет на твоей стороне, но если решит, что ты мало работаешь, никакие оправдания не помогут.

— Карен Энн Пири, — кивнула Мэгги.

Мы с Ромой повернулись к ней.

— На пенсии Агата продолжала иногда заменять учителей. В шестом классе она месяц вела у нас математику, когда мистер Кавано сломал руку в спортзале, объясняя, как лазить по канату. Не очень хорошая идея, когда боишься высоты. — Она отмахнулась от воспоминаний. — В общем, Агата дала нам контрольную по математике. Две трети класса не справились, и я, и Карен Энн Пири тоже. Мистер Кавано щедро выставлял оценки. Агата — нет.

Рома уже улыбалась. Мэгги протянула ей вилку и ложку.

— На следующий день после того, как нам раздали результаты контрольной, появился отец Карен Энн. Ты видела Майка Пири?

— Вроде нет, — ответила я.

— Настоящий йети, — сказала Рома. — Ну, может, чуть побольше заросший шерстью.

Мэгги кивнула.

— Мы тогда были в тесном классе, как жестяная банка с фанерными панелями. Агата с мистером Пири вышли наружу. Он орал на неё и тряс своими огромными ручищами. Мы все прилипли к окнам и смотрели.

— А что делала она?

— Ничего, — Мэгги разгладила на столе свою салфетку. — Позволила ему отвести душу, а потом начала говорить, и клянусь, он скукожился прямо на глазах. Растерял весь свой пыл.

— Это на неё похоже, — сказала Рома.

— А когда Агата вернулась, сказала, что все мы улучшим оценки. И перед всем классом пообещала Карен Энн, что к концу года она получит пятерку.

Мэгги рассмеялась:

— Из всех предметов Карен Энн Пири интересовали только мальчики. Пять по математике — это было что-то из области фантастики.

— Но она её получила? — спросила Рома.

— Агата слов на ветер не бросала.

Мне вспомнился Гарри Тейлор, свято исполнявший обещание, данное покойной.

Я вынула из шкафчика три глубоких тарелки и глянула на часы. Пельмени почти готовы.

— А какой она была вне школы?

— Школа занимала всю её жизнь, — ответила Рома. — После развода она направила всю свою энергию на Дэвида и школу. Кажется, я ещё не рассказывала, что она шесть месяцев волонтером учила детей в сельской школе в Теннесси. В этом вся Агата.

За ужином Мэгги и Рома продолжили делиться воспоминаниями из школьной жизни, и я больше смеялась, чем ела.

— Хочу увидеть фотографии, — сказала я, ткнув ложкой в сторону Мэгги.

— Их нет, — она пригвоздила последний пельмень: — Когда мама переехала, я сожгла их все до единой.

— Не может быть!

— Косматые волосы и штаны-парашюты, уничтожены.

— Мне нужно заехать в клинику, — сказала Рома, после того как мы убрали со стола и я отклонила её предложение помочь с посудой. — Тебя подвезти? — спросила она Мэгги.

— Ага. Гулять как-то не очень хочется.

Геркулес и Оуэн явились сказать «до свидания».

— Позвони, если что-нибудь узнаешь, — я обняла Мэгги на прощание.

— Ты тоже.

Когда дверь закрылась, Оуэн издал низкий звук, подозрительно похожий на вздох.

— Это уже чересчур, Оуэн, — сказала я, возвращаясь в гостиную.

Дом казался таким тихим без Мэгги и Ромы. Тут я вспомнила о Руби в тюремной камере. Я подняла подушку, которую Мэгги бросила в Рому, и водрузила обратно на диван, потом села в кресло и подтянула поближе телефон. Пока я набирала номер, у моих ног появился Геркулес.

— Залезай, — похлопала я себя по коленям. Он запрыгнул и устроился поудобнее.

Мой брат Итан ответил после четвёртого гудка:

— Привет. Мама так и сказала, что это ты.

Кажется, наша мать всегда знала, когда звонит кто-то из нас. Итан мог быть в пути, в сотнях миль от дома, но зазвонит телефон, и мама скажет: «Возьми трубку, Кэти, это твой брат». И я услышу: «Это звонок за счёт вызываемого абонента из...»

— Ну, значит, ты ещё не сбежала с каким-нибудь йети, — сказал Итан, и я представила себе его улыбку.

— Нет, — оскорблённо ответила я, — мы только начали встречаться.

Он засмеялся, и у меня перехватило дыхание от тоски по дому.

— Ну, и что у вас там происходит?

— Зимний фестиваль.

— Это что, какие-то языческие обряды, когда все встают в круг и просят богов зимы не посылать больше снега?

— Вообще-то мы просим вывалить его весь на Бостон, — возразила я.

Это вызвало новый взрыв смеха. Я рассказала Итану про горку для санок, про свою хоккейную победу и первое катание на коньках.

— А фоток нет? Или видео с мобильного? — поинтересовался он. — Деньги у меня есть.

— Забудь. Увидишь, как я катаюсь, только если сам приедешь посмотреть.

— Приглашаешь?

— В любое время, братик. А весной мы устраиваем большой праздник в библиотеке.

— Может и приеду. Когда разберусь с делами. Я без тебя скучаю, командовать некому.

Меня снова накрыла волна тоски по дому, но я взяла себя в руки. Мы с Итаном поговорили о его группе — «Пылающие песчанки», большую часть времени проводившей в дороге, и о его личной жизни, которая всегда была гораздо более запутанной и интересной, чем у любого из моих знакомых.

Наконец, Итан сказал:

— Я лучше дам трубку маме. Она тут, рядом, нависает надо мной.

— Веди себя хорошо, — попрощалась я с ним. — Люблю тебя.

— И я тебя, — ответил он, отдавая телефон маме.

— Я не нависала, — первое, что она сказала в трубку.

— Как скажешь.

— Я подслушивала, — продолжила она.

— А в чем разница?

— В положении верхней части тела, конечно.

Не знаю, шутила она или нет — с мамой это не всегда можно понять.

— Как ты, Кузнечик?

— Отлично.

— Расскажи про фестиваль.

Мама читала в интернете газету Мейвилл–Хайтса и имела общее представление о том, что у нас происходит. Я рассказала ей всё про зимний праздник, включая и мои успехи на катке. Она рассмеялась:

— Так вот чем тебя поддразнивал Итан.

— Ну да, — согласилась я. — Хорошо, что фоток нет, а то я его знаю, могла бы стать звездой интернета.

— А фотографий с инсталляции Мэгги? — спросила мама. — Мне бы очень хотелось посмотреть.

— Думаю, она будет не против, если я сделаю несколько штук и пришлю тебе.

— Спасибо, милая.

Мы поболтали ещё пару минут. Мама с папой ставили «Короля Лира» в своей актёрской школе. Папа играл старого короля, а мама режиссировала. Пока они мило общались, но я знала, что до премьеры ещё будут фейерверки. Так всегда было, поэтому они и женаты дважды. Они без ума друг от друга, но при этом сводят с ума себя и всех вокруг.

Я подумала, не рассказать ли маме о Руби и позволить ей утешить меня, но не стала. Не нужно ей волноваться из-за того, что я снова впуталась в преступление.

Наконец я попрощалась и поставила телефон обратно на стол. Геркулес поднял голову и посмотрел на меня. Что бы я ни делала, я не могла не думать о Руби. Я не могла выкинуть это из головы.

Я вспомнила слова Мэгги — Руби не убила бы даже мышку в своей квартире. Она не убивала Агату. Ни умышленно, ни случайно. И не важно, какие у Маркуса улики. Руби не такая. Если бы я не нашла у себя за отворотом тот кусочек стекла, была бы Руби сейчас в тюрьме? Я не могла избавиться от ощущения ответственности за это.

Могла ли я найти слова и убедить Маркуса, что он ошибся? Нет. Он верит в улики, а не в чувства. Я могу только доказать, что Руби невиновна.

— Ты знаешь, что Руби не убивала Агату, — сказала я, заглянув в зелёные кошачьи глаза. — И как же нам выяснить, кто убил?

15

Не успела я встать, как зазвонил телефон, и мы оба подскочили. Герк балансировал на моих коленях, как канатоходец в бурю, и едва не свалился. Придержав кота одной рукой, второй я взяла телефон. Ребекка.

— Привет, — сказала я, — Мэгги передала твоё сообщение.

— Замечательно. Я надеялась, ты окажешь мне небольшую услугу. На самом деле, это для Руби.

— Конечно. Что нужно сделать?

— Звонил её адвокат. Утром Руби нужна одежда для суда. У меня есть ключи Вайолет, и значит, ключи от квартиры Руби тоже.

— И ты хочешь, чтобы я пошла с тобой.

Всего пару дней назад я ходила с Руби за вещами Агаты.

— Если ты не против. У нас с Руби совсем разный вкус.

Я улыбнулась.

— У меня тоже, но вместе мы что-нибудь придумаем.

Мы договорились о встрече утром и пожелали друг другу спокойной ночи.

— Это знак, — сказала я.

Геркулес посмотрел на телефон, потом на меня.

— Ладно, я не верю в знаки, — сказала я. — Но если бы верила, это был бы он самый. — Кот продолжал смотреть на меня. — Ребекка хочет, чтобы я помогла ей выбрать для Руби одежду на суд. Утром мы встречаемся в квартире Руби. — Он даже не моргнул. — Квартира Руби, — повторила я. — Куда она, вероятно, отнесла ту сумку с вещами Агаты, что дала Лита, — я наклонилась к мохнатой чёрно-белой мордочке. — Сумку, в которой может быть конверт, из-за которого все с ней ругались.

Его зелёные глаза сузились.

— Конверт был у Агаты, а потом, похоже, исчез. Может, он никак не связан с её смертью, но надо же с чего-нибудь начинать.

Геркулес поднял лапу и ударил меня по руке.

— Ой, — вскрикнула я. Было не больно, но с каких это пор мы стали определять стандарты, как именно мне стоит вмешиваться в дела Маркуса? — Слушай, я только хочу заглянуть в сумку. Руби разрешила бы мне, — мне показалось, что Геркулес обдумал эту мысль. — Я подождала бы, будь у меня время, — я склонилась ещё ближе к нему, — но его нет.

Я опустила его на пол, отряхнула колени и пошла к лестнице. Он оказался передо мной, не успела я пройти и пару шагов.

— У меня есть веские причины, — сказала я, — и я не прошу тебя помогать.

Я закрыла глаза и прижала ладонь ко лбу. Я рехнулась. На этот раз точно. Пытаюсь оправдаться перед котом. Открыв глаза, я посмотрела на милую мохнатую чёрно-белую мордочку. Похож на любого другого домашнего кота, готового потереться о мои ноги или погонять клубки пыли под кроватью. Но он не чей-то милый домашний питомец.

Разве узнала бы я, как умер Грегор Истон, без Геркулеса? Или без Оуэна? Гerk нашёл бусину и кусочек нот, которые помогли мне сложить картинку воедино. И в итоге не только поймали убийцу Истона, но и Ребекка с Эвереттом воссоединились.

А когда прошлым летом ко мне вломились в дом, Геркулес отправился за помощью, а Оуэн помогал мне отбиваться.

Я представила, как говорю Мэгги или Роме, что Оуэн и Геркулес помогли мне найти убийцу Грегора Истона. Они посмеются, решат, что это такая шутка. Коты и правда мне помогли. Но не обязаны делать это снова.

— Маркус не станет искать другого убийцу, — сказала я Геркулесу. — Самое большее — поищет новые улики против Руби, — я пожала плечами. — Она моя подруга. Подруга Мэгги. И мы обе с этим не согласны.

Я пошла на кухню, пытаюсь отгонять мысли о том, как безумно рассказывать коту, с чем мы не согласны.

Я набрала в раковину горячей пенящейся воды и уже начала мыть стаканы, когда послышался какой-то шум. Ну что эти двое ещё натворили? Я заглянула в гостиную. Геркулес вытащил из шкафа мою большую сумку и теперь волок её на середину комнаты, уцепившись зубами за лямки. Я поняла — таким способом он говорил мне, что поможет. Я подошла к коту и присела перед ним. Он отпустил плетёный ремешок и поднял на меня взгляд. Я внезапно ощутила комок в горле.

— Спасибо, — хрипло сказала я и поцеловала Геркулеса в макушку.

Уголком глаза я видела, как Оуэн возле дивана изображает брошенного котика. Я потянулась к нему.

— Я тебя тоже люблю, меховой шарик.

Кот рванул ко мне и прижался к бедру. Мы с ними — как три мушкетёра. Бэтмен, Робин, и библиотекарь. А возможно, мы чокнутые.

16

В понедельник с утра потеплело, и снег не шёл. Пока Геркулес и Оуэн завтракали, я сидела за столом с чашкой кофе. У меня появились серьёзные сомнения. Может быть, следует подождать, пока Руби выпустят на поруки, а потом попросить её позволить мне посмотреть сумку.

Но что, если её не отпустят? — спросил мой внутренний голос.

Геркулес закончил завтрак, подошёл к сумке, которую я прошлой ночью бросила на одно из кресел, и шлёпнул по ней лапой.

— Нет, — сказала я.

Он опять ударил сумку.

Я перевесила её на спинку и села в кресло.

— Я очень рада, что ты решил мне помочь. Правда. Но я не могу взять тебя с собой. Как я объясню это Ребекке?

Он запрыгнул на кресло и спихнул нейлоновую сумку на пол. Потом обернулся и выжидающе поглядел на меня.

— Ты опять за своё.

Я подобрала сумку с пола и поставила на холодильник. Следовало ожидать, что кот просто так не отступит. Он спрыгнул на пол и отправился на крыльцо.

— Ты куда это собрался?

Оуэн поднял взгляд от миски, решил, что это не его собачье — или, в данном случае, кошачье дело, и вернулся к еде. Я отставила свою чашку и пошла за Геркулесом. Я знала, что если захочет, он выйдет и сам. С другой стороны — насколько это реально? Выйти наружу означает холод, снег и мокрые лапы. Однако, это его не остановило. Геркулес придумал себе план и собрался ему следовать. Я сунула ноги в ботинки и поспешила за ним. Он уже прошёл полпути вокруг дома, двигаясь медленно, осторожно и останавливаясь каждые несколько шагов, чтобы отряхнуть лапы.

— Идём, Геркулес, — позвала я. Было холодно, а куртку я не надела. Я обхватила себя руками, стараясь согреться. Кот оглянулся. — Я не могу взять тебя с собой, — сказала я.

Он пошёл дальше, к подъездной дорожке. Просто глупость. Я кинулась за ним, хотела схватить и унести в дом. Он бросился вперёд, быстро, как никогда не бегал по снегу. Я переоценила свои силы — поскользнулась на льду и растянулась на дорожке. Геркулес развернулся и вытянул ко мне шею.

— Я цела.

Я медленно поднялась на ноги, отряхивая налипший на брюки и свитер снег. Левая ладонь горела — я проехала ею по мёрзлomu снегу. Я поглядела на кота.

— Ты можешь пойти. Это полное безумие, но ладно.

Он поднял переднюю лапу, потряс ею и жалобно мяукнул.

— О Господи, — сказала я, нагнулась и взяла его на руки. — Как так, кувыркнулась на льду я, а нести нужно тебя?

Он поудобнее устроился у меня на руках и самодовольно ухмыльнулся.

На кухне я посадила Геркулеса на пол и отряхнула со свитера остатки налипшего снега. Рука горела в том месте, где я поцарапалась о лёд. Оуэн обменялся с Геркулесом взглядами, потом обернулся и уставился на меня. В который раз я подумала, что у них есть что-то вроде кошачьей телепатии. Меня бы это не удивило, учитывая все обстоятельства.

На полке шкафа в прихожей нашёлся кусок оранжевого искусственного меха. Я постелила его на дно сумки. Геркулес подошёл, заглянул внутрь и покачал головой.

— Это осталось от костюма безумного учёного, который я надевала на Хеллоуин, — сказала я. — С ним будет тепло.

Мэгги сделала мне замечательный костюм — отчасти Марти Фельдман в «Молодом Франкенштейне», отчасти Бейкер из Маппетов — с париком из оранжевого меха.

— Попробуй.

Геркулес сунул в сумку лапу. Потом другую. Потом залез целиком. Он помял лапами дно и, наконец, улёгся. Я надела куртку, натянула сапоги и осторожно закинула на плечо сумку с Геркулесом.

— Мы скоро придём, — сказала я наблюдавшему из-под стола Оуэну. — Внесёшь за нас залог, если понадобится?

Он мяукнул. Приятно слышать.

Я быстренько спустилась к дому Вайолет. Ребекка и Руби по очереди приглядывали за ним. В ближайшем будущем Вайолет не вернётся. А Руби переселилась в квартиру над переделанным каретным сараем незадолго до того, как Вайолет пришлось покинуть свой дом. К её

жилищу вели ступеньки позади здания. Поднявшись наверх, я поставила сумку на пол крытой веранды. Герк высунул голову и огляделся.

— Ни звука, — предупредила я. — Не мяукать и не урчать. Ребекка в любую минуту будет здесь.

Я наклонилась застегнуть сумку. Кот выпрыгнул, поглядел, направо, налево, и просочился сквозь дверь прежде, чем я успела его схватить.

К этому невозможно привыкнуть.

Я опустила на корточки. Геркулес точно исчез. Он умел проходить сквозь преграды — двери, стены в шесть дюймов толщиной, бетонные фундаменты.

— Геркулес, вернись сейчас же, — зашипела я на дверь.

Ничего.

— Я не шучу. У тебя большие неприятности. Вылезай сейчас же.

Пустая угроза. Я не могла войти и забрать его. Я сделала глубокий вдох и медленно выдохнула. Потом подобралась поближе к двери и позвала кота по имени.

Опять ничего.

— Ищешь потайной замок? — сказал голос за спиной. — Так я могу уверить, что его здесь нет.

Я чуть не опрокинулась от неожиданности. В дверях веранды стояла Ребекка. С колотящимся сердцем я поднялась на ноги.

— Доброе утро, — сказала она. — Красивая дверь, да? Но далеко не так хороша, как старая, деревянная. Зимой скрипит, а летом заедает.

Похоже, она не удивилась, что я «изучала» дверь.

— Мне нравятся старые дома, — смутилась я.

— Мне тоже, — сказала Ребекка. — Но признаюсь, я люблю, когда двери закрываются, а окна защищают от ветра. — Она порылась в кармане и вытащила связку ключей.

Я посторожилась, чтобы дать ей вставить ключ в замок, и наклонилась за сумкой. Скрестив пальцы, я от души надеялась, что, открыв дверь, мы не обнаружим посреди комнаты Геркулеса.

Не обнаружили.

Я опустила сумку на пол у двери рядом с ботинками, мечтая, чтобы кот понял намёк и забрался внутрь, пока мы в спальне.

Ребекка протянула мне бледно-зелёный лист бумаги:

— У меня есть список.

Я взяла его и быстро проглядела. С бельём и пальто проблем не будет — я знала, что у Руби есть тёмное шерстяное пальто. Она обычно носит его с пушистой оранжевой шапкой и шарфом. Насчёт простой белой блузки я была не так уверена, и уж точно не могла припомнить, чтобы хотя бы раз видела Руби в тёмной юбке.

— Давай посмотрим, что удастся найти, — улыбнулась я Ребекке. — У меня есть простая тёмная юбка, и если мы не найдем ничего подходящего для суда, я отправлю её вместе с пригоршней булавок.

Спальня была выкрашена в мягкий оттенок лилового, а кровать застелена более тёмным покрывалом и завалена подушками. На потолке Руби нарисовала звёздочки. Я огляделась. Сумка Агаты удобно устроилась на старом кресле-качалке в углу.

— Я посмотрю там, — Ребекка показала на большой чемодан у окна. — Не поищешь в шкафу?

В антикварном шкафу, где Руби хранила свою одежду, висели только юбки феерических цветов, но в глубине я обнаружила простую белую блузку.

Ребекка протянула чёрные шерстяные брюки, выкопанные в чемодане:

— Что думаешь? Они чёрные и строгие. Не думаю, что у Руби есть подходящая юбка.

Я приложила к брюкам блузку. Серьезный и спокойный вид — непохоже на Руби, но для суда идеально.

— Берём.

Пальто Руби оказалось в прихожей. Ребекка захватила с собой нейлоновую сумку, в которую мы всё и сложили.

Ребекка удовлетворенно вздохнула:

— Спасибо.

— Всегда пожалуйста. Я понесу вещи. Ты на машине? — я не могла удержаться и бросила взгляд на сумку на кресле-качалке.

— Да, — ответила она. — Но сначала скажи, почему ты все время смотришь на эту сумку.

Я залилась краской:

— Это так заметно?

Она кивнула.

— Ты же знаешь, что Руби не убивала Агату.

— Конечно.

— У полиции есть кусочек стекла, предположительно от фары пикапа Руби.

— Я это слышала, — сказала Ребекка.

— Э-э-э... это я его нашла. За отворотом брюк.

— И чувствуешь себя виноватой.

— Немного. Полиция считает, что поймала убийцу Агаты, и не будет искать, как оправдать Руби. Кто-то должен ей помочь. — Я пожала плечами: — Поэтому я здесь.

Она улыбнулась и махнула в сторону кресла-качалки:

— А как Руби поможет эта сумка?

— В день смерти у Агаты был конверт. Он исчез. Может, это важно, а может, и нет, — я обернулась к сумке. — У неё с собой была и эта сумка. Лита отдала её Руби. Я подумала, может, конверт внутри.

Ребекка медленно кивнула, стрельнув глазами от меня к креслу-качалке и обратно:

— Если посмотрим, хуже не будет. Думаю, Руби разрешила бы, будь она здесь.

— Уверена?

— Мне тоже хочется помочь Руби. Если найдем что-нибудь важное, позвоним Эверетту и спросим, что делать.

Я положила вещи Руби на кровать и взяла сумку. Внутри оказались несколько пар перчаток, чёрный вязаный шарф, коробочка влажных салфеток и три пакетика кетчупа. Ни конверта, ни бумаг, кроме старой открытки из Флориды и нижней половины порванной фотографии — ноги пухлого ребенка, сидящего на чьих-то коленях.

Просто хлам, который Агата собирала по городу.

— Его здесь нет, — сказала я Ребекке, стараясь скрыть разочарование. — Тут вещи, которые она зачем-то хранила — перчатки, кетчуп.

Ребекка заглянула в сумку.

— Видишь зелёные перчатки? Они валялись в столе находок несколько месяцев.

Наверно, кто-то отдал их ей. — Она указала на открытку — Кажется, в магазине была какая-то выставка открыток?

— По-моему, она закончилась пару дней назад.

Ребекка опустила открытку обратно в сумку. Вид у неё был печальный.

— Думаю, это просто вещи, которые Агата подобрала где-то в городе. Жаль.

Конверта здесь точно нет, а если бы и был — зная Агату, я думаю, что его содержимое не помогло бы Руби.

Я не была в этом уверена, но кивнула. Потом подняла нейлоновую сумку с одеждой и вслед за Ребеккой пошла из кухни. Моя сумка лежала там, где я её оставила. Я потянулась к ремням с мыслью «только бы он был там». И подняв сумку, сразу поняла, что Геркулес уже внутри.

Или ко мне прокрался нелегальный пассажир размером с котика. Украдкой я закрыла молнию и водрузила сумку на плечо.

— Красивая сумка, — сказала Ребекка. — Ты её здесь купила?

— Да, всего за пять долларов, в секунд-хэнде.

— Мне нравится. Эти вставки из сетки?

Так, а что мне делать, если она заметит за ними Геркулеса?

— Ну да, — сказала я. — У меня там сейчас лежит кусок искусственного меха. Возможно, за сеткой он виден.

Пока Геркулес не издаёт ни звука, всё в порядке.

Мы спустились по лестнице, и Ребекка обняла меня.

— Жаль, что ты не нашла ничего полезного. Но я уверена, всё обойдётся.

Я протянула ей сумку с одеждой, пошла по дорожке от дома и помахала Ребекке, сворачивая на улицу. Библиотека была ближе, чем дом, поэтому я направилась к ней. Надо было убедиться, что с Геркулесом всё в порядке. Я вошла в пустое здание и, оказавшись в своём кабинете, сразу же опустила сумку на кресло и расстегнула.

Кот вылез наружу, запрыгнул на мой стол и отряхнулся.

— Ну, как ты там? — спросила я. Кот выглядел... очень довольным собой? Нет, это мне кажется. —

Взять тебя с собой было очень глупо с моей стороны, — сказала я. — И что я только думала? А вдруг Ребекка тебя видела?

Геркулес подошёл по столу ко мне. Я потянулась погладить его, но он отстранился и выплюнул на тёмный полированный стол мокрый кусок бумаги.

— Это что такое?

Он перевёл взгляд с бумажки на меня. Потом поднял лапу и принялся умываться. Насколько я смогла понять, если Геркулес несёт что-то во рту, оно проходит через стену или дверь вместе с ним.

Я взяла ручку, перевернула бумагу и начала её рассматривать. Это оказалась часть фотографии. Недостающий кусок той, что лежала у Агаты в сумке — темноволосый улыбающийся малыш, освещённый ярким солнцем. Непонятно, мальчик или девочка.

— Это ты порвал фотографию? — я скрестила руки и нахмурилась. Кот продолжал умываться.

Я опять посмотрела на фото. На оборванном крае остался кусочек жёлтого скотча. — Вижу, это не ты. Извини.

Я поднесла обрывок к свету. Ребёнок сидел на коленях у женщины. Она не была похожа ни на кого из моих знакомых в Мейвилле. С другой стороны, фотография старая. Я вспомнила открытку, которую мы с Ребеккой нашли вместе с нижней половинкой этого фото. Она права, Агата, должно быть, взяла её с выставки в магазине. Возможно, и фото оттуда же.

В студии Мэгги неделями валялись кучи таких фотографий, пока она работала над коллажными панелями для Зимнего фестиваля. Она целыми днями сортировала их, раскладывала и копировала понравившиеся. Возможно, и эта была среди них. Открытка, перчатки из бюро находок, шарф и фотография. Ясно, что Агата подбирала вещи.

Я прижала костяшки больших пальцев к переносице, чтобы разгладить морщины, которые, я знала, там образовались.

— Это ничего не значит, разве только, что Агата теряла память. — Я была разочарована. — Может, и тот конверт тоже не имел значения.

Я взяла Геркулеса, и он положил передние лапы мне на плечо, выглядывая в окно позади стола.

— Ну, и что дальше? — спросила я у него.

Он недоуменно посмотрел на меня.

— Да, я тоже не знаю.

17

Теперь, увидев содержимое сумки, которую Агата таскала с собой, я уже не так верила в важность того конверта. С другой стороны, это всё, что у меня было.

— Полезай обратно в сумку, — сказала я Геркулесу. Он не двинулся с места. — Ты же не можешь оставаться здесь. Это слишком опасно. И ведь ты не хочешь лишиться сэндвича с завтрака у Эрика?

Геркулес прыгнул на стол, прошёлся по моим бумагам и повалился на кресло, заставив его закрутиться. Я потянулась и поймала кресло на середине четвёртого оборота. Кот одурело смотрел на меня. Я подошла сбоку, открыла верх переноски, и он запрыгнул внутрь. Я застегнула молнию, надела куртку, и мы пошли вниз.

Мне пришло в голову, что о конверте можно спросить и кое-кого ещё. Питер Лундгрэн. Адвокатский офис как раз недалеко от театра «Стрэттон».

— Сделаем крюк, — сказала я Геркулесу.

В офисе Питера никого не было. Возможно, я слишком рано.

— Может, нам повезёт, и Эрик уже работает, — сказала я коту. На самом деле, сказала сумке, висящей на плече. К счастью, на улице пусто.

Мы свернули к кафе, и Геркулес заворочался в сумке. Я остановилась и заглянула внутрь через верхнюю панель. На меня смотрели два зелёных глаза.

— Ни звука, — прошипела я. — И не вертись. Не хватало мне ещё объяснять, почему моя сумка двигается.

Так получилось однажды на тай-чи с Оуэном. Мэгги удачно выручила меня тогда, сказав, что в моей сумке её телефон, настроенный на вибровывозов.

Ресторан был почти пуст, но Эрик стоял за стойкой. Я с трудом удержалась от того, чтобы открыть молнию на переноске и поделиться радостью с котом.

Эрик приветственно кивнул, когда я вошла, но тут же отвернулся. Он до сих пор выглядел измученным, и я подумала о том, насколько в этом виновна смерть Агаты.

Джагер, обычно работавший у Эрика по выходным, протирал стойку. Он делал маски, и я пару раз была в его студии в Ривер Артс центре, куда заходила к Мэгги.

Он улыбнулся и обвёл рукой зал.

— Располагайся, где пожелаешь. Сейчас принесу кофе.

Я выбрала столик на двоих в дальнем углу, под окном, но у боковой стены. Когда Джагер подошёл, я заказала сэндвич и устроила Геркулеса между стеной и стулом. Верх сумки был чуть-чуть приоткрыт. Сняв куртку, я добавила в кофе сахар и сливки и сделала глоток. Отличный кофе, горячий и крепкий.

Почувствовав, что сумка под ногами движется, я опустила взгляд и увидела, как Геркулес просачивается в щелочку и с невероятной быстротой уносится в глубину коридора, ведущего к туалетам.

Черт! И что мне делать? Я схватила сумку и метнулась за котом. Завернув за угол, я увидела, как он проходит сквозь дверь кабинета Эрика с табличкой «Служебное помещение» на ней. И «сквозь» — это не образное выражение.

— Геркулес! — прошептала я. Бесполезно. Он уже исчез, да и вряд ли послушал бы.

Я сделала несколько глубоких вдохов. Геркулес в кабинете Эрика, но Эрик с Джагером сейчас за стойкой. Нужно просто без паники дождаться кота и засунуть в сумку. Я старалась не думать о том, сколько всего может пойти наперекос — к примеру, Геркулес пройдёт сквозь крепкую дверь как раз, когда кто-нибудь будет проходить мимо.

— О, Кэтлин.

Или Эрику понадобится зайти в кабинет.

Я обернулась.

— Туалет не работает?

— Э-э-э, нет, — сказала я, — я хотела поговорить с тобой наедине.

Он тут же насторожился:

— Честно говоря, сейчас не очень подходящий момент.

Я шагнула ближе к нему, загородив путь, и ногой задвинула сумку за спину.

— Ты выглядишь усталым, — мягко сказала я. Мне не хотелось усугублять проблемы Эрика, в чём бы они ни заключались.

— А, да, зуб очень беспокоит, — он вытер руки о фартук: — Как я уже сказал, сейчас неподходящее время.

И попытался обойти меня.

Может, мягкостью ничего не добиться.

— Руби, между прочим, сейчас в сто раз хуже.

Это его остановило.

— Слушай, — сказал он, — мне жаль, что Руби арестовали. И я не думаю, что она причастна к смерти Агаты. — Так же как и я, — он провёл рукой по затылку: — Ты ведь это хотела узнать, Кэтлин?

Я не видела причин не ответить на его прямоту.

— Вечером перед смертью Агата была здесь. С собой у неё был конверт, старый коричневый конверт.

— Ну, если ты так говоришь...

— Вы с ней спорили из-за него.

— Я ни о чем не спорил с Агатой.

Язык его тела говорил о противоположном — он беспокойно переминался с ноги на ногу.

— Ты был не единственным. Это должно что-то значить.

— Мы не спорили, — повторил он.

— Назови это дискуссией или как угодно. Я думаю, содержимое конверта как-то связано со смертью Агаты. А сейчас, очень кстати для кого-то, он исчез.

Эрик смотрел прямо мне в глаза.

— Слушай, Кэтлин. Не знаю, что, по-твоему, ты там видела, но мы с Агатой не ссорились ни из-за старого конверта, ни из-за того, что было — или не было — внутри. Ты всё неправильно поняла, — он как-то слишком быстро отвёл взгляд.

Я сделала пару шагов вбок, пытаюсь отодвинуть Эрика от двери, и подождала, в надежде, что молчание заставит его сказать больше.

— После инсульта Агата любила спорить из-за всяких незначительных вещей — вроде того, сколько пакетиков майонеза я давал ей к сэндвичу.

Я едва заметно покачала головой. Я знала, что видела. Эрик спорил с пожилой женщиной не из-за майонеза.

— И она начала собирать разный хлам — вырезки из газет, то, что находила на улице.

Я вспомнила содержимое полотняной сумки — перчатки, открытка. Может, Эрик прав. Но потом вспомнила, как волновалась Агата из-за того конверта. А из-за сумки и её содержимого — нет, она оставила всё это в Общественном центре. Что бы Эрик сейчас не говорил, он спорил с ней именно из-за конверта.

Эрик скрестил руки, та, что сверху, нервно потирала нижнюю.

— Без обид, Кэтлин, но ты не здешняя и не так давно нас знаешь. А с Агатой вообще не была знакома.

«Ты не одна из нас». Я слышала это и раньше. Обычно я старалась не обращать внимания, но на этот раз он меня задел. Ясно, что Эрик лгал — его взгляд не задерживался на мне дольше нескольких секунд. И он хотел раздуть ссору, напомнив, что я не из Мейвилла, чтобы отвлечь меня.

Я ощутила смутное изменение энергии в воздухе маленького коридора. Геркулес.

Эрик, кажется, ничего не заметил. Он стоял спиной к кабинету, и через его плечо я увидела, как Геркулес проходит сквозь дверь. Кот поморгал, огляделся и нырнул в сумку. Сердце у меня застучало от облегчения.

— Ты прав, — сказала я Эрику. — Я здесь недостаточно долго, чтобы знать всех. Но я точно знаю, что Руби не убивала Агату и не заслуживает того, что с ней случилось. — Я обошла Эрика и взялась за ремень сумки. — Пожалуйста, Эрик, подумай об этом.

Я вернулась к столику и поставила сумку на кресло.

— Ну погоди у меня, — шёпотом сказала я коту.

Сквозь верхнюю сетчатую панель выглянул зелёный глаз.

Джагер уже принёс мой заказ. Я расплатилась и пошла обратно в библиотеку с Геркулесом на плече, придерживая для надёжности сумку рукой. В своём кабинете я закрыла дверь и выпустила кота.

— Поверить не могу, как ты мог? — сказала я, стаскивая куртку и шапку. — Дважды за одно утро. Как бы я объясняла, что делает мой кот у Эрика, а?

В ответ он потыкал лапой пакет с едой на вынос.

— Неудивительно, что ты проголодался, — я развернула поджаренные английские сэндвичи и вытащила для него кусочек яйца. — Плохо быть вороватым котом.

Я съела маффин, потом вытащила полоску бекона. Геркулес тут же кинул мне зажатый в пасти кусочек бумаги, выхватил бекон и немедленно шмыгнул на пол.

— Стой! — крикнула я, но он был уже под столом.

Я наклонилась — как раз вовремя, чтобы увидеть, как последний кусок бекона исчезает у него во рту.

— Это тебе не шуточки, — сказала я. — Теперь никаких сардин до конца недели.

Кот облизнулся. Листок бумаги, который он стянул у Эрика, слетел на пол. Я подобрала его, развернула и разгладила на столе. В голове зашумело, как будто я поднесла к уху морскую раковину. Это оказалась верхняя часть конверта. Старого коричневого конверта от табеля успеваемости.

18

Я рухнула в ближайшее кресло, пытаюсь понять то, что вообще не имело смысла. Агата носила с собой старый коричневый конверт. Конверт исчез прямо перед её смертью или сразу после. Эрик утверждает, что ничего о нём не знал. Однако в его кабинете Геркулес нашёл обрывок такого же конверта. Такого же, или того самого, который носила с собой Агата?

Что бы ни говорил Эрик, я была уверена в одном — содержимое конверта было важно. Настолько важно, что Эрик из-за этого врал, а Старый Гарри молчал о нём.

Геркулес высунул голову из-под стола.

— Вылезай, — сказала я. — Я не сержусь.

Я положила на промасленную бумажную обёртку сэндвича остаток яйца и последний ломтик бекона и опустила на пол. Английский маффин я оставила себе.

Что теперь делать? Я не знала. Понятно только одно — мне очень мало известно об Агате Шепард. Может, если выяснить побольше об этой женщине, я смогу разобраться, что за секреты она хранила.

Я взглянула на часы. Как раз успею отнести Геркулеса домой и вернуться. Ещё одно путешествие вверх и вниз по холму как-то не радовало. Я допила кофе, сказала коту «Залезай, мохнатая морда», подобрала его и засунула в сумку. Из бумажного пакетика я выудила рулетик с корицей, для Оуэна.

Я наловчилась быстро натягивать тёплые вещи. Меньше чем через пять минут мы уже шли по улице. Шагая к перекрёстку с накинутым для надёжности через голову ремнём сумки, я уже, должно быть, в сотый раз за эту зиму думала, что мне в самом деле нужна машина. Я уже замучилась ходить туда-сюда пешком в толстой парке и сапогах.

Когда я свернула на Маунтин-роуд, со мной поравнялся пикап Гарри Тейлора. Гарри выглянул, показывая на свободное сиденье рядом с собой. Я не могла не задуматься, случайно ли такое совпадение. И решила — неважно. Было холодно. И я кивнула.

— И что вы тут делаете в такую рань? — поинтересовался он, когда я влезла в кабину.

— Мы с Ребеккой были у Руби, — ответила я, пока Гарри отъезжал от обочины.

— Я слышал, её арестовали, — он смотрел перед собой.

— Она не убивала Агату, — я уже начала повторять это как заезженная пластинка — или CD? — Но боюсь, полиция теперь перестанет искать настоящего убийцу.

— Думаете, старик что-то знает? — спросил Гарри.

Удивлённая его прямоотой, я осторожно подбирала слова.

— Я думаю, это возможно.

Гарри бросил на меня взгляд.

— И что, например?

Я рассказала ему о конверте и о том, что его отец, кажется, ссорился с Агатой из-за содержимого конверта. Я переживала, что, получается, ябедничаю на Гарри-старшего, но ещё больше — из-за заключения Руби.

— Конверт пропал, — сказала я. — По-моему, тут слишком много совпадений.

Гарри подъехал к моему дому и остановился на парковке.

— Хотите, чтобы я спросил отца? Не могу обещать, что он что-нибудь мне расскажет.

— А, думаете, мне расскажет? — спросила я.

Если Гарри-старший поймёт, что может помочь Руби, возможно, он расскажет мне, о чём они спорили с Агатой. Во всяком случае, стоит его спросить.

— Я думаю, он охотнее поговорит с вами, чем со мной. Может, сегодня вечером, после ужина?

— Ладно, — кивнула я.

— Я заеду за вами часов в семь, — сказал он.

Я поблагодарила Гарри, взяла сумку и вылезла из пикапа. Как только мы оказались в доме, я сразу же выпустила Геркулеса. Он встряхнулся и побежал пить. Откуда-то возник и Оуэн. Я дала ему два кусочка рулета с корицей. Он их старательно обнюхал.

— Вечером я тебе всё расскажу, — сказала я. — Или спроси брата.

Я быстро переоделась, привела в порядок волосы и подкрасилась. Потом положила в портфель несколько самодельных батончиков с гранолой и яблоко и отправилась в библиотеку, радуясь, что Мейвилл-Хайтс маленький, а библиотека ниже по холму.

Уже почти в самом низу я заметила на перекрёстке машину Ромы. Я замахала руками и наполовину побежала, наполовину заскользила по тротуару. Она заметила и затормозила. К счастью, позади никого не было.

Рома высунула голову в окошко.

— Привет, Кэтлин. Искала меня или просто учишься семафорить сумкой?

— Очень смешно. Я хотела кое-что у тебя спросить.

— Ладно, залезай.

Я вскарабкалась в её внедорожник и пристегнула ремень. Рома поглядела по сторонам, и мы поехали.

— Так что ты хотела спросить?

— Помнишь, когда мы видели Агату и Эрика?

— Да.

— У неё в руках был конверт.

— Да, коричневый. — Рома нахмурилась. — Похоже, старый, из школы.

Я кивнула.

— А это важно?

— Возможно. Он исчез, и я понятия не имею, что в нём было. Она ругалась с несколькими людьми из-за него.

— Может, полиция забрала?

— Вряд ли, — покачала я головой.

— Думаешь, он может помочь Руби?

— Да.

— Что я могу сделать? — спросила она, когда мы свернули к библиотеке.

— Мне нужно побольше узнать об Агате. Может, тогда я догадаюсь, что такое важное носила она в том старом конверте.

— В библиотеке есть кофе?

— Возможно. И у меня есть гранола, — я подняла вверх сумку.

Рома посмотрела на часы.

— У меня есть полчаса.

Мэри и Абигайль явились, когда Рома свернула на библиотечную парковку. Я сварила кофе, налила по чашке себе и Роме, и оставила им. Мы с Ромой устроились за моим письменным столом.

— Ну, и что ты хочешь узнать? — спросила она.

— Сама не знаю.

— Ты в курсе, что Агата развелась, когда Дэвид был маленьким?

Я кивнула.

— Она была учительницей до замужества, но несколько лет не преподавала. — Рома взяла батончик с гранолой и откусила.

— Как вкусно, — сказала она с набитым ртом.

— Она вернулась к преподаванию, подтвердила степень, приехала сюда и со временем стала директором средней школы. Другой семьи у неё не было, и помощи никакой. Не знаю, как ей это удалось.

— А каким она была человеком?

Рома минуту подумала прежде, чем отвечать.

— У неё были высокие стандарты для всех, но не выше, чем для себя. Он много требовала, но много и отдавала. Она много работала с детьми из бедных семей. — Рома поставила чашку на мой стол. — Кэтлин, что ты хочешь найти? Я считаю, что Агата была хорошей матерью и замечательным учителем, но не думаю, что тебе это поможет.

Я водила пальцем вдоль шва на ручке кресла из искусственной кожи.

— Я, правда, не знаю, чего ишу. Что-нибудь, чем можно помочь Руби. И единственное, за что я могу зацепиться — старый конверт. А теперь и он исчез.

Рома не спеша отхлебнула из чашки. Я понимала — она тщательно взвешивает слова, и потому молча ждала.

Она откинулась на спинку стула.

— Кэтлин, я могу сказать об Агате одно — она была чрезвычайно скрытной. Она ни с кем не делилась ничем личным. Прости, но не думаю, что тот конверт — ключ к тому, кто убил. Мне кажется, ты обнаружишь, что он никому и не был интересен, кроме неё. Это могли быть бумаги из центра реабилитации. Или какая-нибудь её вырезка из газеты. — Она потянулась и отломил половинку одного из оставшихся батончиков. — Ты поговорила с кем-нибудь из тех, кто спорил с ней из-за конверта?

— С Эриком, — пожала плечами я.
— И что он сказал?
— Сказал, что с Агатой не ссорился, что в конверте — не знал.
— Ты уж извини, — сказала Рома, — но я думаю, ты не там ищешь. — Она поднялась, стряхивая с джинсов крошки. — Я думаю, в конце концов выяснится, что это был несчастный случай.
Что я могла ответить? Что уверена в важности конверта из-за обрывка, найденного Геркулесом у Эрика?
— Спасибо, — сказала я. — Мы придумаем способ помочь Руби.
В этот момент зазвонил мой телефон.
— Действуй, — сказала Руби. — А мне пора. Увидимся на занятии, завтра вечером.
Я взяла трубку на четвёртом звонке. Мэгги.
— Я только хотела тебе сказать, что Руби отпустили под залог.
Я опустилась в кресло.
— Я так рада это слышать, — я ощущала, как из моего тела уходит напряжение.
— Мы собираемся устроить сегодня в студии поздний обед. Придёшь? Руби хочет поблагодарить тебя за звонок Эверетту.
Я быстренько пролиستала в памяти график работ. Да, пожалуй, я смогла бы прийти.
— Думаю, получится.
Мы договорились на час тридцать, я повесила трубку и повернулась в кресле, чтобы взглянуть в окно на облака — низкие, тяжёлые, и, должно быть, полные снега.
Я поговорила об Агате с Эриком. Сегодня вечером собираюсь встретиться со Старым Гарри. Пора поговорить с третьим из тех, кто спорил с Агатой. С Руби.

Пока я спускалась по холму к художественной студии, начался снег. Стоило мне войти, Руби поднялась навстречу.
— Спасибо тебе, — голос был хриплым от волнения. — Я не подумала, что мне понадобится адвокат. И напрасно.
— Не за что, — сказала я. — Но я только позвонила. Это Эверетт заслуживает благодарности.
— Я его уже поблагодарила. — Она теребила яркие плетёные браслеты на запястье. — Кэтлин, я её не убивала.
— Я знаю. Они разберутся, что на самом деле случилось.
Мы подошли к рабочему столу Мэгги, которая что-то оживлённо обсуждала с двумя другими художниками, чьи студии располагались на этом этаже. Беседа была в самом разгаре. Мэгги улыбнулась мне и вернулась к разговору.
— Как кому-то в голову могло прийти, что я ударила Агату? — спросила Руби, пока я стягивала куртку. — Она изменила всю мою жизнь.
— Руби, а что ты делала той ночью? Кто-нибудь тебя видел? Ты ни с кем не говорила?
Я была уверена, что знаю ответ. Если бы Руби с кем-то говорила или была не одна, полиция её не арестовала бы.
— Я была дома, одна, просто смотрела фильм, — быстро ответила она. Я молча смотрела на неё. Руби покраснела и отвела взгляд.

— Это неправда. Я сидела в темноте и ела пончики, — еле слышно сказала она.

— В сеть не выходила, на звонки не отвечала, — она вздохнула. — Я поругалась с Джастином. Он привёз меня домой, и тут мы рассорились. Он ушёл, а я собиралась пойти в машину, но вместо этого осталась дома и ела полуразмороженное шоколадное печенье, — она, наконец, взглянула на меня. — Довольно—таки глупо, да?

Я покачала головой. Как не вспомнить мои первые несколько недель в Мейвилл—Хайтсе после того, как оставила Эндрю в Бостоне. Я и сама проводила уйму времени, сидя в темноте и поедая пончики. И мороженое, и кучу маффинов с джемом.

— Ничего не глупо, — сказала я.

— Если бы я отвечала на звонки или проверяла почту, могла бы хоть доказать, что была дома.

— Ничего, мы что—нибудь придумаем. — Я оглядела комнату. Мэгги до сих пор разговаривала. Джастин погрузился в беседу с человеком, чьи костюм и галстук выдавали в нём адвоката. Я удивилась, увидев стоящего возле одного из высоких окон Питера. В тёмном костюме и белой рубашке, с собранными в конский хвост волосами, я его еле узнала. Может быть, он пришёл как представитель сына Агаты. Я глубоко вздохнула.

— Руби, мне нужно кое—что тебе сказать.

— Что такое?

— На прошлой неделе я видела тебя с Агатой на парковке у библиотеки.

Руби застыла.

— Возможно.

— Вы с ней о чём—то спорили.

— Это не имеет отношения к её смерти, — она пренебрежительно пожала плечами. — Так, пустяки.

Я понимала, что это неправда — слишком поспешно она ответила. Мне начинало надоедать слушать, что спор и конверт ничего не значили, когда это явно не так.

— Нет, — сказала я. — А тот конверт, что она так крепко держала? Он пропал.

Лицо Руби залилось краской.

— Смерть Агаты была несчастным случаем. Кто—то слишком быстро ехал или был пьян, сбил её, испугался и удрал.

— Возможно, — сказала я. — А может, и нет.

— Ты думаешь... — от потрясения Руби не находила слов. — Думаешь, кто—то убил Агату намеренно?

— Не знаю.

Я оставила за скобками то, что Маркус Гордон думал именно так, и именно это имело значение.

— Даже если так, это не могло случиться из—за содержимого конверта.

— Почему? — я даже не пыталась скрыть волнение. — Что же там было, чёрт побери?

— Не могу сказать, — ответила она.

— Руби, — я придвинулась поближе для убедительности. — Полиция считает, что ты убила Агату. Сейчас не время хранить секреты.

— Это не моя тайна, — упрямо ответила она.

— Чья же тогда?

— Поговори с Гарри Тейлором, — сказала она после долгой паузы.

Все дороги возвращают меня к старику.

— Со старым Гарри?

Она кивнула. Гарри хранил секрет. Руби хранила секрет. Агата хранила секрет. И, похоже, секрет был один и тот же. От этих секретов ничего хорошего. Чтобы убедиться, достаточно посмотреть пару серий «Молодых и дерзких».

Джастин уже косился на нас, и я поняла, что у меня остаётся не так много времени, чтобы донести эту мысль до Руби.

— У Агаты была какая-то тайна, которую, видимо, знал Гарри, знала ты, и неизвестно, сколько ещё народа.

— Больше никто.

Я вспомнила Эрика и поняла, что, Руби, наверное, ошибалась.

— Агата мертва. И полиция не считает это несчастным случаем. Конверт исчез вместе с его содержимым. А тебя, одну из хранителей этой тайны, обвинили в убийстве Агаты. Слишком много тут совпадений. И слишком много секретов.

— Гарри не причинял никакого вреда Агате, — Руби подбоченилась, губы сжались в тонкую линию. — Во-первых, он слишком старый, а во вторых — недостаточно сильный. И даже если что-то из всей этой ерунды правда, я могу поклясться, что Гарри ни за что ничего плохого Агате не сделал бы.

— Руби, я это знаю. Понятно, что Гарри не убивал Агату, и ты — тем более. Но я не могу перестать думать, что содержимое того старого конверта как-то связано с её смертью.

— Вовсе нет. Просто поверь мне на слово. Не связано, — она пренебрежительно отмахнулась. — Поговори с Гарри, Кэтлин, — заключила Руби и отошла к остальным.

На минуту я подумала о том, чтобы развернуться и уйти, но ко мне уже направлялась Мэгги.

— Всё в порядке?

— Спроси попозже, — я смотрела, как Руби обнимает одну из только что вошедших художниц.

— Ладно. — Мэгги взяла меня под руку и повела к столу. — Давай поедим супа. Овощной, с томатами. А вот свежий пармезан и твои любимые гренки.

Мэгги налила мне суп, посыпала сверху сыром и гренками. Я взяла ложку и выбрала место в конце стола. Я съела почти половину тарелки, когда к нам приблизился Джастин. Он подцепил ногой пустой стул, подтянул поближе и уселся рядом.

— Привет, Кэтлин. Хотел поблагодарить тебя за помощь Руби, так что, — он протянул ко мне руки, — спасибо.

— Пожалуйста, — сказала я.

Минуту мы сидели молча, потом он заговорил.

— Знаешь, это просто кажется нереальным. Руби арестовали, а на меня внезапно свалились деньги от человека, которого я даже не знал. — Он покачал головой. — После смерти Агаты Шепард я получил наследство, с которым смогу сделать много хорошего, а Руби, которая так её любила, — только кучу проблем.

Именно так всё и было.

— Никто не считает, что Руби убила Агату.

— Только полиция.

— Они поймут, что ошиблись, и найдут настоящего убийцу. — Джастин положил ладони на стол и не сводил взгляда с пальцев. — Финансирование провалилось, и я думал, проекту конец. Я не знал, что делать. Я молил о деньгах. Буквально. И вдруг чужой человек оставил мне деньги, с которыми можно начать. Совершенно чужой. Я, подумал, что это сон, или чья-то грубая шутка, — взгляд Джастина метнулся к Руби и опять вернулся ко мне. — Я подумываю не брать эти деньги.

— Из-за Руби?

— Да.

Я чувствовала, что он нервничает. Казалось, он не может остановиться, руки и ноги постоянно двигались. В данный момент он водил правой ступнёй по перекладине стула.

— Отказ от этих денег ничего не изменит для Руби, — сказала я. — И она сама этого не хочет.

Он пожал плечами.

— Да, знаю. Но это облегчило бы мою совесть. — Он чуть улыбнулся.

Это чувство вины я могла понять.

Джастин привстал, взял кофе и снова уселся.

— Кэтлин, а ты как думаешь, что случилось в том переулке?

— Не знаю.

— Должно быть, несчастный случай, — медленно сказал он, передвигая по столу свою чашку. — Возможно это... не знаю, кто-то был пьян и впал в панику. Сбежал и теперь боится признаться. Или... ну зачем кому-то убивать пожилую женщину?

Я пожала плечами.

— Я просто поверить не могу, что человек её возраста, да ещё едва поправившись после инсульта, имел каких-то врагов.

— Так что это, скорее всего, несчастный случай, а водитель струсил.

— Да, — сказал он. — Наверное, так. И знаешь, это дурацкий переулок.

Я и сама так думала. На самом деле, путь через переулок не был короче и не экономил время, разве что позволял избежать знака «стоп» на углу.

— И я очень сочувствую Эрику, — Джастин посмотрел мимо меня, в высокое окно бывшей классной комнаты. — То, что случилось, плохо для его дела, а он чертовски многим пожертвовал, чтобы сделать это место успешным.

— Вы с ним друзья? — спросила я, оглядываясь на Мэгги.

Она кивнула в сторону Джастина и подняла брови — «нужна помощь?». Я чуть мотнула головой в ответ. Джастин опять заёрзал на своём стуле, подвигаясь ко мне. Его ступня отбивала одному ему слышный ритм.

— Да мы с ним пуд соли съели, — сказал он. — Тусовались вместе. — Он засмеялся. — Много раз в неприятности попадали.

— С Эриком? — удивилась я. Это как-то не вязалось с тем человеком, которого я знала.

— Ну да, — сказал Джастин. — Те ребяташки, с которыми я работаю. Для которых хочу построить лагерь. Я сам таким был — и пил, и наркоманил. Долгое время я и часа не проводил в нормальном состоянии.

Я не знала, что говорить, хотя начинала понимать причину его напряжённости.

— Я крал в магазинах, — продолжал он, — таскал вещи из машин. Знаешь, за городом прямой участок шоссе, в сторону Миннеаполиса?

— Да.

— Мы там гоняли, не сосчитать сколько раз. И почти всегда Эрик сидел рядом со мной. — Он усмехнулся, как будто даже гордясь воспоминаниями.

— А что изменилось? — Я поставила локти на стол и положила голову на руки. — По-моему, ты так больше не делаешь?

— Не, — засмеялся он. — Трезвый и правильный, уже лет семь как. Ни наркоты, ни спиртного, хотя, признаюсь, погонять по шоссе до сих пор люблю. Дело в том, что меня арестовали. Я был в колонии для несовершеннолетних.

— Так это ты там научился... — подсказала я.

— Как завести машину без ключа, и многому другому. — Он показал серебряный браслет с черепами на своём запястье. — Чтобы измениться, мне понадобилась ещё пара отсидок и пинки от наставников. Вот почему этот лагерь чертовски важен. Некоторым из нас, чтобы во всём разобраться, нужны и пинки, и большая поддержка.

Он барабанил пальцами по краю своего стула.

— С другой стороны, Эрик сумел выбраться сам. С помощью Агаты Шепард. — Он засмеялся. — Конечно, возможно, это потому, что меня рядом с ним не было.

Его лицо стало серьёзным.

— Знаешь, когда я напивался, я просто искал возможности поразвлечься, а Эрик... — он запнулся, — становился буйным.

Мне всё ещё трудно было представить Эрика тем молодым человеком, каким его описывал Джастин.

— У него случались затмения, когда он потом не помнил, что делал. — Джастин взглянул на меня. — Хорошо, что он больше не пьёт. С этим покончено. И я не хочу, чтобы случившееся испортило всё, над чем он так долго работал.

Я вспомнила, как увидела Эрика на катке, и вид у него был — будто только что из запоя.

— Ты хочешь сказать, что гибель Агаты может снова подтолкнуть Эрика к пьянству?

— Нет, — сказал Джастин. — Я имел в виду, что Агата была одной из немногих, кто поддерживал Эрика, когда он ещё пил, и потому её смерть для него тяжела. Но чтобы он начал пить? Это нет.

Он опять стал крутить в пальцах один из серебряных черепов.

— Стресс опасен для алкоголика. Повод сделать пару глотков, просто чтобы снять напряжение. — Он шумно и медленно выдохнул. — Но Эрик теперь не такой. У него жена и детишки. — Джастин обводил пальцами округлый контур сидения. — И он никогда не мог бы сделать что-то плохое, а после позволить Руби или кому-то ещё взять вину на себя.

Джастин резко вскочил.

— Извини. Иногда я чересчур много болтаю. Пойду посмотрю, как там Руби. Прошу прощения.

Я посмотрела, как он идёт к Руби, которая как раз распрощалась с Питером, и обнимает её за талию. А потом слезла со своего стула и направилась к Мэгги.

— Мне нужно вернуться в библиотеку.

— Что, тебя Джастин заболтал?

— Нет, просто я... кое-что выяснила.

— Поделиться не хочешь?

— Попозже, — ответила я.

Мэгги внимательно на меня посмотрела, но ответила только «ладно».

Я подхватила куртку и пошла. По дороге я думала о словах Джастина, как он настаивал, что Эрик больше не пьёт. Я вспомнила странный вид Эрика, его уклончивость и странные оправдания Сьюзен. Если бы я их не знала — решила бы, что он пил. А теперь я не могла отделаться от мысли, что и не знала.

На углу я остановилась. Питер шёл далеко впереди меня, уже на другом конце перекрёстка. Я так и застыла на месте, глядя, как он уходит — в чёрной вязаной шапке и... и в лёгкой куртке Эллиса Слейтера.

20

Пришлось напомнить себе, что надо идти, но когда я перешла через улицу, Питер уже скрылся из вида. Должно быть, ошиблась, сказала я себе и поплелась дальше, в библиотеку. Его куртка просто похожа на ту, что я видела в доме Агаты, совсем не та самая. Питер не стал бы брать ничего чужого. В конце концов, он адвокат и, как я слышала, очень порядочный человек.

В конце дня я была рада оказаться дома. Подогрев остатки рагу, я съела его в компании Оуэна. Геркулес появился, позволил мне почесать у себя за ушами, а потом ушёл. Я вспомнила о маленьких набегах Геркулеса в квартиру Руби и кабинет Эрика.

— Знаешь, в чём проблема? — спросила я Оуэна. Кот подался вперёд, как будто в самом деле хотел услышать ответ.

— Слишком много секретов. Я начинаю видеть связи там, где их нет. Я заметила Питера Лундгрена на улице и решила, что на нём куртка, которую я видела в доме Агаты, принадлежавшая её брату.

В моей тарелке ещё оставалась пара кусочков мяса и кружок морковки. Я положила их на пол для Оуэна.

— Только не говори Роме.

Ну вот, я попросила его хранить тайну, а сама жалуюсь, что другие так делают. Я посмотрела на часы. До приезда Гарри оставалось около получаса. Что старик мне расскажет? Ничего?

Чем больше я наталкивалась на препятствия, тем дело становилось интереснее и тем больше я убеждалась, что содержимое конверта — ключ к смерти Агаты.

— Руби знает, что носила с собой Агата.

Оуэн покончил с едой и приступил к умыванию.

— И Эрик тоже как-то замешан. Почему никто не хочет мне говорить, что было в том чёртовом конверте? Что за секрет такой?

Это просто бессмысленно. Чего ради Гаррисон Тейлор, Эрик и Руби готовы оказаться замешанными в преступлении? Агата сделала что-то незаконное? Или кто-то другой? Это не деньги. В этом я была совершенно уверена. Гарри ни за что не стал бы держать рот на замке только из-за денег. Для него это что-то очень личное. Возможно, и для Эрика и Руби. Их всех объединяет только одно — они любили Агату.

Нужно ещё раз поговорить с Эриком. Я старалась отогнать мысли о его запое, но они никак не уходили. Джастин говорил, что в таком состоянии Эрик становился буйным и временами отключался.

Я поглядела на Оуэна и произнесла то, что крутилось в голове с тех пор, как я ушла из студии Мэгги.

— Что, если Эрик напился, потерял контроль и сбил Агату?

Высказанная вслух, эта идея показалась мне абсурдной. И Оуэн не удостоил мой вопрос хотя бы подёргиванием хвоста. У меня даже нет никаких подтверждений, что Эрик вообще что-то пил, не говоря уж о том, что был пьян. Но даже если он вернулся к старому и сорвался, я ни за что не поверю, что от этого он стал другим человеком. Даже если произошёл какой-то несчастный случай, невозможно поверить, что из-за пьянства он стал способен просто так бросить кого-то умирать на дороге.

— Я опять поговорю с Эриком, после Гарри, — сказала я Оуэну, наклоняясь за его миской.

— Если Гарри расскажет мне, что это за такие секреты, может я смогу выяснить, что произошло с Эриком.

Я пустила воду в раковину.

— И может быть, где-нибудь среди всего этого отыщется способ помочь Руби.

Оуэн закончил намыывать хвост и пошёл попить.

— Забыла тебе сказать — я скоро пойду к Тейлорам, поговорить с Гарри.

Оуэн резко поднял голову.

Я поняла хитрый кошачий план.

— Забудь.

Не обращая на меня внимания, он пошёл к двери, где у радиатора стояла моя сумка, и похлопал по ней лапой.

— Нет, — сказала я. — Тебе со мной нельзя.

После всего, что произошло утром, я не могла рисковать и тащить кота с собой к Гарри.

Кот сунул голову через край сумки и заглянул внутрь.

— Оуэн, ты не забыл про Бориса?

Лапа отдёрнулась куда быстрее, чем залезала внутрь. Борисом звали немецкую овчарку Гарри-младшего. Борис был милым, можно сказать, просто котик, только убедить в этом Оуэна мне не удавалось. Борис беспокоил разве что лаем, но кот рисковать не желал.

Ровно в семь Гарри подъехал к дому.

— А ваш отец знает, что я приду? — спросила я, забираясь в пикап.

Он кивнул.

— Я не стал бы устраивать старику сюрприз.

— Я так и не думала.

— Он знает, что Руби под арестом, и хочет поговорить, — Гарри выехал задним ходом на дорогу и направил машину вверх по холму.

— Я думаю, кое о чём ему давно хочется излить душу, — Гарри бросил взгляд на меня. — И вы ему нравитесь.

— Как я уже говорила, он мне тоже.

— А со мной у него по душам говорить не получается. Я для него до сих пор ребёнок. Отец свои карты никому не показывает, но вот вам отчего-то доверяет. — Он выдохнул, сообразив, как это звучит. — Прошу прощения, — начал он. — Я не имел в виду...

— Всё в порядке, — я подняла руку в варежке, останавливая его. — Я поняла, о чём вы.

— Думаю, всё дело в том, что вы выросли не здесь, — продолжал Гарри. — Вы никого не судите, и у вас нет своих идей насчёт того, кому и чем заниматься или как жить.

С тех пор как я здесь, это впервые рассматривалось как преимущество. Мне понравилась точка зрения Гарри.

Тейлоры жили недалеко от Орена, двумя кварталами выше усадьбы Кеньонов. Гарри-младший и его дети — мальчик и девочка, оба подростки — обитали в главном доме. Я знала, что с женой Гарри развёлся, и она живёт в другом штате, но в городе на эту тему не говорили. Старик жил в маленьком доме, больше напоминавшем коттедж или гостевой домик, расположенном позади и левее главного дома, на поляне в окружении деревьев, рядом с магазином Гарри Тейлора.

— Ваш отец всё так же живёт один? — спросила я, когда пикап выехал на старательно вычищенную подъездную дорожку.

— О да, — ответил Гарри. — По будням приходит одна женщина, прибраться и что-нибудь приготовить. Паула Стивенс, какая-то дальняя родственница Литы. Ну, знаете, секретарши Эверетта.

Я кивнула. Похоже, половина Мейвилла приходилась Лите какой-то родней.

— Старику это не нравится, — продолжал Гарри, — но иногда он позволяет мне себя убедить.

Пикап свернул в широкий просвет между маленьким домом и магазином, мы с Гарри вышли. Ночь была ужасно холодная.

Домик выглядел уютным и гостеприимным. Сквозь окна лился янтарный свет, над трубой вилась спираль дыма. Мы вошли через заднюю дверь.

— В последние дни отец стал очень тихим и задумчивым, — сказал Гарри. — Что бы всё это ни значило, уверен, он хочет с этим разобраться.

Он постучал в дверь, повернул ручку и отступил, давая мне дорогу.

Гарри-старший сидел в кресле возле дровяной печи на кухне. Он улыбнулся.

— Не вставайте, — сказала я, но он уже поднялся на ноги.

— Какой же я джентльмен, если не встану и не приму у тебя куртку.

Я выскользнула из куртки и отдала её Гарри. Его сын быстро улыбнулся мне, что не осталось незамеченным отцом. Он кивнул в сторону младшего.

— Ты видела, Кэтлин? Мой сын уже научился смеяться над стариком.

К нам приплёлся Борис, попросил почесать за ухом. Когда я нагнулась, чтобы растегнуть сапоги, он боднул головой мою руку — почти так же, как и коты, когда им не хватает внимания.

— Собака избалована, — Гарри протянул руку и потрепал Бориса по голове.

— Хочешь кофе? — предложил мне его отец. — Или ты от него не заснёшь?

— Я, пожалуй, рискну. Спасибо.

— Я принесу, пап, — сказал Гарри-младший, разуваясь.

Старик пригвоздил его взглядом.

— Или нет, — сдался Гарри, подняв обе руки.

— Кекс к кофе, — я протянула завёрнутый в фольгу свёрток.

Гаррисон улыбнулся.

— Я надеялся попробовать вашу стряпню, — он указал на шкаф, — тарелки там. Ножи в верхнем ящике.

Гарри–младший опять натянул ботинки, не завязывая шнурков.

— Я буду снаружи, дорожку почищу.

— Тебе незачем уходить, — сказал старший Гарри, не отрываясь от разливания кофе.

— Всё нормально, отец.

Я отрезала несколько ломтиков кекса и положила их на синее блюдо. Гаррисон налил три чашки кофе. Он поставил их на деревянный поднос, вместе с ложками, салфетками, сливками и сахаром. Я добавила тарелку с кексом.

— Ты не поставишь его вон на тот столик, Кэтлин? — он указал на низенький деревянный сундук у печи.

— Конечно. — Я подхватила поднос, а старик направился к сыну, который так и стоял у двери. Гаррисон похлопал его по плечу.

— Садись и возьми кусок кекса.

Место старика, конечно, было ближайшим к огню. На спинке кушетки лежала бархатная подушка сливового цвета, рядом пара книг, а на полу — газета. Я знала, что он интересуется историей Шотландии и биографиями политиков.

Я села в кресло рядом. Борис подошёл и положил голову у моих ног.

— Сюда, мальчик, — Гаррисон похлопал по своему креслу. — Не мешай Кэтлин.

Пёс поднял голову, спокойно посмотрел на старика, и лёг обратно.

— Упрямый, — покачал головой Гаррисон.

— Интересно, у кого это он научился, — пробормотал его сын.

— Я всё слышу, — сказал Гаррисон и потянулся за кофе.

Младший чуть улыбнулся.

Борис опять поднял голову, подёргал носом. Я взяла себе ломтик кекса, отломил кусочек и протянула собаке. Если двое мужчин и заметили, то ничего не сказали.

Старик добавил в свою чашку сливки и сахар и опустился в кресло. Я потянулась за своей чашкой, а другой рукой погладила Бориса.

Старый Гарри улыбнулся мне.

— У тебя много вопросов насчёт Агаты.

— Простите моё любопытство, — сказала я. — Но я люблю Руби. Я искренне верю, что она не имеет никакого отношения к смерти Агаты.

— В полиции одни идиоты. Ты думаешь, они перестанут копать дальше, раз уже якобы поймали убийцу.

— Ну, да.

— Как бы то ни было, я согласен с тобой относительно Руби. — Он смотрел на огонь сквозь стеклянное окошко в дверце печи. — Ты хочешь знать, из-за чего мы ссорились с Агатой, — продолжил он, не сводя глаз с огня.

— Простите, что вторгаюсь в ваши с ней отношения. Но что бы ни было в том конверте, который так крепко держала Агата, я уверена, что это связано с её смертью.

Старик тихонько вздохнул. Его сын слева от меня не шевельнулся.

— Ты не считаешь смерть Агаты несчастным случаем?

— Да, не считаю, — согласилась я. — Даже если кто-то случайно сбил её и испугался, он сбежал и позволил обвинить Руби. Смерть Агаты, в любом случае, преступление. — Я поставила чашку на поднос и обернулась к старику. — Я видела, что из-за этого старого коричневого

конверта с Агатой спорили три совершенно разных человека. А теперь он исчез.

Он на мгновение прикрыл глаза, лицо побледнело.

— Достаточно ли тебе, если я скажу, что содержимое конверта не имело отношения к её смерти?

Я подняла руку.

— Простите, я должна убедиться, — я старалась говорить мягко. — Хотелось бы знать, почему вы так уверены.

Он вздохнул. Борис посмотрел на него, я почесала пса за ушами. Борис поднялся и пошёл к креслу старика. Тот положил руку на густую шерсть на загривке.

— Здесь слишком много секретов, — сказал он, рассеянно поглаживая собаку. — И я виноват, что хранил их. — Он посмотрел на сына. — Ты знаешь, как я любил твою мать. — Это было утверждение, а не вопрос.

Гарри кивнул.

— Я не оправдываюсь, — продолжил старик. Он на минуту умолк и потербил бороду. — Но может быть, стоило бы?

— Всё в порядке, папа, — мягко сказал Гарри.

Они переглянулись, и между ними словно протянулась нить. На мгновение я ощутила то, что чувствовала, когда Геркулес проходил сквозь дверь или стену. Казалось, энергия в комнате каким-то образом изменилась.

Наконец, старик снова откинулся на спинку кресла и невесело усмехнулся.

— Ты ведь знал, да?

Я молча переводила взгляд с одного на другого. Было ясно, что мне предстоит узнать что-то важное.

— У тебя был с ней роман.

Гаррисон посмотрел на меня.

— Мальчик прав, — сказал он. — Я нарушил свои обеты.

Такого я не ожидала.

— У моей матери было несколько инсультов, из-за которых она в конце концов скончалась в частной лечебнице, — продолжил молодой Гарри, словно отец ничего и не говорил. — Там она провела последние два года. — Он указал на старика. — И за это время он не пропустил ни дня, посещая её. Она не могла разговаривать. Не могла двигаться. — Он опустил взгляд на свою руку, всё ещё сжимающую чашку с кофе, к которому так и не прикоснулся.

Потом его глаза встретились с твёрдым взглядом отца.

— Никто не станет винить тебя за это маленькое утешение.

— Я виню сам себя, — хрипло сказал старик. — Я не имел права так поступать. Как я мог предлагать своё сердце, когда не был свободен?

Его сын поставил на поднос свою чашку и встал.

— Не суди себя так сурово. И я не буду. — Он развернулся и вышел за дверь.

Борис подвинулся чуточку ближе к ногам старика и положил голову на лапы.

— Он хороший человек, — сказал Гаррисон, глядя на дверь, за которой только что скрылся сын.

— Да, хороший.

Несколько минут мы сидели в молчании, но не чувствовали неловкости. Теперь я знала — он собирается рассказать мне всю эту историю. Просто не надо ему мешать.

— Значит, конверт? — наконец сказал он.

Я кивнула.

— Насколько мне известно, в нём было одно — информация о моей дочери.

Теперь все кусочки мозаики сложились.

— У Агаты был ребёнок.

Я вспомнила, как Рома говорила, что Агата уезжала учить на несколько месяцев. Должно быть, тогда.

— Да, — сказал он. — Я очень долго не знал. Она уехала, родила ребёнка и отдала на усыновление.

Голова Бориса опять ткнулась в его руку, и он начал почёсывать пса за ушами.

— Как ты знаешь, Кэтлин, я болен.

Я кивнула, внезапно лишившись голоса.

— Перед смертью мне хотелось бы встретиться с дочерью. Я хочу дать ей шанс получить ответы на любые вопросы. — Голос стал ещё тише. — Я надеялся... может, она захочет познакомиться с братьями. Но это её выбор. Я просто хочу дать ей такую возможность.

Я оперлась локтями в колени, наклоняясь к нему.

— В том конверте у Агаты были какие-то документы об усыновлении вашей дочери.

Он кивнул.

— Думаю, да. Вот из-за чего мы спорили. Она считала, что не стоит знакомиться с нашим ребёнком. Сказала, что я не имею права лезть в её жизнь. — Он покачал головой, воспоминание явно было не из приятных. — А я рассердился из-за того, что она всё хранила в секрете.

Он посмотрел мне в глаза.

— Кэтлин, я единственный, кого интересовало содержимое того конверта. И Агату я не убивал.

— Знаю. — Я коснулась его руки. — Вы уверены, что в конверте была только информация о вашей дочери?

— Да, насколько я знаю. А что?

— Я совершенно уверена, что и Руби спорила с ней из-за того конверта.

Он на минуту опустил голову.

— Это из-за меня, Кэтлин. Я знал деда Руби. И её мать. Руби с Агатой были близки. Думаю, возможно, в каком-то смысле Руби заменила ей нашу дочь.

Он посмотрел на собаку, устроившуюся у ног, и улыбнулся, когда та подняла голову.

— Я не горжусь этим, — признался он, — но я пошёл к Руби и попросил поговорить с Агатой. И моя вина, что она оказалась во всё это втянутой. Недавно я наконец смог до неё дозвониться. Я сказал, пусть откроет всю правду. Агата... она не хотела бы, чтобы до такого дошло.

— Это не ваша вина. У Руби есть хороший адвокат и много друзей. Она не должна... — я медленно выдохнула. — Правда выйдет наружу.

Гарри рассматривал свои скрюченные пальцы.

— Я даже нанял частного детектива. А теперь конверт пропал, и я не знаю, где мне её искать.

Я поняла, он говорил о дочери, не о Руби. Я вспомнила кусочек бумаги, найденный Геркулесом в офисе Эрика. Наверное, придется придумать, как поговорить с ним, не выдавая, откуда мне известно, что конверт был у него.

— Мне очень жаль.

Не хотелось ничего говорить Гарри, пока я не узнаю, не уничтожил ли Эрик конверт, например, из-за какой-то странной преданности Агате.

— Я это ценю.

Я попыталась представить, каково это, иметь ребёнка, которого никогда не видел, и не смогла. Моя семья — мать, отец, Итан и Сара — всегда присутствовали в моей жизни, даже если сводили меня с ума.

— Гарри, вы не просили Эрика поговорить с Агатой?

Он покачал головой.

— Нет. А что?

— Я видела их той же ночью. Они пререкались из-за этого конверта.

— Нет, — сказал он. — Руби — единственный человек, которого я в это втянул. О чём бы Эрик ни спорил с Агатой, это не из-за моей дочери.

Я видела, что старик устал — морщины на его лице стали глубже.

— Спасибо, что поговорили со мной, — сказала я. — Я понимаю, как это непросто.

— Всех этих секретов не должно было быть, — сказал он. — Я был женат.

— Вы человек. И вы любили двух женщин.

Он только кивнул в ответ.

Я поднялась и подошла ближе, чтобы обнять старика. От мысли, что ему, наверное, недолго быть рядом, сжимало горло.

— Я должна продолжать разнюхивать, чтобы помочь Руби, — сказала я. — Если отыщу что-нибудь, что поможет найти вашу дочь, обещаю вам, я отдам это вам.

Я высвободилась из объятий, и старик на мгновение дотронулся до моей щеки.

— Спасибо, Кэтлин.

Позади меня, у двери, кашлянул его сын.

— Я провожу Кэтлин домой и сейчас же вернусь.

Гаррисон поднял руку в знак согласия.

Во дворе я глубоко вдохнула морозный ночной воздух. Звёзды будто сияли ярче. Мы остановились у машины Гарри.

— Как давно вы знаете? — спросила я.

— Я догадался обо всем с год назад. О ребёнке я тоже знаю. Вам, наверное, кажется странным, что я не злюсь.

— Это не моё дело. Хотя, наверное, кажется, что я уже сунула в него нос.

Он улыбнулся, затем снова посерьёзnel:

— Кэтлин, моя мать умирала очень долго. Красивая, деятельная женщина медленно превратилась в ничто. И она отчаянно любила отца. — Он засмеялся. — Странное слово, но точно отражает суть. Если бы она оставалась собой... Ну, он никого не замечал, если она была рядом.

Гарри снова посмотрел на далекие холодные звёзды.

— Мама ушла задолго до того, как умерла, и уж поверьте, она никогда бы не упрекнула старика в желании получить каплю любви. — На последнем слове он запнулся.

— Насколько мне известно, все, что касается ребенка Агаты — что бы это ни было — исчезло, — сказала я. — Но если что-то найду, обещаю, я расскажу вам.

— Спасибо. Мне жаль, что Руби оказалась втянутой во всё это. Если я смогу чем-то помочь, позвоните мне?

— Конечно.

Мы сели в пикап и, повернувшись пристегнуть ремень, я заметила кое-что знакомое:

— Гарри, откуда тут машина Руби? Я думала, её забрала полиция.

— Машина Руби?

— Вон там, у мастерской.

— Это не её машина, — ответил он, пристегиваясь. — Это мой старый пикап.

— Очень похож, — сказала я. Когда он поворачивал, я разглядела получше. Старый форд был прямо-таки братом-близнецом пикапа Руби.

— Ну, в общем и целом это один и тот же пикап, — сказал он, двигаясь по длинной подъездной дорожке.

— Чего я не знаю?

Улыбнувшись, Гарри включил печку.

— Много лет назад один из автодилеров в Ред-Винг заполучил полдюжины одинаковых пикапов из какого-то флотского заказа. Хорошие пикапы по очень хорошей цене. Я купил этот. Он прошёл сто пятьдесят три тысячи миль, и всё ещё на ходу.

— Сто пятьдесят три тысячи?

— За эти годы я скормил ему парочку старых пикапов с разборки и купил несколько оригинальных запчастей, но в целом он был чертовски хорош.

Мой мозг бешено заработал. Может, то стёклышко вовсе и не от машины Руби.

— А остальные пять пикапов ещё ездят?

— Ну, пикап Руби точно, — ответил Гарри. — Его первой владелицей была Рома. Сэм свой разбил пару лет назад. Ещё три неизвестно где.

— Они все выглядят одинаково?

— Та же модель и цвет. Хотя не могу гарантировать, что цвет остался прежним.

У пикапа Руби разбита фара. Такое же стёклышко оказалось у меня за отворотом брюк. И как там сказала Мэри? Что-то насчет фрагментов краски, соответствующих краске на машине Руби? У всех пяти пикапов краска должна быть одинаковая.

Гарри свернул ко мне во двор, включился свет.

— Спасибо за всё, — сказала я.

— Руби не могла никому навредить, — сказал он. — Надеюсь, вы что-нибудь найдёте.

— Думаю, вы только что мне помогли, — улыбнулась я.

Геркулес ждал на крыльце, а Оуэн сидел в дверях кухни. Они проследили, как я вешаю куртку и кладу варежки на батарею.

— Погодите минутку, — сказала я.

Я вымыла руки, сунула в тостер хлеб, а в микроволновку молоко. В конце концов я устроилась за столом с чашкой горячего шоколада и

тостом с арахисовым маслом. Оба кота тут же уселись у моих ног в ожидании тоста и новостей.

— Возможно, я могу кое-чем помочь Руби.

Две пары ушей синхронно дернулись.

Я рассказала про пикапы:

— Один у Руби, один у Гарри и один утилизирован. Но есть ещё три, три точно таких же старых пикапа. То стёклышко откололось от машины, похожей на машину Руби. Похожей. Не обязательно именно от её.

Я наклонилась и выдала котам по кусочку тоста. Все складывается. Есть другие похожие пикапы. Может, стекло принадлежит одному из них.

Геркулес посмотрел на меня.

— На пикапе Гарри фары целые, я проверила.

Кот вернулся к слизыванию арахисового масла.

— Нам нужно найти остальные машины, — я подняла руку, хотя ни одного возмущённого «мяу» не последовало. — И да, я знаю, это непросто, но пока мы можем помочь Руби только так.

Оуэн подошёл к холодильнику и мяукнул.

— Ты не наелся? — спросила я.

Он опустил голову и закрыл лапой нос: «Ну ты и тупица».

Ладно, значит, он хочет привлечь моё внимание к чему-то на дверце холодильника.

Я встала и подошла к нему.

— Ну и что же это? Это? — я ткнула в расписание Зимнего фестиваля. В ответ Оуэн заглянул под холодильник.

Похоже, это «нет».

— Так, ну, это точно не подходит, — сказала я, показывая на фото Сары и Итана, кривлявшихся в камеру. Оуэн даже не поднял взгляд.

Расписание поездок в Вистерия-Хилл держалось на магните с рыжебородым мужчиной.

— Это? — Оуэн одобрительно мяукнул.

Всё равно что играть в шарады с человеком, не говорящим по-английски. — Ну, ты явно не имеешь в виду сам Вистерия-Хилл, — сказала я, возвращаясь к столу с листком бумаги.

— Эверетт? Нет, — никакой реакции. — Не Маркус?

Оуэн склонил голову набок, будто обдумывая эту идею.

— Не думаю, что он поможет. Он арестовал Руби. Он считает её виновной.

Я отломила ещё кусочек тоста и протянула Оуэну. Он проскакал по комнате, будто я предложила ему цыплёнка с кошачьей мятой. Геркулесу я тоже дала кусочек.

— Не вижу, как Маркус поможет нам искать убийцу, если считает, что уже нашёл. — Я уставилась на листок: — Рома.

Коты одновременно муркнули.

— Она всех в городе знает. У неё был пикап. Она хочет помочь Руби, — я посмотрела на мальчиков. — Отличная мысль.

Я пошла к телефону. Рома ответила после пятого гудка. Голос у неё был какой-то рассеянный.

— Я не вовремя?

— Нет, я... нет, — сказала она. — Котики в порядке?

Мне не хотелось ей говорить, что Оуэн прямо передо мной и пытается выковырять арахисовое масло из усов, так что я ответила просто «да».

— Хорошо.

— Мне нужно, чтобы ты помогла мне кое с чем, это поможет найти убийцу Агаты.

— Что тебе нужно? — голос сразу стал деловитым.

Я рассказала про пикапы.

— Ты случайно не можешь узнать, где три остальных?

— Думаю, да. Кажется, я знаю, где один из них, и поспрашиваю про два оставшихся. Дай мне пару дней.

Я поблагодарила её и отключилась. Оуэн пошёл за мной в кухню. Мы доели тост, а горячий шоколад совсем остыл. Я повесила расписание кормлений в Вистерия–Хилле обратно на холодильник, чувствуя на себе взгляды Геркулеса и Оуэна. Обернувшись, я обнаружила две пушистые статуи, не сводящие с меня глаз.

— Чего?

Тишина. Даже ухом не повели.

— Думаете, нужно поговорить с Маркусом?

Кошачьи усы дрогнули.

Я скрестила руки и тоже уставилась на них.

— И с каких это пор вы так полюбили закон и порядок? И вообще, с чего взяли, что он может помочь?

Они молча таращились на меня, а я на них. Никогда не играйте в гляделки с котом, тем более с двумя. Проиграете.

— Давайте дадим Роме пару дней, а потом я поговорю с ним.

Они обменялись взглядами, и Оуэн ушёл в гостиную, а Геркулес принялся тереться мне об ноги. Я взяла его на руки. Я размышляла о том, рассказывать ли Маркусу о пикапах. Он ошибался насчёт Руби, но всё же не был таким уж упрямым, чтобы не послушать. По крайней мере, я на это надеялась.

С Геркулесом на руках я пошла проверить, заперла ли входную дверь, и посмотрела на дом Ребекки. На кухне горел свет, машина Эверетта стояла на дорожке.

— Я так рада, что они вместе, — кот согласно мурлыкнул.

— Хоть что-то хорошее вышло из того жуткого дела с Грегором Истоном.

Я подобрала свой шарф, каким-то чудом оказавшийся на скамейке на крыльце, и занесла в дом.

— Для Руби нам тоже нужен хеппи-энд.

Геркулес лизнул меня в подбородок.

— Я хочу снова поговорить со Сьюзен. Прежде чем спросить Эрика про конверт.

Кусочек конверта, который Геркулес нашёл в офисе Эрика, лежал у меня наверху.

— Может, надо порыться в газетных подшивках, вдруг там есть что-нибудь про Эрика. Джастин говорил, в детстве у них были проблемы. Может, про них что-то писали.

«Мейвилл–Хайтс кроникл» выходила больше ста лет. Архивы за последние шестьдесят подписчики могли просмотреть онлайн. Я ввела свой номер клиента и пароль. Поисковая система оказалась странноватой, не похожей на нашу библиотечную, которая позволяла читателям искать по автору, названию, содержанию и ключевым словам и допускала небольшие опечатки а-ля Google. Здесь сначала нужно было выбрать год и категорию, и только потом ключевые слова.

Я прикинула в уме и начала поиски с предполагаемого года шестнадцатилетия Эрика. Правильную категорию удалось выбрать с третьей попытки. Историю напечатали на первой странице.

Я немного удивилась, что в газете упоминались имена — Эрик, Джастин и ещё трое незнакомых мне юнцов ехали в машине без фар и с превышением скорости, распивая пиво. По дороге в Вистерия–Хилл они во что-то въехали. И сбежали.

«Что-то» оказалось мешком яблок. Но они этого не знали. Трудно не заметить, когда что-то сбил, но они не знали, что это мешок. Это мог быть енот. Собака. Человек. Им страшно повезло, либо сработала старая поговорка, что дуракам и пьяным везёт. Господь свидетель, мальчишки олицетворяли собой и то, и другое. Из следующего абзаца я узнала, что за рулём был Эрик, и он заявил, что ничего не помнит. Неплохо он напился.

У меня заколотилось сердце. Я вспомнила странное поведение и пришибленный вид Эрика, и как уклончива стала Сьюзен, совсем не похожа на себя. Я ошиблась? Эрик пил? Он сбил Агату в переулке? У него провал в памяти?

Нет. Я не буду делать поспешные выводы лишь на основании древней газетной статьи. Я закрыла сайт и выключила лэптоп. Утром поговорю со Сьюзен, а потом... Ну, не буду загадывать так далеко.

Если бы не Геркулес, утром я бы проспала. Накормив котов, я выпила две чашки чудовищно крепкого кофе и пораньше отправилась в библиотеку.

Судьба мне благоволила. Подходя, я увидела Сьюзен, пересекающую парковку, зарывшись подбородком в воротник куртки. В волосах у неё торчали две красные одноразовые вилки. Она улыбнулась и подождала, пока я с ней поравняюсь.

— Кофе? — спросила я, когда мы отряхнули с обуви снег, и я заперла дверь.

— С удовольствием.

Я закинула вещи в кабинет и пошла в комнату для персонала. Сьюзен обходила библиотеку, включая везде свет, хотя до открытия оставалось полчаса. Когда она пришла, кофе уже готовился. Я принесла с собой остатки гранолы, сочтя, что немного шоколада никогда не повредит.

Сьюзен разломилась один батончик пополам и положила одну половину на тарелку с голубыми цветочками из нашей коллекции разрозненной посуды, а вторую сунула в рот.

— Вкусно, — сказала она. Высшая похвала из уст того, кто каждый день ест стряпню Эрика.

— Спасибо.

Я взяла сливки, сахар и пару кружек, налила кофе. Потом уселась напротив Сьюзен, а та втянула сразу полчашки, как человек в пустыне, наконец добравшийся до оазиса. Я ещё раздумывала, с чего начать, когда она бросила на меня взгляд поверх чашки и заговорила.

— Эрик сказал, ты спрашивала его об Агате.

— Да. Я старалась помочь Руби. Она не убивала Агату.

— Знаю. Это благодаря ей Руби стала художником. И у Эрика, возможно, тоже не было бы кафе, если бы не Агата Шепард. — Она поставила чашку, подобрала с тарелки кусочек шоколада и съела. — Кэтлин, ты не здешняя и многого не знаешь о юности Эрика.

— Знаю. Я знаю, что он попадал в неприятности.

— Агата изменила его жизнь. Чёрт возьми, да просто спасла, — она отпила из чашки и поставила её обратно на стол. — Сокращённая версия. Отец и мать Эрика были чересчур молоды и имели слишком много детей. Эрик в восемь лет уже нянчил младенцев. И справлялся. И в то же время уже начинал хулиганить, — она улыбнулась мне. — Не очень похоже на человека, которого ты знаешь?

— Да, сказать по правде, не очень.

— Эрик начал пить с двенадцати лет, таскал пиво у отца и других членов семьи. В пьяном состоянии у него случались провалы в памяти. В шестнадцать он попал в аварию. Он не помнил, как оказался в машине и тем более, как вёл её. И он... — Она не закончила мысль и взяла ещё шоколада, но не стала есть. — Агата что-то в нём разглядела и поддержала его любовь к кулинарии. Звучит пафосно, но она действительно изменила его жизнь.

Сьюзен явно ходила вокруг да около, не решаясь сказать мне то, что хотела. Она принялась гонять кусок шоколада по тарелке, как хоккейную шайбу.

Я снова наполнила наши чашки, стараясь дать Сьюзен время.

— Эрик давно не пьёт. Он ходит на собрания. — Она вдруг выпрямилась. — Дело в том, что последнюю пару недель он кому-то помогал. Я не знаю, кому, но тому, у кого он раньше был наставником. Кто бы это ни был, он начал пить и думал, что может это контролировать. Но так это не работает, поверь мне, — она покачала головой.

— И ты не знаешь, кто это?

— Нет. Эрик сказал, что не может назвать его имя. Но я знаю, что он обеспокоен. Я сказала ему, что если он не может поговорить со мной, то должен посоветоваться со своим наставником.

Между нами повисло молчание. Я не была уверена, что она скажет сама, и потому спросила:

— Сьюзен, Эрик пил?

Её левое веко задёргалось. Она кивнула.

— Ночью, когда убили Агату, тот человек, не знаю кто, позвонил Эрику на мобильник. Судя по тому, что я слышала, они уже что-то обсуждали в тот вечер. В общем, тот тип ждал в баре. По крайней мере, мне так показалось. Когда телефон зазвонил, я была рядом с Эриком и слышала фоновый шум. Эрик сказал, что должен идти, — она сцепила пальцы и вытянула руки перед собой. — А домой он вернулся после двух часов ночи. Куртка и шапка были все в снегу. Он явно шёл пешком, не знаю, как долго. И он был пьян.

Я накрыла её руку ладонью.

— Мне так жаль.

— Я уложила его в постель, — продолжала она. — Утром он не помнил, где был и как вернулся.

— У него провал в памяти?

— Да. Даже не знаю, что его сильнее испугало — что пил, или то, что он об этом не помнит.

Я не знала, как спросить о том, что мне нужно узнать.

— Сьюзен, Эрик знает что-нибудь о... о смерти Агаты?

— Нет. — Губы дрогнули, и она добавила: — Я не уверена. Эрик никогда не причинил бы вреда никому, особенно Агате... но есть промежуток времени, который он не может вспомнить.

— И он по-прежнему не хочет тебе сказать, к кому ходил на встречу?

Она покачала головой.

— Нет, и поверь мне, за последние несколько дней мы обговорили это вдоль и поперёк. Он говорит, что вся программа развалится, если не доверять наставнику. Я даже не знаю, рассказал ли он своему наставнику.

Я смахнула с лица выбившуюся прядь, стараясь не показывать огорчения.

— У тебя есть хоть подозрение, с кем он говорил?

— Нет. Сожалею, но нет. Всё, что я могу тут сказать — это кто-то, кого Эрик знал давно, когда он впервые бросал пить. — Она смотрела на меня, вокруг рта проступили морщинки тревоги. — Ты веришь мне, Кэтлин?

— Да.

Так и было. Сьюзен плохо умела лгать, что и показали последние дни.

— Эрик не причинял Агате вреда, — продолжала она. — Даже если он был без памяти, он никогда никого бы не ранил.

Я вспомнила о прочитанной статье в новостях. Тогда Эрик покинул место происхождения. Но то был не человек, а Эрик — просто мальчишка в машине, полной других таких же. Я помнила, что значит влияние ровесников.

— Я тоже не думаю, что Эрик причинил вред Агате. Эрик всегда Эрик, даже если этого не помнит.

Сьюзен внимательно посмотрела на меня, улыбнулась и встала. Я тоже поднялась.

— Сьюзен, а ты не видела в руках Агаты коричневый конверт незадолго до смерти?

— Да, а что?

Я не могла выдать Гарри и не хотела говорить ей, что Эрик спорил с Агатой из-за конверта.

— Может, и ничего, но Агата крепко за него цеплялась, а потом он исчез.

— Хочешь, чтобы я спросила Эрика? Он очень беспокоится за Руби.

Может, она узнает больше, чем я.

— Да, пожалуйста. Скажи ему, что это важно. По крайней мере, для Гарри-старшего.

Она кивнула и посмотрела на часы.

— Пойду вниз. Почти пора открываться.

— Сейчас приду, — я собрала посуду в раковину и оперлась на столешницу.

У Эрика случился провал в памяти. Я не лукавила, когда сказала Сьюзен, что не верю, что Эрик мог убить Агату. Но он пил. У него был провал в памяти. И Агата мертва. Мне нужно узнать, с кем был Эрик и куда они ходили. Вопрос в том, как это сделать?

Запах куриного супа из мультиварки заполнил весь дом. Я мысленно поблагодарила того, кто изобрёл такую кастрюлю.

— Мы были правы, — сказала я Геркулесу, который составлял мне компанию, пока я переодевалась после тай-чи и наливала себе миску супа.

Оуэн бродил туда-сюда со странным видом, похоже, опять под влиянием весёлого цыплёнка.

— Эрик пил той ночью, когда убили Агату, — я отложила ложку. — Нам надо узнать, с кем и где. Эрик включил режим «Что было в Вегасе, остаётся в Вегасе.» Нам быгодились сейчас ваши суперсилы, — последнее слово я прошептала.

Геркулес вдруг заинтересовался задней дверью. Я опять взяла ложку.

— Думаю, Эрик и его друг здесь пить не стали бы. Иначе сейчас уже кто-нибудь об этом проболтался бы. — Я сунула коту кусочек курицы. — Сьюзен сказала, там было шумно, так что я, как и она, думаю, что это бар.

Геркулес поглядел на меня, потряс головой. Что могло означать согласие. Или наоборот. Или он хотел ещё курицы. В конце концов, я же говорила с котом. Но я знала, кто способен помочь.

Мама взяла трубку.

— Привет, котёнок.

— Привет, мам. У меня мало времени, но надеюсь, ты мне кое с чем поможешь.

— Конечно. В чём дело?

— Помнишь того хореографа, ты с ней работала в «Детях и куклах»?

— Хлоэ Уэстин, — тут же сказала мама.

— Она... — я замялась.

— Она была алкоголичкой, — прямо сказала мама.

— Да. — Как теперь объяснить, зачем мне это знать? — У одной женщины в нашей библиотеке муж...

— Достаточно, дорогая, — перебила она. — Ты думаешь, что у него проблемы с алкоголем.

— Как узнать это наверняка?

— От него пахнет спиртным?

— Нет, — я откинулась на подлокотник кресла.

— Это ни о чём ещё не говорит. Я никогда не чуяла запаха спиртного от Хлоэ. От неё всегда пахло жвачкой «Джуси фрукт», что, конечно, и объясняет отсутствие перегара.

— Тогда как ты об этом узнала?

— Не считая того, что она являлась на репетиции пьяной и делала гранд-жете в оркестровой яме? — сухо спросила мама. — Она была скрытной, уклончивой. Надолго исчезала, и никто не знал, где она. Поводилась ходить в такую забегаловку, где никому не пришло бы в голову её искать. Она врала, а потом снова врала, чтобы объяснить первую ложь. Ну, и всё такое.

Голова разболелась. Я потёрла запястьем виски.

— Помню, как-то она пропустила репетицию и пыталась рассказывать, что изучала уличные танцы и потеряла счёт времени.

— А на самом деле? — спросила я.

— Всего час на пароме, пила домашнее вино с какими-то новыми друзьями в баре, — засмеялась мама. — Я совершенно уверена, что именно для такого вина изобрели термин «пойло». Но поверь мне, она поплатилась за это. У тебя никогда голова не болела так ужасно, что глаза в кучу?

— Нет... к счастью, нет.

— Я тебе помогла?

— Да. И прости, мне нужно идти, у меня тай-чи.

— Звони мне. Я буду держать за тебя скрещённые пальцы. Люблю тебя.

— Я тоже, — сказала я и повесила трубку.

Судя по словам мамы, я на верном пути. Эрик и его друг, скорее всего, пили где-то в другом месте, не в городе. Вопрос только — где?

Я натянула куртку и сапоги и отправилась на тай-чи. Я опаздывала и всё время смотрела под ноги, чтобы не поскользнуться, и поэтому, завернув за угол, столкнулась с Маркусом — в буквальном смысле.

— Извини, — я отодвинула со лба шапку и отступила на шаг. — Я не смотрела, куда иду.

— Ничего страшного. Это я занял всю дорожку. Я не ударил тебя своей сумкой?

У него на плече висела большая спортивная сумка.

Я покачала головой.

— Куда это ты? — спросил он, когда я перевесила сумку с одного плеча на другое.

— Иду на занятие по тай-чи.

— Я на пристань. Могу пойти вместе с тобой.

— Ты на площадку Зимнего фестиваля? — спросила я, когда мы уже шли по дорожке. И вспомнила прежде, чем он ответил. — Да, там же игра всех звёзд.

Ещё одна традиция Зимнего фестиваля — хоккейная игра с участием лучших из пожарного департамента и полиции против звёзд старшей школы.

— Удачи, — сказала я.

— Спасибо, — он помедлил, и, ожидая, когда перед нами развернётся и выедет на дорогу полутонный пикап, автоматически поставил передо мной руку.

— Как я забиваю, ты видела. Так что удача мне очень понадобится.

— Ты хорошо ездишь, — сказала я. — А с шайбой просто надо просчитывать немного вперёд.

Он бросил на меня удивлённый взгляд.

— Просчитывать?

— Когда кто-то перехватил шайбу, наблюдай за языком его тела. Он может сделать вид, что сворачивает направо, но если смотреть на ноги, они укажут налево.

Он кивнул.

— Спасибо, попробую.

Мы уже почти подошли к студии тай-чи.

— Как то дело? — спросила я.

С его лица исчезла последняя тень улыбки.

— Я знал, что ты не сможешь не спросить.

— Руби не убивала Агату.

— Ты не первая, кто мне это говорит.

— Возможно, стоит прислушаться.

— Копаешься в расследовании?

— Ты же знаешь, я не могу тебе говорить.

Это опять заставило его чуть улыбнуться. Мы остановились перед Общественным центром.

— Удачной игры, — пожелала я, сделала пару шагов к двери и обернулась к Маркусу. Он меня раздражал, но он хороший, добросовестный полицейский.

— Маркус, не знаю, имеет ли это значение, но в этом городе пикап Руби такой не один.

— Ты о чём? — спросил он, топая тяжёлыми ботинками по засыпанной снегом дорожке.

— Есть ещё несколько точно таких же. Одна модель, одна сборка. И куплены одновременно, у одного поставщика.

Он вздохнул.

— Кэтлин...

— ...Не лезь в это дело, — закончила я. — Всего их было шесть. Шесть одинаковых пикапов, все проданы людям, живущим в этом районе. Или жившим. И как минимум один ещё здесь.

Я подняла обе руки, развернулась и вошла в дом. Он за мной не пошёл. Я не знала, что Маркус станет делать с этой информацией, но играла честно. Почему-то для меня это важно.

Руби уже поднялась по лестнице и снимала пальто.

— Привет, — сказала она.

Она выглядела смущённой и старалась не смотреть мне в лицо.

— Привет, — я повесила на вешалку свою сумку. — Я говорила с Гарри. Он рассказал мне, что могло быть в том конверте Агаты, и что просил тебя поговорить с ней.

Теперь она посмотрела прямо на меня.

— Значит, ты понимаешь, почему я не могла тебе сказать?

— Думаю, да.

Она сунула перчатки в рукав пальто.

— Хотела бы я знать, где тот конверт.

— Может быть, он найдётся, — я подумала про мокрый кусочек бумаги, который Геркулес выплюнул в мою руку. Это напомнило мне про фрагмент фотографии, найденный в квартире Руби. Это могло быть фото ребёнка Агаты и Гарри? Я совсем про него забыла.

Руби тронула меня за руку.

— Кэтлин, ты на минуту отключилась. С тобой всё в порядке?

— Извини. Просто... Возможно, у меня есть фото их дочери.

— Что? — она разинула рот от удивления.

Как же мне ей это всё объяснить? Я потянула её на скамью у стены, рядом с вешалкой.

— Я была с Ребеккой, когда она собирала тебе вещи на суд.

— Понятно.

— Помнишь, Лита отдала тебе сумку с вещами Агаты?

Руби кивнула.

— Я просто отнесла её домой.

— И не заглянула внутрь?

— Нет. Ну, может, одним глазком. — Она откашлялась. — Агата как-то странно относилась к вещам, давно, ещё до инсульта. Она подбирала всё, что могло оказаться полезным. Шарфы, салфетки, и всё такое.

— Руби, я осмотрела сумку. Прости, но я искала конверт или что-то ещё, что могло бы помочь тебе.

— Это правильно, — сказала она. — Очевидно, конверта там не было.

— Нет. Но там была часть фотографии. Ребёнка.

— Ребёнка?

— Ребёнка, — повторила я. А теперь самое неловкое. — Руби, так получилось, что я захватила с собой это фото. — (Что было более или менее правдой. Я захватила с собой Геркулеса, а он — фотографию). — Как думаешь, ты узнала бы, если там сын Агаты? Мне кажется, ты говорила, что он сейчас работает в Китае.

— Да. Дэвид. — Она пожала плечами. — Возможно. В кабинете Агаты стояла пара его детских фото. С тех пор он не особенно изменился.

Я сняла шарф и шапку.

— Ты будешь завтра в своей студии? Я бы занесла фото.

— Джастин за мной заедет, — глаза Руби блеснули как раньше, впервые за эти дни. — У него встречи завтра и послезавтра, в Миннеаполисе, насчёт лагеря. Мы могли бы подбросить тебя домой, и я посмотрю на фото.

— Пойдёт, если Джастин не против.

— Он возражать не будет. — Она встала. — Может, мы найдём что-нибудь для Гарри.

— Надеюсь, — сказала я.

Руби отправилась в зал. Я повесила куртку, переобулась и тоже пошла за ней.

В центре комнаты Мэгги показывала движение Ребекке, Роме и ещё паре человек. Я посмотрела. «Облачные руки», мой камень преткновения.

Мэгги закончила, улыбнулась мне, потом захлопала в ладоши, собирая всех в круг. Мы заняли привычные места. С одной стороны мне улыбалась Ребекка, а Рома, с другой, подняла палец и прошептала:

— Я нашла один пикап.

— Спасибо, — сказала я.

— Кэтлин, — прикрикнула Мэгги.

— Знаю, «согни ноги в коленях», — крикнула я в ответ.

— Это хорошо, что ты помнишь, — парировала она.

Занятие поглощало всё моё внимание. Я почти выучила упражнения, но это не значило полностью овладеть всеми движениями. Только Руби и Мэгги могли выполнить все сто восемь к концу урока, хотя остальные тоже старались.

Мы по одной отходили в сторонку, предоставив Мэгги и Руби закончить весь комплекс. Оглянувшись на дверь, я увидела Джастина. Он улыбнулся, и я улыбнулась в ответ.

Закончив упражнения, Руби подошла ко мне.

— Кэтлин, я кое-что забыла тебе сказать.

— Что такое?

Краем глаза я видела, что Джастин смотрит на нас, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу.

— Джастин не знает насчёт Агаты и Гарри.

— Я ничего не скажу.

Она провела пальцами у края волос на вспотевшем лбу.

— Я просто скажу ему, что ты нашла старое фото и хочешь показать мне. В какой-то степени, это правда.

— По-моему, правильно, — согласилась я. Мне не нравится врать, и я думаю, секретов чересчур много. Но открывать то, что хотели оставить личным Агата и Гарри — не моё дело.

Вслед за Руби я пошла туда, где ожидал Джастин.

— Ну, как занятие? — он наклонился и поцеловал Руби в макушку, потом улыбнулся мне. — Привет, Кэтлин.

— Привет, — ответила я.

— Отличное занятие, — Руби потянулась за курткой. — Может, подбросим Кэтлин домой? Она нашла одно старое фото и хотела мне показать.

— Да, конечно. — Джастин обернулся ко мне. — А где ты живёшь?

Я влезла в сапоги.

— Вверх по Маунтин-роуд. По правой стороне. Четвёртый дом перед Соснами.

— Я знаю, где это. Маленький белый домик, да?

— Да, он, — кивнула я.

Я запихала в сумку обувь, натянула куртку и пошла вниз по лестнице за Руби и Джастином.

Джастин водил маленький синий «фокус». По дороге вверх по холму Руби обернулась ко мне.

— Собиралась сказать тебе раньше, — она сделала паузу и улыбнулась. — Я слышала, ты обыграла в хоккей детектива Гордона.

Я подняла бровь.

— Ну, скажем, я оказалась немного лучше, чем он ожидал.

— Учитывая последнюю пару дней, приятно это слышать, — рассмеялась она.

— Кэтлин, ты играешь в хоккей? — удивился Джастин.

— Уличный хоккей, — уточнила я. Джастин свернул на Маунтин-роуд. — Ой, я должна предупредить тебя, у меня коты.

— Ничего страшного, — сказал он. — Я люблю котов, хотя сам скорее собачник.

— Мои коты дикие. Не позволяют трогать себя никому, кроме меня.

— Ясно, — Джастин пожал плечами.

— А Ребекка всё покупает им цыплят с мятой? — спросила Руби. — Прошлым летом я пару раз встречала её в бакалее.

— Покупает, но только Оуэну. Геркулеса они не волнуют.

— Геркулес? — спросил Джастин. — В честь того силача?

— Ага.

По крайней мере, отчасти. Сказать по правде — и в честь мифического героя и его экранного воплощения в лице Кевина Сорбо.

— Вот сюда, — я показала Джастину дорожку к дому.

Он подрулил к дому, и вслед за мной они с Руби прошли к задней двери. Я ожидала встретить на кухне хоть одного из котов, но их даже и следа не было. Я бросила куртку на кресло.

— Фотография наверху, — сказала я Руби. — Сейчас принесу.

Фрагмент фото лежал на столике у окна, вместе с обрывком коричневого конверта, который Геркулес притащил из офиса Эрика. Это напомнило мне, что я собиралась выяснить, где Эрик был вечером в прошлую пятницу. Я подхватила порванную фотографию и спустилась по лестнице.

— Вот, — протянула я фото Руби.

Она положила фото на стол и принялась внимательно изучать. Потом перевела взгляд на меня. Лицо никак не выдавало чувств, только в глазах появилась улыбка.

— Мне жаль. Я понятия не имею, кто мог это потерять. Тебе стоит спросить у Мэгги. Она вечно роется в старых фото.

— Спасибо, — сказала я.

— Или спроси у старого Гарри Тейлора. Он знает всё в этом городе.

Я знала, что она имеет в виду.

— Хорошая мысль.

— Ну ладно, идём, — она обернулась к Джастину.

— Спасибо, что подвёз, Джастин, — сказала я.

— Не за что.

И тут в гостиной появился Геркулес.

— Привет, киса, — Руби наклонилась к коту. — Это же Геркулес, да?

— Да. А это — Оуэн.

Кот только теперь сунул в дверь полосатую голову, посмотреть, что он пропустил. Геркулес ещё изучал Руби. Джастин присел рядом с ней.

— Привет, кот, — сказал он.

Герк повернул голову влево, прищурился и зашипел.

— Ух ты! — Джастин вздрогнул и выпрямился. Он перевёл взгляд от кота ко мне. — Да ты не шутила насчёт этих котов.

Вслед за Геркулесом и Оуэн подкрался ближе, прижимая к голове уши.

— Эй, всё в порядке, — тихо и успокаивающе произнесла Руби.

Геркулес обернулся к ней и дёрнул усами, словно сказал: «Против тебя я ничего не имею». Потом сделал шаг к Джастину и опять зашипел. Джастин шагов на пять отступил.

Я встала между ними.

— Извини, Джастин. Они выросли в Вистерия–Хилле. И с людьми не особенно ласковы.

Он пожал плечами, но, пожалуй, слишком небрежно.

— Ничего страшного. Возможно, от меня пахнет собакой. Я же говорил, что собачник, — он обернулся к Руби, но я видела, что краем глаза он продолжает присматривать за Геркулесом. — Мы, пожалуй, пойдём.

— Спасибо, что посмотрела на фото, — сказала я Руби. — Я узнаю у Гарри.

— И правильно, — сказала она. — Я правда думаю, что это фото ему о чём-нибудь скажет.

Я проводила их к задней двери и подождала, пока машина не отъехала. Потом вернулась на кухню. Оуэн и Геркулес сидели возле стола. Герк намывал морду. Оуэн вынюхивал бог знает что на полу. Я скрестила на груди руки и поинтересовалась у них:

— Ну, и что это сейчас было?

23

Оуэн хотя бы выглядел виноватым — он опустил голову и подкрался ко мне. Я наклонилась, и он виновато взглянул на меня.

— Вы зачем это сделали? — спросила я у него. — Когда Маркус пришёл в первый раз, вы разве что не полезли к нему на колени. А что не так с Джестином?

Жёлтые глаза щурились, уши снова стояли торчком.

— Понимаю, он тебе не понравился, — я погладила котика по голове. — Почему?

Конечно, он не ответил, но лишь потому, что не умел говорить. Я обернулась к Геркулесу, который продолжал умываться и старательно меня игнорировал.

— И тебе не понравился Джастин.

Лизнуть, потом потереть лапой морду.

— Он слишком напористый, тут я с тобой согласна, и эгоцентричный. Но вот это всё — шипение, прижатые уши — по-моему, чересчур. Если парень тебе не понравился, ты не мог просто его проигнорировать, например? Вот как меня сейчас.

Зазвонил телефон, и я подошла ответить.

— Привет, — сказала Мэгги. — Ты исчезла так быстро, что я не успела спросить, не хочешь ли ты прогуляться, успеем на конец игры всех звёзд.

— Прости, — ответила я. — Руби и Джастин предложили меня подвезти.

— Похоже, она приходит в себя?

— Да, — я секунду поколебалась.

Если я собираюсь обходить питейные заведения, не стоит заниматься этим в одиночестве, а Оуэна с Геркулесом на такую прогулку не возьмешь. И мне нужна машина.

— А как ты насчёт сходить куда-нибудь, Мэгс?

— Игра, наверное, вот-вот закончится.

— Я, скорее, о том, чтобы пойти выпить.

Мэгги помолчала минутку.

— Выпить?

— Ага.

— В бар?

— Почему бы нет? Попробуем что-нибудь новое. Познакомимся с кем-нибудь.

Опять молчание. Потом Мэгги заговорила.

— Кэтлин, если тебя захватили какие-то ненормальные террористы, любители зимы, скажи «авокадо» и повиси на телефоне, пока я звоню в полицию.

Я рассмеялась.

— Меня не похитили, и я не рехнулась. Я хочу проверить кое-что в барах дальше по шоссе. Возможно, это поможет Руби.

— Почему так и не сказала? Я еду.

Я так удивилась, что не сразу смогла ответить.

— Думала, я откажусь? — усмехнулась Мэгги.

— Я думала, ты хотя бы захочешь получить объяснения

— Да, хочу. По дороге расскажешь. Давай, подкрась губы и надень что-нибудь женственное.

Я взглянула на свои удобные тренировочные штаны и толстовку с длинными рукавами.

— Хочешь сказать «не одевайся как библиотекарьша»?

— Я этого не говорила. Но да. У тебя пятнадцать минут, — и она повесила трубку.

Оуэн и Геркулес сидели рядом с моим пуфиком.

— Мы с Мэгги идём шататься по барам, — сказала я им обоим. Потом посмотрела на Оуэна. — Твоя подружка хочет, чтобы я принарядилась.

Он поднялся и направился к лестнице. Я взглянула на Геркулеса, пожала плечами, и мы пошли в спальню за Оуэном.

Я вынула из шкафа штаны цвета хаки. Наверное, мне показалось, и кот просто стряхивает что-то, прилипшее к шерсти, но все выглядело так, будто Оуэн прикрыл лапой мордочку.

Я вытащила любимые чёрные брюки. Кот чихнул.

— Ничего в них плохого, — сказала я. Он нырнул в левую сторону шкафа.

— А там ничего подходящего.

Я услышала «мяу» в ответ и взглянула на Геркулеса, наблюдающего за нами.

Оуэн опять мяукнул. Я начала перебирать вешалки. Ещё две пары чёрных брюк, серые с отворотами, которые были на мне в то утро, когда я нашла тело Агаты, и в глубине шкафа — узкие джинсы.

Я увидела, как блеснули жёлтые глаза Оуэна.

— Они не нелезут.

Он возмущенно мяукнул. Я сняла вешалку с планки.

— Мэгги будет здесь через десять минут. Я их примерю, только чтобы показать тебе, что ты неправ, а потом выберу одежду сама. И по-моему, когда я последний раз проверяла, ты не был подписан на «Вог».

Я натянула джинсы. Сюрприз первый — я в них поместилась. И второй — их удалось застегнуть. Они были узкие, но не малы. Геркулес прошёлся вокруг меня. Оуэн высунул из шкафа голову.

— Отлично. Я их надену, — сказала я. В последний раз мне удавалось влезть в них где-то год назад. Моя сестра Сара уговорила их купить. Я не удержалась от того, чтобы полюбоваться в зеркале на вид сзади. Может, это прогулки вверх-вниз по Маунтин-роуд начали приносить дивиденды — что всё же не значит, что мне не нужна машина.

Порывшись в вещах, я нашла брусничного цвета свитер. Его мне купила Сара. Глубокий V-образный вырез и мягко укутывающий трикотаж. Совсем не моё. Возможно, стоит надеть.

Я подкрасила губы, надела длинные серьги и взъерошила волосы. Я стала не только не похожа на саму себя, но и чувствовала себя иначе, и это, видимо, означало, что я на верном пути.

Когда Мэгги постучалась в дверь и вошла, я уже была готова. Я подняла руки и чуточку покрутилась.

— Неплохо, — одобрила Мэгги.

Оуэн вошёл, когда я уже взяла куртку. Мэгги нагнулась, и он остановился шагах в трёх от неё.

— Привет, меховой шарик.

Кот выгнул спину, но ближе не подошёл. Мэгги продолжала ласково говорить с ним, а я взяла сумочку и сапоги.

— Эй, а у тебя нет другой обуви? — бросила она через плечо.

— А что не так с этими сапогами?

— Ну, они такие... удобные.

— По-твоему, они страшные.

На ней были коричневые замшевые сапожки, стройнящие ноги. Глядя на них, я подумала, что тепла они, наверное, не дают.

Мэгги оглядела меня.

— Я думаю, они сюда не подходят. — Она обернулась к Оуэну и заговорщически ему улыбнулась.

Я пошла рыться в шкафу в гостиной и выудила пару чёрных сапожек на каблуках. Они были куплены ещё в Бостоне, и, переезжая в Мейвилл, я привезла их с собой. Когда я впервые увидела здешний снег, надела их на работу. Больше я этой ошибки не повторяла.

Мэгги сказала «пока» Оуэну, я заперла дверь, и мы сели в машину. Не успев пристегнуться, она повернулась ко мне.

— Прежде чем ехать, скажи мне, куда мы и зачем?

Я протянула ей кусочек бумаги с названиями баров, которые хотела проверить.

Мэгги невозмутимо изучила весь список и перевела взгляд на меня.

— Теперь я знаю, куда мы едем. Скажи мне зачем?

— Ты знаешь, что Эрик не пьёт?

— Угу, — она кивнула и чуть заметно пожала плечами.

Мне неприятно лезть в личные дела Эрика, но другого способа я не видела.

— В среду ночью он был пьян.

Мэгги удивлённо заморгала.

— Ты уверена?

Я подцепила вытянувшуюся из перчатки нитку.

— Уверена.

Она медленно покачала головой.

— Кэтлин, нет. Извини, но ты ошибаешься.

Я подняла руку.

— Мэгги, я не думаю, что это Эрик сбил Агату. Где бы он ни был, он вернулся домой. Но определённо пьяный. Я только хочу выяснить, где он был и, что важнее, с кем.

Она медленно выдохнула.

— А почему ты не спросишь его... или Сьюзен?

— Спрашивала. Кто бы это ни был, Эрик был его наставником и ни за что не выдаст.

— Ты думаешь, тот, с кем был Эрик, мог сбить Агату?

Я кивнула.

— Кэтлин, это почти безнадежно.

Я стянула перчатку, чтобы заправить внутрь нитку.

— Я знаю. Но я должна сделать не только это. Я выяснила, что точно таких пикапов, как у Руби, на этой дороге не меньше трёх.

— А кто владельцы?

— Рома выясняет, по моей просьбе.

Мэгги смотрела вперёд сквозь ветровое стекло.

— Кэтлин, а что если поговорить с Маркусом?

— Я уже говорила.

Это привлекло всё её внимание.

— Я наткнулась на него по пути на занятие.

— И?

— И он не стал играть в Перри Мейсона и объявлять, что, ясное дело, Руби ни в чём не виновна.

Мэгги открыла рот, но я продолжила прежде, чем она успела заговорить:

— Слушай, я знаю, ты считаешь, что из нас с Маркусом получилась бы прекрасная пара, и я согласна, он неплохой коп. Но он считает, что нашёл того, кто сбил Агату — Руби. Я могу разыскать все эти пикапы и выстроить в ряд перед полицейским участком, но если в кузове одного из них не будет лежать связанный скотчем убийца Агаты, его мнения не изменить.

Мэгги внимательно смотрела на меня.

— Как поедem — бары по списку, или по адресам?

— Ты не споришь со мной?

— Неа, — она вставила ключ в зажигание и завела мотор.

Я просто не знала, что на это сказать.

— Слушай, — улыбнулась мне Мэгги, выезжая с дорожки. — Ты права. Я думаю, Маркус — замечательный детектив, но он, наверное, уже передал дело Руби прокурору округа. Нужно сделать всё, что можно, и даже больше, чтобы найти другой пикап или даже все три, чтобы вызволить Руби. Вероятность невелика, но лучше, чем ничего.

Она заглянула в мой список на приборной панели.

— Сначала можем поехать в «Подарок». Ты взяла с собой фото Эрика?

Я вытащила из кошелька снимок, сделанный на библиотечном пикнике. Эрик стоял у жаровни, шурясь на солнце. Мэгги взглянула на фото.

— Сгодится.

Я и раньше слышала такой тон в её голосе.

— Кажется, у тебя появился план?

Глядя на Мэгги, я чувствовала энергию нейронов в её мозгу.

— Есть пара идей.

Не очень радует. В последний раз, когда Мэгги посетила идея, мы угнали внедорожник Ромы вместе с ней самой. С одной стороны Мэгги была невозмутимой и уравновешенной. Она в самом деле верила — всё, что ты отдаёшь в этот мир, вернётся к тебе, и хорошее, и плохое. И считала Мэтта Лойера из шоу «Сегодня» сексуальным. С другой стороны, она умела хранить секреты лучше всех, кого я знала. И она смотрела «Грязного Гарри» с Клинтом Иствудом столько раз, что сама не могла припомнить.

— Ищи вывеску, — сказала Мэгги, когда мы выехали за город, на трассу, ведущую из Миннеаполиса в Сент-Пол. — Когда я последний раз здесь была, «Д» и «А» у них перегорели.

— Значит, мне придётся высматривать «Порок», — ответила я.

— В некотором смысле, так оно и есть.

В стрип-клубе «Подарок» было темно и шумно, а за вход нам пришлось заплатить. Мэгги сказала мне на ухо:

— Делай, как я, и постарайся казаться смущённой.

Мне и было неловко. На Т-образной сцене танцевала женщина. Она была, по крайней мере, полностью одета — в украшенное перьями ядовито-розовое бикини. И, похоже, ей всё очень нравилось.

Женщина обернулась вокруг шеста, и я увидела её лицо.

— Я её знаю, — вцепилась я в руку Мэгги. — Она приводит мальчика на «Час сказок».

Мэгги не удивилась.

— Да, это Дженна. Она в моём классе йоги.

— Не знала, что она занимается экзотическими танцами.

— Нет, — возразила Мэгги. — Это вечер любителей. Если побудем тут подольше, ты, возможно, увидишь и других знакомых. — Она взгромоздилась на табурет и улыбнулась барменше.

Я заняла табурет рядом с ней и повернулась к сцене спиной. Я мало кого хотела бы видеть в перьях и туфлях на шпильках. Следовать инструкциям Мэгги и казаться смущённой оказалось совсем не трудно. Я представляла на этой маленькой сцене тех, кого я знаю в этом городе. Абигайль. Литу. Ребекку. И как потом смотреть в глаза, если увижу кого-то из них извивающейся вокруг шеста и почти без одежды?

— Ты хочешь вина, — прошептала Мэгги, когда барменша подошла к нам.

— Привет. Что вам налить? — спросила она.

Примерно одного возраста с Мэгги, светлые волосы собраны в конский хвост, очки в тёмной оправе и руки, выдающие регулярные физические нагрузки.

— Мне только кофе, — сказала Мэгги. — Я за рулём.

— А мне бокал красного, — сказала я.

— Одну минуту, — ответила барменша, чьё имя было Зои. Она поставила между нами корзинку с солёными крендельками. Я взяла один и кинула в рот. Раз уж мне придётся пить, надо чего-нибудь съесть.

Кренделёк оказался вкусным, хрустящим и не слишком солёным, а вот вино не очень. Я взяла ещё один кренделёк. Мэгги расплатилась за напитки и теперь болтала с барменшей, подавшись вперёд и поставив локти на стойку. Пару раз она со значением посмотрела на мой бокал. Я догадалась — она хочет, чтобы я пила или хотя бы делала вид, что пью. Я сделала глоток и заела парой крендельков. Не вполне понятно, что у Мэгги за план, но он вряд ли сработает. Я устала, музыка была слишком громкая, а к сцене я просто боялась оборачиваться.

Я уже собиралась сказать Мэгги, что всё это — плохая идея, когда она, взглянув на меня, спросила:

— У тебя фото с собой?

Я вытащила из сумочки фотографию. Мэгги взяла её у меня и подтолкнула по стойке.

— Ты работала ночью в прошлую среду? Видела этого парня?

Барменша изучила фото, подняла взгляд на Мэгги.

— А что он сделал?

— Ну... — развела руками Мэгги. Она бросила взгляд на меня и подняла брови.

Я почувствовала, как к лицу приливает краска, и, наклонив голову, сделала ещё глоток и потянулась за сэком. Зои понимающе улыбнулась и ещё раз посмотрела на фото Эрика.

— Нет, тут его не было. Из-за аукциона вечер среды выдался очень тихим.

Она бросила на меня взгляд, полный не то жалости, не то сострадания. Потом обернулась к Мэгги.

— Это хорошо, что его тут не было?

— Возможно, — сказала Мэгги. — Но все должны где-то быть, так что, может, и нет. Спасибо за помощь.

— Нет проблем.

Пара парней в конце бара пытались привлечь внимание Зои. Она подхватила ещё одну корзинку с крендельками и направилась к ним.

Мэгги осушила свою чашку кофе и опустила её на стойку. Посмотрела на мой бокал с вином.

— Не хочешь ещё один, на дорожку?

Я скривилась.

— Нет. Стеклоочиститель и то на вкус приятнее.

— Тогда пошли, — она соскользнула с табурета.

Мы уже были на полпути к двери, когда Мэгги схватила меня за руку:

— Пожалуйста, скажи мне, что это не та, о ком я подумала, — она захлёбывалась от смеха.

Я прикрыла глаза ладонью.

— Я не смотрю.

Она вцепилась в моё запястье и оттащила руку от лица.

— Если ты не согласишься, придётся описать всё в мельчайших подробностях.

Я бросила на сцену короткий взгляд. Потом долгий. Потом взяла Мэгги за рукав и потащила из «Подарка» так быстро, что она споткнулась и чуть не приземлилась в сугроб перед входом.

— Ну, это она? — Мэгги ухватила за перила, чтобы устоять на ногах.

— Не знаю. Возможно. Думаю, да.

Она начала смеяться, так что ноги заскользили по льду парковки, и ей пришлось ухватиться за перекладину перил другой рукой. Издали Мэгги выглядела как пьяная.

Я оглянулась. Из бара неслась музыка — Бон Джови вопил «You Give Love a Bad Name», и перед глазами у меня опять появилась танцовщица. Чёрный корсет, чулки в сеточку, шпильки и пестрая маска из перьев — и всё это на Мэри, пожилой кикбоксёрше, которая работала в библиотеке и пекла замечательные пироги для ужина на Зимнем фестивале. Это была именно она. Маска не до конца скрывала лицо. Мэгги всё хохотала, обнимая столбик перил, как гигантского плюшевого мишку.

— Ничего смешного, — сказала я. — Я работаю с Мэри. И что мне сказать, когда я встречусь с ней завтра? Классный корсет?

— Ага, отличный корсет, — хохотала Мэгги. — Как думаешь, где она его купила? Точно не здесь.

Я пошла к машине.

— Не спрошу, даже не надеюсь.

— Не думала, что ты такая скромница, Кэтлин, — сказала Мэгги, когда мы забрались внутрь.

— Я не скромница. А как люди развлекаются — их личное дело. Просто Мэри — последняя, кого я ожидала бы встретить в стрип-клубе. Она же бабушка.

— Она круто выглядит, — сказала Мэгги. — И занимается кикбоксингом, значит, в хорошей форме. Так почему бы ей и не покрутить задницей время от времени?

Я сердито посмотрела на неё.

— Спасибо, что напомнила мне об этом зрелище.

Одно я знала наверняка — завтра, увидев Мэри в библиотеке, я не стану спрашивать у неё, как прошёл вечер.

Весь процесс мы повторили в следующем баре, «Хиллтоп», только с официанткой, но с тем же результатом. Теперь, когда я знала свою роль обманутой подружки, я немного подыгрывала — вздыхала и старалась выглядеть мрачной. По-видимому, Мэгги решила, что я чересчур вжилась в роль. Она ткнула меня локтем под рёбра, довольно жёстко. Не важно. В среду ночью в этом баре было абсолютно спокойно, и Эрика там не видели.

В «Шляпе Барри», которая оказалась скорее джаз-клубом, чем баром, Мэгги очаровала мужчину-бармена. Такой Мэгс я никогда раньше не видела. Я не могла понять, как именно она это делает. Ничего особенного. За три минуты бармен перешёл от делового тона к влюблённому. А я к тому времени уже наизусть выучила роль обиженной женщины. Когда Мэгги извлекла фото Эрика, достаточно было вспомнить быстрый взгляд на Мэри, начинающую развязывать шнуровку корсета, и мои щёки порозовели.

В «Шляпе Барри» нам тоже не повезло. Сражённый бармен даже позвал одну из официанток взглянуть на фото. Никто не вспомнил, что видел Эрика вечером в среду.

Когда мы уже поднялись, чтобы уходить, бармен спросил:

— Вы не пробовали узнать в том ночном клубе?

Он показал нам, куда идти.

— «Глоток», — он закатил глаза. — Название очень удачное. Возможно, ваш парень пьёт там.

Он дал Мэгги инструкции, и она улыбнулась так, что он, наверное, на миг забыл своё имя.

— Заходите как-нибудь, — сказал он.

— Возможно, и зайду.

— Где ты выучилась так флиртовать? — спросила я.

— Я не флиртовала. Я просто с ним разговаривала.

— Флиртовала, конечно, — сказала я, натягивая перчатки.

Мы ничего не узнали про Эрика, но вечер у меня вышел познавательный. Я обнаружила, что Мэри владеет плавными движениями стриптизёрши, а Мэгги бывает хитрой и вкрадчивой.

— Хочешь проверить этот «Глоток»? Не зря же мы сюда ехали.

Я откинулась на спинку сидения.

— Почему бы нет?

Парковка перед «Глотком» была забита машинами. Мэгги втиснулась в конец ряда. Оставалось только надеяться, что она сумеет выбраться, когда мы соберёмся уезжать. Внутри было полно народа, шумно и воняло дымом и потом. Мэгги сканировала пространство.

— Как действуем? — крикнула я.

Она обернулась ко мне, но продолжала разглядывать танцующих и пьющих людей.

— Не знаю.

В этот момент что-то привлекло её внимание. Мэгги улыбнулась.

— Должно получиться. Просто отлично. Идём, — и она начала пробираться сквозь толпу.

Я, не оглядываясь, пошла за ней. Она остановилась рядом с девушкой с волосами цвета лимонного желе и кольцом в носу.

— Джейми?

Девушка обернулась. Судя по фартуку, она была из персонала. При виде Мэгги её лицо расплылось в широкой улыбке.

— Привет. Что ты здесь делаешь?

— Помогаю подруге, — Мэгги кивнула в мою сторону.

После «Шляпы Барри» она положила фото Эрика в карман. Теперь вынула.

— Ты работала в прошлую среду, вечером? Он здесь был?

— А что он сделал? — подозрительно спросила Джейми.

— Скорее, «кто».

Мэгги перевела взгляд с официантки на меня и обратно.

— Мне жаль. — Джейми пожала плечами. — Он здесь был.

— Ты уверена?

— О да. Лихо пил и реально надрался.

Мы с Мэгги переглянулись.

— Но с ним не было девушки. Он приходил один.

Моё сердце упало.

Она успокаивающе улыбнулась мне.

— Он выглядел вполне симпатичным. Не то что этот его наглый приятель.

Мэгги подняла руку.

— Постой. Мне показалось, ты говорила, что он приходил один.

— Ну да. Тот приятель ждал его здесь.

— А как он выглядел? — спросила я.

— Симпатичный. — Парень через два столика щёлкнул пальцами, подзывая её. — Да, да, иду, — отозвалась она. Потом опять повернулась к нам. — Да, ничего. Слегка небритый, волосы тёмные, затянуты в конский хвост, и куртка, типа как у моряков.

Мэгги непонимающе посмотрела на меня.

— Бушлат? — спросила я.

— Да. Но тот тип был такой скотиной. Вообразил, что умнее меня, потому что я просто глупая официантка. И чаевых не оставил.

— Спасибо, Джейми, — сказала Мэгги. — Если тебе понадобятся мои уроки — в любое время.

Она обняла Мэгги одной рукой.

— Спасибо. Может быть и приду.

Парень, щёлкавший пальцами, опять проявлял нетерпение. Джейми поморщилась.

— Но всё равно, твой парень был очень милый.

— Я это запомню. Спасибо.

Мы протолкались обратно через толпу и заскользили через парковку к машине.

— Откуда ты её знаешь? — спросила я Мэгги.

— Джейми? Прошлой зимой она была в моём классе тай-чи. У неё потрясающее чувство равновесия. Хотя волосы тогда, кажется, были синие.

Прежде чем продолжать разговор, я подождала, когда она выберется с тесной парковки.

— Есть идеи насчёт того, кто тот второй парень?

— Нет, — ответила Мэгги. — Я думала, может, у тебя.

— Проблема в том, что он, должно быть, живёт не в Мейвилле. А Сьюзен знает только, что Эрик был наставником этого таинственного типа.

Мэгги кивнула.

— Да, щетина, хвост и бушлат — примет не много.

— Может, Рома что-нибудь прояснит, как с пикапами, — сказала я.

— А что, если всё выложить Эрику?

— Он Сьюзен не рассказывает, с кем был, почему ты считаешь, что скажет мне? И когда я с ним говорила — ничего не добились.

— Что это за группа поддержки, где покрывают преступников? — Мэгги включила обогреватель, и в машине начало понемногу теплеть.

— Я думаю, это скорее дело Эрика, чем какой-то там группы. Ты заметила, какое значение он придаёт верности?

— Что ты имеешь в виду? — спросила она, не сводя глаз с дороги. Падал лёгкий снежок.

— Посмотри на персонал в его кафе. Он нанимает на лето одних и тех же студентов. Постоянные сотрудники работают там годами. По словам Абигайль, он всегда устраивал барбекю для библиотеки. Даже когда Сьюзен была беременна близнецами и не вставала с постели.

— Интересная мысль, — согласилась Мэгги.

Я вздохнула, ёрзая на сиденье. Я не могу ждать, когда Сьюзен поговорит с Эриком.

— Может быть, если он поймёт, что это поможет Руби...

Остаток дороги к дому мы говорили о Зимнем фестивале и о том, что слухи о Роме и Эдди Суини никак не утихнут. Но разговор занимал лишь

часть моего внимания. В памяти прокручивалось описание приятеля Эрика, данное Джейми. Это мог быть кто угодно. Но почему я не могла отделаться от ощущения, что знаю, кто это?

На следующее утро, когда я сидела за столом и кормила Оуэна арахисовым маслом с кусочками орехов, в заднюю дверь постучал Гарри Тейлор — младший Гарри. Оуэн пребывал в замечательном настроении, потому что к нам на минутку заглянула Ребекка — принести мою газету, которая почему-то попала к ней.

— Привет, — сказала я Гарри. — Я как раз собиралась вам позвонить этим утром. Я поменялась с Абигаиль сменами и до обеда не должна идти на работу.

— Что-то не так?

— Нет. Возможно, как раз всё так. Одну минуту. — Я поспешила в гостиную за обрывком фото ребёнка, который положила в небольшой конверт, и протянула Гарри.

— Это для вашего отца. Конечно, наверняка не скажешь, но вдруг это фото его с Агатой ребёнка.

Он сглотнул пару раз. Медленно извлёк из конверта фото.

— Где вы это взяли?

— К Руби попала сумка с вещами Агаты. Это было внутри. Не похоже на фотографию её сына, Дэвида, она не такая старая. Я спрашивала Ребекку, — я подняла руку, — не говоря, почему, и она не узнала ребёнка. Может быть — очень может быть, что это именно тот ребёнок.

— Спасибо, Кэтлин, — внезапно охрипшим голосом ответил Гарри. — Отец будет... — он закашлялся и взглянул на меня. — Спасибо.

— Не за что, — я вдруг ощутила комок в собственном горле.

Гарри покачал головой.

— Чуть не забыл. — Он протянул мне связку ключей. — Это для вас.

— От чего это?

— От пикапа, который стоит возле дома.

— Гарри, я не могу взять у вас машину.

— Во — первых, это не от меня. Это от моего старика. А во — вторых, если, и впрямь, не возьмёте, вам нужно пойти и сказать ему. Я этого делать не стану. — Он покачал ключи. — Он так хотел сделать это для вас. Вы, и вправду, откажетесь?

— Я... — я беспомощно посмотрела на Гарри. — Хорошо, — я протянула руку, сдаваясь. — Но только пока сама что-нибудь не подыщу.

Я взяла ключи.

— Машина, конечно, не высший класс, — сказал Гарри. — Но хорошо бегают, и шины новые. Вам придётся обратиться к Гуннару насчёт страховки.

— Ладно, — кивнула я.

Он осторожно убрал во внутренний карман куртки конверт.

— Спасибо за это фото.

— Надеюсь, оно поможет. Спасибо вам за машину.

— Надеюсь, она поможет, — улыбнулся Гарри.

Когда Гарри ушёл, я надела куртку и сапоги. Котов не пришлось уговаривать пойти со мной. Мы обошли вокруг дома. На дорожке стоял пикап. Такой же, как и у Руби, уродливого коричневого цвета.

Единственная разница — правое переднее крыло заменено и загрунтовано красным. Я открыла дверцу водителя. Изнутри всё сверкало чистотой — ничего удивительного, ведь это от Гарри.

Оба кота вытягивали шеи, чтобы посмотреть. Я нагнулась, подхватила Оуэна и подняла на сиденье. Когда потянулась за Геркулесом, он сморщил нос.

— Там чисто, — сказала я. — Никаких блох от Бориса.

Я посадила Геркулеса рядом с Оуэном, который всё поочерёдно обнюхивал и тыкал лапой. Потом я наклонилась и изучила приборную доску. Вообще-то, мне хотелось с визгом плясать вокруг пикапа. Прекрасный подарок.

Я высунула голову из кабины и рассмотрела шины. Большие, тяжёлые и с шипами. По снегу на Маунтин-роуд — более чем достаточно. Щедрость Гаррисонов ещё больше заставляла меня помочь старику с поиском своего ребёнка.

— Вылезайте, — сказала я котикам. Оуэн подобрался к краю сиденья, посмотрел на землю и прыгнул. — Отлично, — сказала я.

Геркулес тоже подошёл к краю, посмотрел вниз, потом на меня, и жалостно мяукнул. Я схватила его в охапку, бедром захлопнула дверь, и в этот момент на дорожку въехала Рома. Она выбралась из джипа и сдвинула на лоб солнечные очки.

— Откуда у тебя мой старый никап? — Она остановилась, оглядела старенький Форд, и добавила: — А вроде бы и не мой?

— Нет. Теперь мой. Хочешь чашечку кофе?

— С удовольствием.

Мы пошли к дому. Оуэн сидел на верхней ступеньке. Геркулеса нигде не видно, значит, решил не ждать. Зачем ждать, когда впустят, если можешь просто пройти сквозь дверь?

На кухне я налила чашку кофе для Ромы, другую себе, и уселась за стол. Оуэн испарился, но я заметила усы Геркулеса, притаившегося у двери гостиной.

— Ну, и как у тебя оказался один из пикапов, таких же, как мой?

— Гарри Тейлор. Это его. Он одолжил мне машину, — я провела пальцем по краю чашки. — Скажи мне, что ты нашла что-то полезное.

Но я знала, что она не нашла, иначе сказала бы в первую же минуту, как увидела меня на дорожке.

Рома покачала головой, подтверждая мою догадку.

— Ничего. Первый из пикапов за пределами штата. Второй водят только летом — поверь мне, я видела. Он весь в птичьем помёте. А третий переделали, чтобы возить древесину. У него больше нет крыши, — она откинулась на спинку кресла. — Покрыт брезентом и стоит в сугробе.

Я потёрла лоб. Мне казалось, я что-то знаю.

— Как бы там ни было, я надеялась, что мы что-то найдём.

— Я тоже.

— Может, был ещё один пикап?

— Ты и правда так думаешь? — я вздохнула так, что чёлка взлетела в воздух.

— На самом деле, нет.

Я провела пальцами по волосам.

— Ребекка хорошо поработала над твоей причёской, — сказала Рома.

— Да. Я, наконец-то, опять могу собирать волосы в хвост. И, должна признаться, я иногда ела кошачьи сардины. Сьюзен говорила, от них мех делается блестящим. Может, это и моим волосам помогло.

Рома поморщилась.

— Ну, я же не предлагаю тебе есть сардины, — сказала я. — Особенно во время такого страстного романа с Эдди Суини.

Она слегка покраснела.

— Думаю, в Мейвилл-Хайтсе уже не осталось ни единого человека, который не слышал о знойной страсти между мной и Эдди Суини, прославленным хоккеистом, — она покачала головой, допила свой кофе и поставила чашку на стол.

— Зимний фестиваль скоро закончится. Как только чучело Эдди уберут из Общественного центра, утихнут сплетни про тебя и реального Эдди.

Рома встала.

— Мне пора в клинику. Если я ещё чем-то смогу помочь Руби — звони.

Я пообещала и поблагодарила её за помощь. Как только Рома ушла, через порог из гостиной высунулась голова Геркулеса.

— Её уже нет, — сказала я, и он подошёл ко мне. — Начнём всё с нуля.

Я опять провела рукой по волосам. Рома была права. Ребекка отличный парикмахер. Моим волосам требовалось только регулярное мытьё и немного геля.

А потом — как будто кусочки вдруг встали на правильные места. Что говорила официантка про друга Эдди? Он был симпатичный. Он нуждался в бритве. Носил бушлат и собранные в хвост тёмные волосы. Я поняла, кто это.

Я схватилась за край стола. Я знала, кто был ночью с Эриком. И кто убил Агату. Живот сводило от страха, как будто я проглотила цементный блок. Я не просто поняла, кто убил Агату, я была совершенно уверена, что знаю почему.

26

Я подрулила к кафе. Немного разучилась переключать передачи, но только раз скрежетнула коробкой и благополучно проехала все знаки «стоп». Пикап я оставила на углу, рядом с переулком, где погибла Агата, чтобы не пришлось выбираться с плотно забитой парковки, поскольку совсем растеряла навыки.

Я много раз видела, как Питер завтракает в этом кафе. Если мне повезёт и я его там застану, то поговорю с ним раньше, чем с Эриком.

Удача оказалась на моей стороне. Питер сидел за тем же столиком, где был, когда в кафе приходила Агата. Я кивнула Клер и прошла к нему. На спинке стула висела кожаная лётная куртка. Я не ошиблась. Именно та, что я видела в доме Агаты.

— Почему Агата вас уволила? — спросила я. Возможно, следовало сперва поздороваться, но я спешила.

Он поднял на меня взгляд.

— А почему вас это интересует?

— Уволила потому, что вы пытались отговорить её оставлять все деньги бойфренду Руби?

— Спрошу ещё раз — а вас это как касается?

Его злость выдавало только подергивание уголка губ.

— Никак, — ответила я. — Но я не хочу видеть Руби в тюрьме за то, чего она не делала. И поскольку я не могу представить другую причину, по которой вы оказались на обеде в честь её освобождения, я подумала, что и вы не хотите.

Он взял свою чашку, сделал глоток и поставил обратно. Потом опять посмотрел на меня.

— Гипотетически говоря, если бы Агата пришла ко мне с желанием оставить все деньги Джастину Андерсу, я очень бы не советовал ей менять завещание.

— Агате не нравилось, когда ей указывают, как поступать.

— Да, не нравилось, — согласился он.

Я сунула в сумку свои перчатки.

— И если она поехала за пределы Мейвилла, чтобы оформить новое завещание — конечно, гипотетически, — кому-то пришлось бы её везти. И, возможно, этот кто-то понял, что она собиралась сделать.

Он понял, о чём я, и выражение лица изменилось. Теперь он смотрел вниз, на стол, сжимая пальцами край своей кружки.

— Вы можете доказать? — спросил он.

— Пока нет.

— Чем я могу помочь?

Я переминалась с ноги на ногу. Прежде чем начинать действовать, надо было поговорить с Эриком.

— Вы можете позвонить адвокату, к которому обратилась Агата. Спросить, не видел ли кто-нибудь, кто её привозил. И если вы что-то найдёте — можете сообщить детективу Гордону.

— Да, могу, — ответил он.

Я надеялась, что так он и сделает. Мне нужно узнать насчёт куртки.

— Зачем вы взяли эту куртку? — я указала на спинку стула. — Я знаю, что она принадлежала брату Агаты. Вы так сильно на неё разозлились?

Я ожидала, что он ответит — это меня не касается. Этого он не сказал.

— Я не брал куртку. Я попросил Дэвида. В последний раз, когда мы с Агатой виделись, в вечер её смерти, она сказала, что моя куртка недостаточно тёплая. — К моему удивлению, его голос был полон чувств. — Она хотела, чтобы я пошёл к ней и взял эту толстую куртку. Я... я отказался. — Он сглотнул комок в горле. — И с тех пор думаю — если бы я согласился, может, она не оказалась бы в том переулке? — Он покачал головой и оглянулся на Клер. — Я должен идти. Мне нужно сделать звонок, — он оценивающе посмотрел на меня. — Не наделайте глупостей, Кэтлин.

Я пошла к стойке. Эрик снова стал похож на себя. Волосы не торчат во все стороны, глаза ясные, исчезли усталость и заторможенность. Он бросил на меня взгляд, и его лицо стало застывшим и жёстким.

— Мне нужно с тобой поговорить, — я старалась, чтобы голос звучал бесстрастно.

— Сьюзен сказала. Сейчас у меня мало времени.

— Вчера вечером я была в «Глотке», — сказала я и без церемоний продолжила: — Ты слышал об этом месте?

Единственное, что двигалось на лице Эрика — глаза. Они прищурились, но смотрели прямо на меня. Он кивнул Клер.

— Подмени меня на минутку, пожалуйста. Мне нужно переговорить с Кэтлин.

— Конечно.

Я вошла за Эриком в его кабинет, стараясь не оглядываться чересчур явно в поисках конверта Агаты. Я его не увидела.

Эрик смотрел на меня через стол.

— Кэтлин, я так понимаю, тебе известно, что я выпил. Ладно, я многопил в вечер смерти Агаты.

— Я не считаю, что ты имеешь отношение к её смерти, — сказала я.

— Но думаешь, что имеет тот с кем я был.

— В общем, да.

Он покачал головой.

— Ты ошибаешься.

— Нет, — я неловко переступила с ноги на ногу.

Он опять покачал головой, но ничего не сказал.

Я сжала кулаки, потом расслабила их, сделала глубокий вздох и сказала:

— Это был Джастин.

Единственное, что выдало Эрика — он на миг отвёл взгляд. Этого было достаточно.

— Вы с Джастином знакомы давным-давно. Когда были ещё подростками, когда оба пили. До того, как Агата спасла вас.

Выражение его лица стало жёстким, губы сжались в тонкую линию.

— Джастин такой же, как ты. Он долго не пил, но что-то заставило его тогда сделать первый глоток, — я сунула руки в карманы.

— Я не знаю что. Может быть, стресс из-за организации лагеря. Или потеря финансирования. На самом деле, неважно, почему он опять начал пить.

Мне хотелось двигаться, походить, но кабинет был слишком мал.

— Эрик, — продолжила я, — Агата умерла прямо на улице. Она этого не заслужила. Такого никто не заслуживает. — Я не могла сдержаться. — А Руби не заслуживает тюремного заключения.

Его челюсти сжались.

— Эрик, прошу тебя.

Он смотрел в сторону, я ждала, молчание затянулось. Наконец, он перевёл на меня взгляд.

— Да, я был с Джастином. И да, он опять начал пить. Он думал... — Эрик запнулся. — Он думал, что может это контролировать. Думал, может пить и не попадать в неприятности. — В каждой чёрточке лица Эрика отражалось страдание.

— Так не бывает, — сказала я.

Эрик медленно покачал головой.

— Ты встретился с ним в «Глотке».

Он кивнул.

— Я пришёл сюда и вызвал такси.

— Зачем?

— Не хотел, чтобы Сьюзен узнала, где я был, или что встречался с Джастином. Теперь это кажется глупым.

— Джастин был пьян?

Он кивнул.

— А ты? Почему ты начал пить?

Он облокотился о стол, провёл рукой по лицу.

— Я заказал колу и попытался привести Джастина в чувство. Он всё говорил, что может пить, и это ему не мешает. Что пьёт уже пару месяцев, и у него всё под контролем, — он потёр губы ладонью, как будто пытался стереть слова. — Я вышел в туалет. А когда вернулся, должно быть, взял не тот напиток.

Он смотрел под ноги.

— Я сделал глоток, и понял... но почему-то не мог... Я не мог остановиться, а Джастин всё говорил о том, как сумел с этим справиться. Я вспомнил, что когда видел его в последние несколько месяцев, он казался вполне нормальным, а значит, у него получилось. — Голос упал до шёпота. — Я взял ещё выпивку. А после уже не мог остановиться.

Он отвернулся. Когда опять перевёл на меня взгляд, голос стал твёрже.

— Мы заказывали ещё и ещё. А потом... я ничего больше не помню.

— Ты не знаешь, как добрался домой?

— Я проснулся здесь, на кушетке. В два часа ночи. Я... я сунул голову в раковину, под холодную воду, а потом пошёл домой.

— Ты говорил с Джастином?

— Да. Он зашёл вскоре после того, как обнаружили тело Агаты, и повсюду была полиция. — Эрик провёл пальцами сквозь волосы на затылке, как будто пытался выдрать. — Он сказал, что мы с ним немного выпили, поговорили о прежних днях, потом вернулись сюда.

— Пешком?

Эрик кивнул.

— На это потребовалось бы не меньше часа, — сказала я. — А ты уверен, что Джастин не брал пикап Руби?

— Я ни в чём не уверен, Кэтлин.

— Мне нужно сказать тебе ещё кое-что.

— Да?

— В ночь, когда умерла Агата, ты спорил с ней из-за конверта?

Он кивнул.

— Ты нас видела, — он указал в сторону зала. — Но не видела, как мы сцепились второй раз. Позже в тот вечер она оказалась на улице. Я вышел, чтобы пригласить её погреться.

— Почему же вы спорили? Что, по-твоему, было в конверте?

Он положил на стол руки. Я видела, что он старается решить, как ответить.

— Эрик, на самом деле, очень важно, что было в том коричневом конверте. Что бы ты мне ни сказал, это должно помочь.

Он с опаской взглянул на меня.

— Ты ведь знаешь?

— Да. — Ходить вокруг да около не было никакого смысла.

Видимо, что-то в выражении моего лица убедило Эрика. Минуту он смотрел под ноги, потом заговорил:

— На прошлой неделе, в понедельник, я забирал Сьюзен после работы. И подслушал, как Агата с Руби спорят из-за конверта. И о ребёнке. — Он наклонил голову и посмотрел на меня. — Мой старик слинял, когда мне было около тринадцати. Я понятия не имею, где он. Кто знает, может, он уже мёртв. Гарри Тейлор хотел знать о своём ребёнке. Я сказал Агате, что она неправа. Я думал, ей стоило дать ему шанс, дать шанс им обоим. — Он вздохнул. — Её это не убедило. Мы стояли вот прямо здесь. Я попытался схватить конверт, и уголок оторвался.

Тот кусочек, что нашёл Геркулес. Я не могла не почувствовать разочарование от того, что у него не было всего конверта.

— Она рассердилась. Сказала, что разочаровалась во мне, — он криво и безрадостно улыбнулся. — И что я сделал? Пошёл и напился. Если бы она узнала, то разочаровалась бы ещё больше.

— Ты ошибся и исправил ошибку. И до сих пор исправляешь. Я думаю, за это Агата гордилась бы тобой.

— Я не пью, — сказал он.

— Я знаю. Сюзен сказала, ты ходишь на встречи. А Джастин?

— Не знаю. Я говорил с ним только в тот раз. Пришлось отстраниться, если я хотел оставаться трезвым. Но... но я совершенно уверен, что он по-прежнему пьёт. — Он вытер ладонь о джинсы. — И если так, всё, что у него есть, вся его жизнь будет уничтожена.

Я просто кивнула, не говоря того, в чём всё больше и больше была уверена. Что Джастин уже уничтожил чужую жизнь. Жизнь Агаты.

27

Я пообещала Эрику, что дам знать, если ещё что-то выясню, и пошла назад к пикапу. Мне ещё несколько часов не нужно было идти в библиотеку, поэтому я покатила домой, испытывая лёгкое удовольствие от того, что теперь не надо пешком взбираться по Маунтин-роуд.

Я сделала свежий кофе и уселась за стол, разобраться, что делать дальше. Оуэн не спеша подошёл ко мне и влез на колени.

— Джастин убил Агату, — сказала я ему. — Я уверена.

Кот смотрел на меня, и я погладила мех под его подбородком.

— Слишком удобно было ему подтолкнуть меня к Эрику. И почти получилось.

Я вспомнила, как оба кота реагировали на Джастина.

— Вас с братом не так легко обмануть.

Оуэн изобразил скромное согласие, боднув меня головой. Потом соскочил на пол, заинтересовавшись чем-то у двери в кладовую — оно подозрительно походило на огрызок тушки Весёлого цыплёнка. Я откинулась на спинку кресла. Под ноги шмыгнул Геркулес.

— Как же нам доказать, что Джастин брал пикап Руби? — спросила я Геркулеса. — Она оставляла машину на парковке у студии. Сказала мне, что Джастин подвёз её к дому, потом они поссорились, и ей не хотелось возвращаться и забирать машину.

Прикрыв глаза, я попыталась представить парковку за зданием студии. Когда Мэгги, Рома и я ушли в Общественный центр, пикап Руби был там. И Мэгги сказала, что когда я ушла домой, он там и оставался. Значит, Джастин взял его после того, как ушла Мэгги. В любой другой вечер кто-нибудь бы его увидел, но тогда весь город был на аукционе или работал на Зимнем фестивале. Крошечная парковка втиснута между зданиями, у каждого жилья есть своё место, и на этом всё. С улицы её не видно, и взять и вернуть пикап Джастину было бы на удивление легко.

— Если только... — сказала я вслух. Оба кота повернулись ко мне, но я уже шла к телефону.

— На здании студии есть система наблюдения за парковкой? — спросила я Мэгги, когда та ответила на звонок.

— Да, привет, Кэтли. Так приятно слышать твой голос, — ласково ответила Мэгги.

— Привет, Мэгс. Как дела? На том здании есть система наблюдения?

— Ты про камеру? Нет.

— Вот чёрт, — я скрипнула зубами от злости.

— А зачем тебе знать, есть ли камера на парковке?

Я посмотрела на часы. Времени у меня не много, но хватит.

— Я потом тебе расскажу, обещаю. Сейчас мне нужно идти. — Я повесила трубку, не обращая внимания на протесты Мэгги, и пошла за курткой.

— У меня появилась идея, — сказала я котам. — Скрестите за меня... лапки. Я скоро вернусь.

Я опять направилась вниз. Вселенная, карма... кто-то мне улыбался, кто-то был на моей стороне. Как я справилась бы без этого пикапа?

Я проехала по Мейн-стрит, осматривая дома правее старой школы, которая теперь стала Общественным центром искусств. Никаких признаков камер. Я ещё раз объехала весь квартал. То же самое, только для зданий слева. Нарезав третий круг, я въехала на парковку, на пустое место машины Руби и вышла, чтобы осмотреться. Камер нигде не было. Я шлёпнула ладонью по боку пикапа и произнесла несколько нехарактерных для библиотекаря слов.

Пикап был холодный и жёсткий, руке стало больно. Я стояла, потирая ладонь, растерянно оглядываясь по сторонам, и вдруг поняла, что вижу часть офисного здания Эверетта. Если я вижу офис, то и оттуда можно увидеть парковку. Я опять влезла в пикап, благополучно развернулась на тесной парковке и поехала к зданию холдинга Хендерсона.

Лита сидела за своим столом и улыбнулась при виде меня.

— Привет, Кэтлин. До встречи ещё почти пять часов.

Я улыбнулась в ответ.

— Привет, Лита. Это прозвучит несколько странно, но у вас есть камеры снаружи, на здании?

Она кивнула.

— Да, есть.

Как объяснить ей, что я хочу просмотреть записи, чтобы узнать, брал ли Джастин пикап Руби?

— Ты хочешь просмотреть записи в вечер среды? — спросила она.

— Значит, полиция уже здесь была? — Я опустилась в одно из кресел перед столом.

— Камера вообще не видит старую школу. Мне очень жаль. В записях нет ничего, что могло бы помочь Руби.

Я потёрла переносицу. Ничего не выходит. Не могу же я пойти к Маркусу и заявить, что уверена — это Джастин убил Агату, потому что он носит на руках резинки и воняет гелем для волос.

Я встала.

— Спасибо, Лита. Увидимся вечером.

Возле двери была табличка. Я бы её не заметила, если бы не уронила перчатку и не нагнулась за ней. На нашей библиотеке такая же. Их вручали за участие в школьной практике.

Я остановилась, держась за дверь, мысли разбегались сами собой. Кейт, моя практикантка, вместе с парой друзей работала над совместным проектом. Дети устанавливали вращающиеся веб-камеры в разных точках города и изучали отснятый материал для создания круговой панорамы. Поэтому в кладовке на втором этаже последние десять дней была камера. У них никак не получалось настроить сигнал и передачу.

Все камеры не могли работать одновременно.

— Всё в порядке, Кэтлин? — спросила Лита.

Я развернулась и пошла обратно к столу.

— Со мной всё в порядке. Лита, у тебя есть студенты на практике?

— Есть. Брендон.

Я перевела дух. Вселенная на моей стороне. Брендон — один из приятелей Кейт.

— Он спрашивал у тебя разрешения установить здесь камеру для школьного проекта?

Она рассмеялась.

— Настырный парень.

— И ты позволила?

— Да, Кэтлин. Он очень просил.

— Где эта камера?

Лита указала вверх, над нашими головами.

— Наверху, в маленькой кладовой. Мы держим там офисные принадлежности. — Её лицо изменилось. — Ты думаешь, эта камера могла записывать парковку у студии?

Я подняла вверх руки.

— Не знаю.

Лита встала.

— Давай это выясним. Я приведу Брендона.

Ожидая её, я думала о разговоре с Маркусом. Что мне ему сказать? Неизвестно, записала ли эта камера что-то полезное.

Лита вернулась с Брендоном, которого я помнила по библиотеке.

— Здравствуйте, мисс Поулсон. Миссис Грей сказала, что вы хотите посмотреть наши записи.

— Да, Брендон, пожалуйста.

Он пожал плечами и поставил свой ноутбук на стол Литы.

— Без проблем.

Он постучал по клавишам, бормоча что-то себе под нос, потом чуть наклонил экран, отодвинулся и сказал:

— Ну, вот.

Мы с Литой подались вперёд. Картинка чёткая, показывает в основном центр города и набережную.

— Здесь, — Лита указала на нижний угол экрана.

Я увидела кусочек парковки у студии.

— То, что надо, — я коснулась экрана пальцем. — Это часть задней стены здания.

Она кивнула.

— Там виден край двери. Это три первых парковочных места, — она обернулась ко мне. — Которое из них принадлежит Руби?

— Второе, — сказала я и обернулась к Брендону, который старался не показывать, что скучает. — Брендон, вы снимали вечером в прошлую среду?

— Да, — ответил он.

— Можно как-то посмотреть то, что вы записали?

Он сочувственно глянул на меня, как разбирающиеся в компьютерах дети смотрят на таких взрослых.

— Конечно. Какое время?

Агата умерла где-то между двумя и тремя ночи. Эрик встретил Джастина около десяти.

— Попробуй в девять тридцать, — сказала я, и Брендон опять застучал по клавишам.

Лита улыбнулась мне и подняла вверх два скрещённых пальца.

— Ладно, вот вечер среды, девять тридцать.

Мы с Литой переглянулись и устали на экран. Так и есть. Пикап Руби, или, по крайней мере, его задняя часть, в верхнем углу картинки.

— Можете промотать вперёд? — попросила я.

— Вы имеете в виду, по времени? — спросил Брендон.

Я кивнула.

— Далеко?

— На пятнадцать минут.

— Конечно, — ответил Брендон, но я заметила, что он закатил глаза, склоняясь над клавиатурой.

Грузовик Руби был на месте и на сорокапятиминутной отметке. Я вдруг почувствовала волнение.

— Покажи мне десять тридцать, пожалуйста.

Качество картинки в десять тридцать оказалось похуже, и минута вырезана.

— У нас были проблемы с сигналом Wi-Fi, — объяснил Брендон.

— Как насчёт двух часов ночи?

Грузовик так и стоял на парковке.

— Два тридцать, пожалуйста, — я чувствовала, как сердце колотится где-то в районе горла.

— Простите, нет двух тридцати, — Брендон взглянул на меня. — Сигнал прерывался.

— А если три?

Он переключился на клавиатуру. Если Брендону и было любопытно, что это я ищу, вида он не показывал. В три ночи пикап так и стоял на парковке. Я отошла от компьютера и попробовала упорядочить мысли.

Лита стояла, молча сжимая руки. Пикап Руби не двигался. В записи имелись провалы, но я предпочла не обращать на это внимание.

— Лита, не могла бы ты кое-что для меня сделать?

— Конечно.

— Пожалуйста, позвони адвокату Руби и детективу Гордону. Скажи им, что мы нашли.

Брендон вздёрнул голову.

— Детектив и полиция?

— Да, — ответила Лита.

Его взгляд метался между Литой и мной. Наконец, он пожал плечами.

— Круто, — и опять отвернулся к компьютеру.

Я направилась к двери.

— Ты не останешься? — спросила Лита.

— Мне нужно кое-что сделать. Мы увидимся вечером или я позвоню, если что.

Я поспешила к пикапу. Мысли перескакивали с одной на другую быстрее, чем я успевала сложить из этого что-то осмысленное. Но главное, что пикап Руби не двигался. Он стоял на месте. Значит, был другой пикап. Остаётся только найти его.

Геркулес сидел на скамье у крыльца, будто ждал меня. А возможно, и правда ждал.

— Есть ещё один пикап, — сказала я, сбрасывая сапоги и одновременно отпирая дверь кухни. Я бросила сумку и куртку на стул и понеслась в гостиную.

Геркулес пошёл следом.

— Что я сделала с той брошюрой о лагере, которую дал Джастин? — спросила я у кота.

На столике у телефона её не было. Перескакивая через две ступеньки, я вбежала в спальню, чуть не устроив растянувшегося на кресле возле окна Оуэну кошачий инфаркт. Он прыгнул вниз и повесил голову.

— У меня нет времени на тебя кричать, — сказала я, — так что давай притворимся, что я не видела.

Я перебрала бумаги рядом с компьютером. Ничего. И в ящике её тоже не было.

— Есть ещё один пикап, — сказала я Оуэну. — Мне не важно, что обнаружила Рома. Джастин не брал машину Руби. Значит, должен быть другой. И он у Джастина, — я присела на краешек кресла. — Гарри сказал, что старый пикап Сэма — хлам. А что, если нет? И что, если он попал к Джастину?

Казалось, Оуэн обдумывает мои слова.

Я встала и обошла кровать.

— Если у Джастина есть, или был, исчезнувший пикап, он не в городе. Может быть, он в том лагере. Отличное место, чтобы прятать древний пикап. Только нужно найти брошюру и выяснить, где этот лагерь.

Я развернулась, чтобы обойти вокруг кровати ещё раз, и тут в дверях появился Геркулес с листком бумаги в зубах.

— Ты её нашёл?

Он подошёл и уронил к моим ногам смятый лист. Я нагнулась, взяла ладонями чёрно-белую мордочку и поцеловала лохматую макушку.

— Ты просто гений. Спасибо.

Он потянулся и лизнул меня в подбородок.

Бумага пахла чесноком и помидорами. Видимо, я сунула её в мусорное ведро. Я поискала в буклете место расположения лагеря. Оно нашлось на последней странице, в последнем параграфе — «несколько акров на Хардвуд-Ридже». Где этот чёртов Хардвуд-Ридж?

В ящике стола была карта местности. Я вытащила её и разложила поверх ноутбука. Никакого Хардвуд-Риджа. Я в отчаянии хлопнула себя ладонью по лбу. Это одна из особенностей Мейвилл-Хайтса. Как и две разных Мейн-стрит. Выглядит очаровательно, пока не пытаешься найти дорогу. То, что это место называется Хардвуд-Ридж, совершенно не означает, что на карте оно отображается под этим именем.

— Придётся позвонить Мэгги, — сказала я, и Оуэн тут же глянул на телефон. Я не была уверена, что она дома, а не в студии или на тай-чи, и потому позвонила ей на мобильный.

— Привет, — она как будто запыхалась.

— Привет. Я не оторвала тебя от чего-то важного?

— Отжимаюсь. А что случилось?

— Ты знаешь, где Хардвуд-Ридж?

— Да, — она ещё слегка задыхалась. Должно быть отжималась и одновременно говорила со мной.

— Помнишь дорогу с той стороны «Глотка»?

— Ну вот, как раз... — она внезапно остановилась. — А зачем тебе? Это как-то связано с твоим вопросом о камерах на студии?

— Я посмотрела проспект, который дал Джастин, и прикидываю, где этот лагерь.

— Нет, — сказала она. — Ты что-то узнала. Ты должна позвонить Маркусу.

— Да, я кое-что узнала. У одного из практикантов есть камера на офисе Эверетта. Она захватывает часть парковки возле Общественного центра. И, похоже, в ту ночь, когда убили Агату, пикап Руби оставался на месте.

— Здорово. Ты сообщила Маркусу?

— Лита сообщит.

— А зачем тебе знать, где Хардвуд Ридж?

— Да так, любопытно. Это неважно, забудь.

— Кэт, тебе не стоит так далеко заходить.

— Да, знаю, — сказала я. — Возвращайся к своим делам. После поговорим.

— Ладно, — протянула она. — Пообещай мне, что ты туда не пойдешь.

— Обещаю, что не пойду к Хартвуд-Риджу, — торжественно произнесла я.

— Отлично. Поговорим потом.

Я повесила трубку. Две мохнатых морды таращились на меня снизу вверх.

— И не смотрите так, — сказала я им. — Мэгги я не врала. Я не собираюсь идти к Хартвуд-Риджу, — я подняла брови, как мистер Спок. — Я поеду.

Оба кота спустились за мной по лестнице. Руби сказала, что Джастин на пару дней задержится в Миннеаполисе. Это был мой шанс осмотреть пикап.

Я достала из шкафа старую куртку и утеплённые брюки, натянула дополнительную пару тёплых носков и натянула просторные сапоги.

Одеваясь, я увидела, что коты уже стоят возле дорожной сумки.

— Нет-нет-нет, — покачала я головой. — Не могу вас взять.

Они обменялись безмолвными взглядами. Потом Геркулес подошёл ко мне, а Оуэн в это время попытался откинуть лапой верх сумки и забраться внутрь.

— Очень мило, Оуэн, — сказала я. — но когда я говорила, что не могу взять вас собой, я имела в виду вас обоих.

Оуэн коротко мяукнул и засунул голову в сумку. Я закончила одеваться и положила в карман бумажник и телефон. И пошла к двери. Геркулес встал передо мной. Я его обошла, он опять забежал вперёд. На этот раз с громким воем.

— Ну чего тебе? — рассердилась я. — Я не беру Оуэна. Мне нужно только осмотреть пикап. Вот и всё.

Я попыталась опять его обойти, но он метнулся мне под ноги так, что я чуть на него не наступила.

— Вы ненормальные и меня с ума сводите — стою посреди кухни в куче одежек и спорю с котом из-за другого кота.

Я пошла к сумке и взялась за ремень.

— Доволен?

Ответом мне было тихое «мяу».

На полу у двери стоял фонарь. Я им пользовалась, когда перегорала лампочка на крыльце. Я подобрала фонарь и сунула в сумку, к коту.

— Вот, держи.

В пикапе я поставила сумку на сидение. Оуэн тут же вылез наружу и опёрся на дверцу лапами, чтобы смотреть в окно. Я наклонилась, ещё раз проверила, что дверь заперта, и сняла сумку на пол.

— Я так понимаю, ты едешь рядом с водителем, — сказала я. В ответ он отвернулся от окна и кротко уселся, глядя вперёд.

Я завела пикап, выехала с дорожки и свернула к шоссе, надеясь, что та же карма, которая дала мне пикап в тот день, когда я в нём нуждалась, теперь поможет мне отыскать другой. В первый раз я пропустила дорогу к лагерю, мне пришлось развернуться на пустой парковке у бара. Мы подпрыгивали на обледенелых колдобинах, и Оуэн с вытаращенными глазами скользил по сиденью. Я думала, что ошиблась дорогой, и уже собиралась вернуться, когда вдруг заметила прибитый к дереву самодельный знак со стрелкой, указывающей на грунтовую дорогу.

Там я остановилась — позади нас никого не было — и осмотрелась. Дорога разбита, а мне нельзя здесь застрять.

— Мы поднимемся туда и развернёмся, — сказала я коту, указывая на некрутой подъём впереди. — И я смогу съехать с дороги.

Так мы и сделали. Я отвела машину подальше.

— Может, останешься здесь? — спросила я Оуэна. Он спрыгнул с сиденья и нырнул в сумку. Так я и думала.

Я подобрала сумку, заперла пикап и пошла к повороту. Преимущество холодной погоды в том, что дорога мёрзлая и сухая, хотя колеи были как траншеи. Я держалась поближе к обочине на случай, если кто-то проедет мимо, хотя не представляла кто. Здесь работает только Джастин, а он в Миннеаполисе.

Обойдя деревья по дуге, дорога вывела на поляну. Там стоял бревенчатый домик, а позади него — что-то вроде обитого старым железом сарая. Я медленно обошла дом. Никого. Пикап стоял за сараем. Джастин даже не потрудился его прикрыть, то ли по глупости, то ли из-за излишней самоуверенности. Я не касалась пикапа, но даже издали было видно разбитую фару и помятый капот. Он был очень похож на пикап Руби, даже сильнее, чем тот, что одолжил мне Гарри — у моего было заменено и загрунтовано крыло. Этот был мятый, старый и грязный.

— Нашли! — сказала я Оуэну. Я вытащила мобильник и сделала три фото пикапа спереди. Потом набрала номер Маркуса.

Ничего. Я посмотрела на экран. Сигнала почти не было. Придётся идти назад, на дорогу, и звонить оттуда. Я накинула на плечо сумку и пошла за дом. Что-то меня остановило.

Джастин убил Агату. Значит, он и забрал конверт? Что бы ни хранила Агата в том старом коричневом конверте, это единственный шанс для Гарри найти свою дочь. А когда к дому приедет полиция, этот конверт станет частью расследования, и то, что внутри него, будет недоступно.

— Надо заглянуть в дом, — сказала я Оуэну. — Если Джастин взял тот конверт...

Вопрос был в том, как попасть внутрь. Ответ стал очевиден, как только я приблизилась к задней двери. Она была заперта на старый висячий замок. Такой я могла открыть и во сне. Один из многих навыков, которые я получила, болтаясь за кулисами театров, где играли родители, — вместе

с дворовым хоккеем, умением считать карты и довольно приличным поддельным британским акцентом.

Я колебалась. Неважно, что побуждения у меня самые лучшие, но вламываться в дом Джастина... Я вспомнила лежащее на дороге тело Агаты и слёзы, скользящие по лицу Руби. Сглотнула и порылась в кармане. В джинсах нашлась скрепка для бумаг, и ещё одна в кармане куртки — вместе с рулончиком скотча от Ромы, который я забыла вернуть.

Задняя дверь открывалась в кухню. У дальней стены стоял круглый столик с двумя стульями, зажатými между холодильником и газовой плитой. Джастин явно проводил здесь не много времени. На старом деревянном столе было пусто. Я проверила ящики и шкафчики.

Ничего. Я сняла сапоги и пошла в следующую комнату. В гостиной у стены в дальнем углу разместились софа, с ней рядом кресло-качалка и облезлый письменный стол-конторка. Я просмотрела всё на столе, проверила каждый клочок бумаги. Все они относились к лагерю. Может, Джастин и не брал тот конверт. Может, он действительно исчез.

В доме была ещё спальня. Там оказались только матрас на металлическом каркасе с пружинной сеткой. Никакого конверта. Если только...

— Как ты думаешь? — сказала я Оуэну, опуская сумку на пол. Я приподняла краешек бурого одеяла и сунула руку под матрас. Только бы не попалось что-нибудь мерзкое. Конверт лежал у изголовья кровати. Я вытащила его дрожащей рукой, радостно щёлкнула пальцами и подхватила сумку.

— Идём звонить Маркусу, — сказала я Оуэну.

Я вышла в комнату как раз в тот момент, когда через переднюю дверь вошёл Джастин.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он.

Я сунула руку с конвертом за спину и выдавила улыбку, хоть и фальшивую.

— Господи, вот и ты. Прости, что зашла, но дверь была открыта. Я искала тебя.

Я указательным пальцем придерживала конверт за спиной, а большим и средним пыталась что-нибудь из него выудить.

— В моей спальне искала? — поинтересовался Джастин.

— Извини. Я не знала, что там твоя спальня. Думала, что-то вроде офиса лагеря. Потому и вошла. Не стала бы, если бы знала, что это жильё.

Я достала какие-то бумаги из конверта, вывернула запястье, чтобы сунуть их под куртку, и дальше, в штаны. Это было не просто проделывать незаметно, и конверт скользнул на пол.

— Это что такое? — Джастин несколькими шагами пересёк комнату, схватил меня за руку, нагнулся и подобрал конверт. По крайней мере, большая часть бумаг осталась за поясом моих зимних брюк, под курткой.

Джастин выпрямился и улыбнулся мне, но не особенно дружелюбно.

— Где ты это взяла?

Отпираться не было смысла.

— Под матрасом, там, где ты спрятал, — сказала я. — Это же не твоё.

Он сжал и чуть вывернул мне запястье. Я прикусила губу, чтобы не вскрикнуть.

— Однако это и тебе не принадлежит, верно?

Дверь на улицу была прямо передо мной, через комнату. Задняя дверь — за спиной, через другую. Если выбежать через заднюю, Джастин выскочит через переднюю и легко меня перехватит. Я глянула вниз. На нём были тяжёлые сапоги, похожие на те, в которых пришла я, так что, если наступить ему на ногу, это не сработает.

Я размахнулась и ударила его ногой по левому колену. Он выругался и отпустил мою руку. Я прижала сумку к себе и бросилась к передней двери, толкнув по дороге Джастина, так что он повалился на пол. Схватившись за ручку двери, я дёрнула, но дверь не поддавалась. Я повернула в другом направлении, потянула двумя руками. Ничего. Джастин уже поднялся. Я упёрлась ногами и яростно дёргала ручку, меня начала охватывать паника.

Джастин схватил меня за волосы и оттащил от двери. Он поморщился, перенося вес на ногу, которую я пнула, и извлёк ключ из кармана джинсов. Он потряс передо мной блестящим ключом.

— Какая жалость. Я запер за собой дверь.

Я бросила быстрый взгляд на заднюю дверь. Джастин дёрнул меня за волосы, так что я прикусила язык.

— Ага, вижу, ты думаешь, что нужно было удирать через дверь номер два, — проговорил он, придвинувшись так близко ко мне, что я ощутила на шее его дыхание. — И чтобы ты не жалела насчёт своего выбора, — он повернул меня лицом к себе, — будет честным признаться, что я и ту дверь тоже запер.

Не отпуская мои волосы, он подвёл меня к дивану и толкнул. Я приземлилась на бок, едва успев вывернуться, чтобы не придавить сумку с Оуэном.

Джастин сел на подлокотник и хлопнул кулаком по своей открытой ладони.

— Кто знает о том, что ты здесь?

— Куча народу, — ответила я.

— Знаешь, а я так не думаю, — спокойно ответил он. — Ведь если бы куча народа знала, так куча народа и была бы сейчас с тобой, а никого нет.

Он с той же противной ухмылкой обвёл руками пустую комнату.

— Это Руби тебе сказала, что я уехал из города, верно?

Я не ответила.

Он подбросил ключ в воздухе и поймал.

— Да, насчёт этого я соврал. Просто иногда мне нужно немного свободы.

— Как тебе удалось разыскать пикап, совсем такой же, как у неё? — спросила я.

Джастин рассмеялся.

— То, что мой оказался в точности, как у Руби, это просто везение, — он поднял руки, как подготовившийся к операции хирург. — Он на ходу только потому, что я умею работать руками. Я тебе говорил, что когда был малолетним преступником, умел заводить без ключа чужие машины. И ещё много чему я тогда научился.

— Ты убил Агату, — сказала я.

— Мисс Марпл, — он прищурил глаза. — Не думала, что я так начитан? — Он покачал пальцем, указывая на меня. — Деревенская пронира. Мне следовало догадаться, что это ты. Ты же библиотечарша, — он произнёс это слово так, будто у него противный вкус.

Неожиданно он сдёрнул с моего плеча ремень сумки.

— Что в сумке, мисс Марпл?

Я с трудом сглотнула.

— Фонарь, — я надеялась, что кот не виден или что он вцепится в лицо Джастину, поскольку не собиралась упускать шанс вырваться. Я думала схватить старый хромированный стул, стоявший возле раскладного стола, и швырнуть в окно.

Джастин заглянул в сумку и бросил её на диван. Оуэн не издал ни звука, но я догадывалась, что он разозлился. И возможно, планирует месть.

— Почему ты убил Агату? — спросила я. Я собиралась тянуть разговор, пока не пойму, что делать. Мой голос не задрожал, хотя всё остальное я изо всех сил удерживала от дрожи.

— Я не убивал. Не нарочно. Это был несчастный случай.

Его пугающая весёлость исчезла. И он по-прежнему нервничал.

— Люди это поймут.

— И вообще, какого чёрта она делала среди ночи в том проклятом переулке? — он запустил обе руки в волосы. — Было темно. А на ней было тёмное пальто. Как я мог её разглядеть?

Я кивнула.

— Это несчастный случай. — Мой рот наполнился кислым вкусом. Даже если Джастин сбил Агату случайно, он был пьян и оставил её там умирать. — Ты привёз Эрика в ресторан вместо дома. Вот почему ты был в том переулке.

— Я не знал, что она сама завещает мне деньги, — его взгляд метался по комнате.

Я с трудом ему верила.

— Но ты знал, что деньги у неё есть. А откуда? Никто не знал.

Он снова шлёпнул кулаком по ладони.

— На почте для неё было много писем. Руби их забирала. Я увидел на конвертах обратный адрес и узнал, что это инвестиционная фирма. Руби не знала.

— Ты их вскрывал.

Он пожал плечами.

— Такая фирма могла бы и не экономить на клее.

Может, я сумею его разговорить, он не будет так насторожён, и я смогу вырваться.

— Ты говорил Руби, как боишься потерять финансирование, надеясь, что она расскажет Агате. Что же ты собирался сделать? Использовать Руби, чтобы убедить Агату вложить деньги?

— Ну, а если и так? Что ей делать со всеми этими деньгами? — усмехнулся он. — Она просто сидела на них.

Я подвинулась чуть ближе к краю дивана.

— И правда в том, что ты взял конверт, который Агата не выпускала из рук, решив, что он связан с её деньгами.

Он смотрел мимо меня, в окно.

— А знаешь, в чём правда? Просто кое-кто не умеет пить, и в частности Эрик.

— Ты что-то ему подсыпал.

Его взгляд опять вернулся ко мне.

— Неплохо. Ну да, подсыпал. Так было надо, — его челюсти крепче сжались. — Но вышло не совсем так, как я рассчитывал. Эрик не такой, как я.

— Ты можешь выпить рюмку—другую. Ты можешь остановиться.

— Что? Ты мне не веришь?

— Ты после несчастного случая выпил всего пару рюмок. Так? Я ведь точно не знаю.

Он поднялся с подлокотника дивана и прошёлся передо мной.

— Потому, что я-то не алкоголик. Это просто чушь, которую с семнадцати лет говорят обо мне. Я не Эрик. Господи, да он даже не помнит тот вечер среды.

— Тогда почему ты просто не объяснил, что случилось с Агатой? Не сказал, что это несчастный случай?

— Да, да, я не мог. Мне правда очень жаль, что для других всё так вышло. Только я не могу.

— Ты про Руби? — я подтянула поближе сумку. — И Эрика.

— Как я сказал, мне жаль, но иногда случается всякое. Иногда приходится чем-то жертвовать.

— Или стать жертвой, — тихо сказала я.

Он остановился передо мной.

— Да, или стать жертвой, — он потёр рукой шею. — Знаешь, как тяжело и как долго пришлось работать, чтобы создать это место, — он обвёл рукой комнату, но я понимала, что он говорит о лагере, не о пространстве, где мы сейчас были, — ты знаешь?

— Вероятно, нет.

— Не знаешь. Так много детей в нём нуждается. А я постоянно сталкивался с людьми, встающими у меня на пути.

Я кивнула.

— Это место должно изменять жизнь. Должно спасать, — он вытащил из-за стола хромированный стул и оседлал его. — Так что оно стоит того. Потребности большинства перевешивают нужды меньшинства.

Аристотель.

— Ты считаешь, всё либо чёрное, либо белое? — спросила я.

Он усмехнулся. Смех разнёсся по полупустой комнате.

— Ты из тех, кто видит оттенки серого, да, Кэтлин?

Длинные сильные пальцы выстукивали по спинке стула ритм, который слышал лишь он. В горле у меня вдруг пересохло.

— Не всегда, но часто.

— Вот что с этим миром не так — слишком много серых теней, недостаточно белого или чёрного. Недостаточно абсолюта, — он пожал плечами, перекинул через стул ногу и встал. — Я должен был сделать то, что требовалось большинству. Мне жаль Агату и Руби. Я сожалею об Эрике. Знаешь, мне даже тебя немного жаль.

Он нагнулся, поднял меня за локоть, так сильно вывернув за спину руку, что я взвизгнула от боли, пронзившей её от локтя и до плеча.

— Джастин, что ты делаешь? — спросила я, пока он тащил меня в кухню.

— Что должен.

В полу на кухне был люк. Раньше я его не замечала. Не отпуская моей руки, он нагнулся и поднял крышку. Вниз, в темноту, вела грубо сколоченная деревянная лестница. У меня волосы на затылке

зашевелились, и комната поплыла перед глазами. Мне никогда не нравились тёмные и тесные помещения.

Джастин похлопал по карманам моей куртки и достал мобильник.

— Прости, не могу оставить его тебе. — Он бросил телефон на пол и наступил на него сапогом. Потом подтолкнул меня к первой ступеньке.

— Пожалуйста... пожалуйста, не запирай меня там, — запинаясь я. — Я... я помогу тебе с полицией. Помогу с Руби. Я... я не люблю замкнутые пространства. Пожалуйста, не надо!

Он разглядывал моё лицо со смесью жалости и презрения.

— Не надо было тебе лезть в это дело. Совсем не надо. Так много детей нуждаются в помощи. — Он вздохнул. — Я не могу позволить тебе всё разрушить, — он отпустил мою руку и толкнул меня вниз.

Я скатилась по лестнице, инстинктивно прижимая к себе сумку с Оуэном. Над головой захлопнулась крышка люка. Я не могла дышать. Я уцепилась за лестницу и остановилась примерно на трети — насколько можно судить. Наверняка не скажешь, поскольку слишком темно. Мою грудь сдавило, дыхание перехватило. Мне не хватало воздуха. В ушах вдруг зашумело, словно я оказалась под водопадом.

Оуэн в сумке извернулся и высунул голову. Он положил её мне на грудь, прямо на колотящееся сердце. Я просунула руку в сумку, к его тёплой шерсти. Голова кота была рядом с моей, и постепенно я смогла спокойно дышать. Это маленький тесный подвал, но я в нём не одна. Со мной Оуэн. Он свирепый и верный, и ещё у него есть когти. Я по прошлому опыту знала — если что, Оуэн может дать сдачи.

— Надо отсюда выбраться, — сказала я. — Я попробую, может, сумею открыть тот люк.

Шаг за шагом, я на ощупь поднялась по ступенькам, прижимая Оуэна одной рукой. За пару ступеней до верха я остановилась, дотянулась до люка.

— Так, придётся вынуть тебя из сумки, — сказала я.

Оуэн живо выбрался, и я вспомнила про фонарь.

— У нас же есть свет, — я выудила фонарь из сумки, придержала кота, а сумку оставила висеть на краю лестницы. И включила фонарь.

Оуэн смотрел на меня жёлтыми глазами.

— Мы отсюда выберемся, — сказала я. Он тихонько мяукнул. — Я сейчас посажу тебя на ступеньку, чтобы освободить руки и открыть люк.

Я опустила его на ступеньку ниже, сняла куртку, встала покрепче на деревянную лестницу и со всей силой упёрлась головой в люк. Мышцы шеи и плеч напряглись, на лбу выступил пот.

Люк не шелохнулся.

Я отпустила руки, повесила голову и перевела дух. И пробормотала несколько слов. А потом глубоко вздохнула и попыталась снова. Я оперлась на край лестницы так, что ступенька врезалась в спину, и толкала изо всех сил.

Люк не поддавался. Скорее всего, Джастин как-то запер его или закрыл на задвижку. Я поднялась ещё на ступеньку и направила вверх фонарь. Люк был сделан из прочной фанеры и полностью перекрывал отверстие. Так нам не выбраться.

Моё горло вдруг сжалось, в глазах потемнело. Джастин не просто запер меня в подвале. Он оставил меня умирать. Я оперлась на колени, обхватила руками голову. Я не собиралась умирать неизвестно где, в сыром тёмном подвале. Как и Оуэн. Я вдруг вспомнила про бумаги,

которые удалось вытащить из конверта. Они по-прежнему оставались у меня за поясом. И они для Гарри единственный шанс найти свою дочь.

— Ладно, котик, — сказала я. — Мы придумаем ещё что-нибудь.

Я взглянула на лестницу под ногами. Оуэн исчез. На ступеньках внизу его тоже не было.

— Оуэн, иди сюда, — позвала я.

Глаза ещё не совсем привыкли к темноте, я различала только ступеньки, ведущие вниз, к грязному полу. Я не видела кота. Вообще-то, в поле зрения вообще ничто не двигалось — это было и плохо, и хорошо одновременно.

— Оуэн, — опять окликнула я, подавшись вперёд. И на этот раз получила в ответ тихое «мяу».

— Иди сюда.

Он опять мяукнул. Значит, придётся пойти и забрать его. Я спустилась на пару ступенек, стараясь не смотреть на балки пола совсем низко над головой, но по коже ползли мурашки. В подвале стояла сладковатая вонь гнилья, как будто что-то начало разлагаться. Я старалась думать о чём-то вроде испорченных яблок или картошки с чёрной плесенью и мягкими белыми пятнами. И не представлять ничего другого, что могло здесь гнить.

Я спустилась до самого дна. Грязный пол казался холодным даже в толстых носках.

— Оуэн, ты где?

Он мяукнул где-то у дальней стены.

— И надо же тебе было туда залезть, — сказала я, пробираясь по холодному полу. — Что ты тут делаешь? Нашёл способ выбраться?

Я все время говорила, потому что не хотела случайно что-нибудь услышать, и кроме того, пока я говорю, я не кричу. Это само по себе уже не плохо. Я старалась смотреть только туда, откуда доносилось мяуканье. Если не думать обо всех этих ящиках и кучах хлама, они и пугать не будут.

Оуэн сидел на старом пружинном матрасе, должно быть, с какой-то кровати.

— Так ты хотел, чтобы я это увидела? Почему?

Он потянул лапой железную пружину. Я почувствовала, как по коже головы ползут мурашки от страха. Я сделала пару глубоких вдохов.

— Я перетащу его поближе к лестнице. Если думаешь, что нам это надо, то я не против.

Пружинный каркас оказался не таким уж тяжёлым, я без труда подтянула его к подножию лестницы, где чувствовала себя более безопасно — относительно, конечно. Я опустила на вторую ступеньку, вытерла о штаны руки. А потом увидела в бетонной стене надо мной оконце, маленькое, грязное и почти полностью заколоченное. Через него в подвал проникало немного дневного света. Я едва не подпрыгнула от неожиданности.

Я подхватила Оуэна и прижала к себе, пожалуй, чересчур крепко, так что он недовольно пискнул.

— Ой, извини. Но там же окно. Мы сможем выбраться.

Я поднялась вверх по лестнице и подобрала оставленный там фонарик и куртку — становилось холодно. Я направила свет на окно. Маленький кусочек стекла, который я могла разглядеть, был покрыт чёрной коркой грязи. Поверх рамы прибиты посеревшие от старости доски.

Встав на цыпочки, я ухватила верх доски. Я тянула изо всех сил, но она только чуть шаталась. Я попробовала оторвать нижнюю доску, но она тоже была приколочена крепко. Правая нога скользнула, я потеряла равновесие, ударилась о ступеньки и опустилась на пол. На глаза навернулись слёзы. Я обхватила себя за ноги, раскачиваясь туда-сюда в попытке успокоиться.

Оуэн взобрался ко мне на колени, слизнул катившуюся по щеке слезинку. Я погладила пушистую шкурку.

— Мы обязательно отсюда выберемся. Я придумаю, как оторвать те доски.

Я опустила Оуэна на пол, встала, смахнула слёзы.

— Ничего. Должно же быть что-нибудь.

Но ничего не было. Мы порылись в коробках, заполненных заплесневелыми брошюрками и старыми выпусками «Вестника географии». Там нашлись ещё сломанный тостер и кучка столовых приборов.

В какой-то момент я вдруг почувствовала запах дыма. Он был слабый, едва различимый, но в дальнем углу подвала становился сильнее.

Джастин поджёг дом.

Я зажала ладонью рот, чтобы не закричать, потому что знала — остановиться уже не смогу.

Оуэн побежал назад, к лестнице, а за ним и я, стараясь не обращать внимания, как мёрзнут ноги.

— Нужно оторвать эти доски, — сказала я ему. Я тянула изо всех сил, но ничего не получалось. Я дёргала, щепки отламывались под руками. Я в отчаянии стукнула по деревяшке, глаза обжигали невыплаканные слёзы. Не в силах сдерживаться, я шлёпнулась на пол, и слёзы потекли по лицу.

— Надо было позвонить Маркусу, — шептала я. — Надо было сказать, что я еду сюда, Мэгги, Лите или ещё кому-нибудь.

В отчаянии и горе я пнула пружины кровати. Каркас скользнул по грязи, одна из металлических планок со звоном сорвалась с пружины в воздух. Этот звук и движение заставили меня вернуться к лестнице. Я глянула на окно и на узкую железную полосу. Она очень гибкая и прочная. Может, получится? Других вариантов нет.

Я опустилась на колени на подвальный пол и взялась за конец пластины. Я тянула и крутила, и, наконец, её удалось оторвать от другой пружины. Потянувшись, я просунула полосу металла под край верхней доски рядом с местом, где она была прибита, и нажала. Острый край врезался в левую руку. Ничего не получится.

Тяжело дыша, я прислонилась лбом к бетонной стене. Думай, думай. Я вспомнила слова Ромы — шоколад и скотч способны почти всё исправить. Рулончик её липкой ленты ещё лежал в кармане моей куртки. Я достала его, оторвала длинную полосу и обмотала металл — получилась ручка. Потом потянула изо всех сил, и Оуэн у моих ног, похоже, одобрял мои действия.

Дерево затрещало. Я стиснула зубы и тянула, упираясь ногой в кирпичную стену. Раздался хруст, и сухая деревяшка наконец подалась. Я оставила её висеть на одном гвозде и взялась за другую доску.

— Уходим отсюда, — сказала я Оуэну сквозь зубы. — И когда я в следующий раз увижу этого Джастина...

Я направила свою злость на работу, мышцы рук дрожали. Запах дыма становился сильнее. Я кашляла, трясла головой и ещё сильнее налегала на

импровизированную монтировку. Этого оказалось достаточно. Дерево треснуло, и остальные доски я ослабила руками.

— Да! — задохнулась я. Потом осторожно попыталась отогнать Оуэна.
— Поднимись немного повыше.

Он залез на лестницу, примерно до середины.

Прикрывая лицо тыльной стороной ладони, я разбила железной полоской три маленьких оконных стекла и выбила деревянные перегородки между стеклянными прямоугольниками. Теперь всё вокруг было усыпано мелкими, острыми как иголки осколками. Они врезались мне в ноги через толстые носки, когда я подбиралась к окну. Ледяной воздух никогда не казался таким приятным.

Я смахнула рукавом самые опасные куски стекла. Потом обернулась назад, подхватила Оуэна и, дотянувшись через окно, посадила его на снег снаружи, радуясь, что с этой стороны домика снег почищен.

— Иди, — я показала коту на деревья в дальнем конце двора.

Он пригнулся, глянул назад, в окно. Я опять закашлялась — теперь через доски пола просачивалось ещё больше дыма. Я придвинулась к Оуэну.

— Беги, а я за тобой, обещаю. Беги, пожалуйста.

Думаю, он понял мою настойчивость. Он побежал через двор по снегу. Я вцепилась в края окна и попыталась подтянуться. Куски стекла резали руки, на левой ладони начала кровоточить рана. Мне некогда было обращать на это внимание. Надо выбираться отсюда, пока ещё можно.

— Иди, — сказала я Оуэну. — Я догоню.

С третьей попытки я дотянулась до края окна. Просунула сквозь него голову и плечи.

Я видела, что Оуэн почти добежал до расчищенной части парковки. Он уже в безопасности. Я высунула на снег руки и попыталась протолкнуться вперёд. Не получилось. Я не пролезала. Я шарилла руками по снегу, но не могла ни за что ухватиться. Я извивалась и толкала ногами, но окно было слишком узкое.

Я дернулась назад и упала на пол. Теперь стали видны просачивающиеся в подвал струйки дыма. Паника боролась с гневом, и гнев победил.

— Я не собираюсь здесь умирать!

Я сняла с себя куртку и стащила тёплые брюки, оторвав пуговицу на талии. Бумаги из конверта Агаты я сложила как можно плотнее и сунула в лифчик. Сняла свитер, тёплое бельё и осталась в колготках, майке и толстых носках.

Я обхватила рукой подоконник, потянулась вверх, и пальцы зарылись в холодный снег. Я выдохнула до капли весь воздух, втянула живот и начала двигаться. Я не думала ни о руках, ни о холоде, только лезла, царапалась и выкручивалась, и наконец, мои бёдра чудом протиснулись через окно. Я была свободна.

Я понеслась по снегу, спотыкаясь и падая. Ледяная корка резала ступни через колготки, но я продолжала бежать, стараясь хоть как-нибудь удержаться на снегу.

Газовый баллон взорвался, когда я уже почти добежала к деревьям. Взрывная волна отбросила меня в кусты, ветки хлестали по телу, и я обхватила руками голову. Я повалилась на спину, на снеговую подушку под деревом, и замерла, охваченная тишиной. В самом деле ни звука,

ничего громче шороха сосновых иголок. Я приподнялась на локтях. Где же Оуэн? Я его не увидела.

Дом превратился в шар из огня и дыма. Потом я увидела бегущего ко мне Оуэна, на его шкурку налипли кусочки коры и кристаллы снега, и он сердито мяукал. Я повалилась на снег, переводя дыхание. Кот влез мне на грудь и лизнул в лицо.

Я смахнула слёзы и улыбнулась ему.

— Мы выбрались.

Порез на руке ещё кровоточил. От вида крови голова закружилась. Значит, не буду смотреть. Но кровь сочилась и через оба носка, тут уже ничего не поделаешь. Трясаясь от холода, я поднялась на ноги, здоровой рукой прижимая Оуэна к себе.

— Нам надо оставаться в лесу, — сказала я ему, — на случай, если вернётся Джастин.

Я была вся в синяках и в крови и замёрзла, но если бы Джастин вдруг появился, точно избил бы его до беспамятства одной здоровой рукой — если, конечно, Оуэн не доберётся раньше.

Я дрожала всем телом и не чувствовала ног. Осмотревшись, я прикинула, в какой стороне должна быть дорога, и мы двинулись в том направлении. С каждым шагом в ноги как будто вонзались осколки стекла, но я всё-таки шла. Уткнувшись в его шерсть, я говорила с Оуэном, сама не понимая о чём. Снег доходил до середины бедра, но я все равно шла, медленно и болезненно прокладывая тропу к дороге.

Понятия не имею, сколько так прошло времени. Услыхав, как кто-то окликнул меня по имени, я решила, что начинается гипотермия. Галлюцинации. Но меня снова позвали. И это не Джастин.

— Эй! — крик заставил меня сложиться от кашля почти пополам.

— Я здесь!

— Я иду, — отозвался голос. — Оставайся на месте.

Спустя мгновение я увидела, как через лес ко мне приближается Маркус — длинные ноги легко двигаются по снегу, глаза смотрят прямо на меня. Если у меня галлюцинации, то эта самая лучшая.

— Кэтлин, ты цела? — спросил он, подойдя ближе.

Мне кажется, или в его голосе слышна лёгкая дрожь?

Я кивнула, потому что вдруг разучилась говорить. Он расстегнул свою куртку, накинул на меня и застегнул у шеи, заправив руки внутрь, а не в рукава. Куртка пахла Маркусом и была такой тёплой, что голова закружилась.

— Что тут произошло? — он нагнулся и взглянул мне в лицо.

— Джастин... Джастин убил Агату, — стуча зубами сказала я.

— Знаю.

Он знал? А откуда?

Моя рука до сих пор кровоточила. Я осторожно ослабила молнию одним пальцем — не хотелось испачкать Маркусу куртку. Я наблюдала, как кровь маленьким ручейком течёт по моей руке. Он продолжал говорить, но я почему-то больше не слышала слов. Мир в поле зрения начал угасать. Ко мне протянулись большие руки. И это стало последним, что я запомнила.

Очнулась я на носилках в машине скорой помощи, на дороге. Я была завернута в одеяло, парамедик сидел рядом со мной, а на животе у меня — ужасно рассерженный Оуэн. Подальше, в изножии носилок, ещё один

парамедик обрабатывал длинные рваные раны на тыльной стороне руки полицейского.

— Привет, — улыбнулся мне парамедик, сидевший рядом. И обернувшись, окликнул: — Детектив Гордон!

Маркус сунул голову в машину скорой помощи.

— Привет, — сказал он. Мне почему-то смешно было видеть, как он улыбается. Что за отраву дал мне тот парамедик?

— Что сделал Оуэн? — прохрипела я.

— Не беспокойся об этом, — он указал на полицейского. — Я ему говорил не трогать кота.

Молодой полицейский и Оуэн, как пара старых бойцов, с ненавистью поглядывали друг на друга.

— Пропавший пикап был у Джастина, — хрипло сказала я.

— Я знаю, — кивнул Маркус

Затем я вспомнила взрыв.

— Машины больше нет, да?

— Да, но Джастин все равно попался.

Я попыталась встать, но все закружилось, как в калейдоскопе. Парамедик любезно опустил меня обратно, старательно держа руки подальше от Оуэна.

— Ты его поймал?

— Мы поймали.

Я рухнула на подушку и пощупала бумаги внутри бюстгальтера. Руби оправдана, а Гарри, возможно, найдет свою дочь.

Маркус начал говорить, как глупо с моей стороны было притащиться сюда, никому не сказав, но не мог сдерживать улыбку каждый раз при взгляде на меня. Я закрыла глаза. Я его даже не слышала.

Как я ни сопротивлялась, на ночь меня оставили в больнице. Рома, с помощью Мэгги и двух Весёлых цыплят заманила Оуэна в переноску. Мэгги отвезла его домой и покормила обоих котов. Я недосчиталась двух банок тунца и порядочного количества арахисового масла, так что угадать, что они ели, было не трудно.

Все решили, что Оуэн спрятался в кузове пикапа, и я взяла его в кабину, чтобы не оставлять на холоде. Поскольку это недалеко от истины, я не стала ничего говорить.

Бумаги, которые я вытащила из-под матраса Джастина, касались ребёнка. Гарри-старший и младший приехали в больницу, и я отдала их прямо в руки старику. Он обнял меня так крепко, что я взвизгнула, и настоял, чтобы пикап остался у меня.

Оказалось, Маркус подозревал Джастина с тех пор, как узнал о полумиллионе долларов. Слишком уж невероятным было совпадение, что Агата оставила малознакомому парню деньги, когда тот так отчаянно в них нуждался. Маркус начал копать. И он серьёзно отнёсся к моим словам о других пикапах. Он нашёл человека, продавшего развалюху Сэма Джастину.

Врал ли Джастин, утверждая, что не знал о завещании? Похоже на то. Менеджер в офисе нового адвоката Агаты описал молодого человека, который её привозил. Очень похожего на Джастина. По всей видимости,

он как-то смог обратить себе на пользу её любовь к Руби и убедить, будто та хочет, чтобы Агата изменила завещание.

Сбил ли он её намеренно? Мне не хотелось так думать, но Маркус был в этом уверен.

Я ожидала длинного выговора за то, что вмешалась в дело, но он сказал только: «Тебя могли убить». Его обеспокоенное лицо заставило меня устыдиться сильнее, чем любые слова.

В четверг Эрик рано закрыл кафе, а Мэгги отменила занятия по тай-чи. Мы собрались в ресторане, праздновать освобождение Руби. Она ещё горевала об Агате, и ей предстояло многое переосмыслить насчёт Джастина. Я видела, как Эрик ей что-то сказал, и что бы это ни было, оно помогло.

Я сидела у окна, перевязанная нога лежала на стуле. Мэгги села рядом.
— Как ты?

В последние двадцать четыре часа она задавала этот вопрос с завидной регулярностью.

— Нормально, — я похлопала её по плечу здоровой рукой.

Встревоженная моими расспросами про Хардвуд-Ридж, Мэгги позвонила Маркусу, когда я перестала отвечать на звонки. Удивительно, но ему позвонил и Питер Лундгрэн.

— Знаешь, увидев идущего по снегу Маркуса, я решила, что у меня галлюцинации.

Будто услышав, что мы говорим о нём, стоявший рядом с Ребеккой на другом конце зала Маркус обернулся, улыбнулся и отсалютовал нам чашкой горячего шоколада. Я тоже улыбнулась.

— Ты ему нравишься, — сказала Мэгги.

— Он не в моем вкусе, — начала я, но, в общем-то, мне нечего было возразить.

Открылась дверь, и вошла Рома. Хорошо, что я сидела, потому что она держала за руку Эдди Суини.

Настоящего.

— Теперь-то у меня точно галлюцинации? — спросила я Мэгги, пока они пробирались к нам.

— Не-а, — хитро ответила она, улыбаясь, как Чеширский кот.

— Ты выглядишь гораздо лучше, — сказала Рома. — Как Оуэн?

— Прекрасно. Спасибо, что отвезла его домой. И тебе, Мэгги.

— Мне нравится этот комок шерсти, — ответила Мэгги. — Он крутой.

— Кэтлин, это Эдди, — сказала Рома, улыбнувшись огромному хоккеисту.

— Привет, Кэтлин, рад знакомству.

— Я тоже рада, — мне никак не удавалось прекратить на него таращиться.

Он ослепительно улыбнулся Роме:

— Хочешь горячего шоколада?

— Да, пожалуйста.

Эдди посмотрел на Мэгги.

— У меня всё есть, — слегка мотнула головой она. Она явно наслаждалась моим потрясением.

— Кэтлин?

Чтобы ответить, мне сначала пришлось закрыть рот.

— Э-э-э, да, пожалуйста, — я протянула ему свою чашку.

— Сейчас вернусь.

Мы втроём проводили его взглядом. Со спины Эдди смотрелся не хуже, чем спереди.

Рома выдвинула стул и с удовлетворённым вздохом уселась.

— Ну, как ты? Как рука? — спросила она.

— Как рука?! Рома! Ты? С Эдди? Как это вообще?!

Она ухмыльнулась, как подросток.

— Слухи обо мне и Эдди попали в интернет. Он увидел и написал мне.

Я ответила, и так раз двадцать. Потом мы выпили кофе. — Её улыбка стала шире. — Мы проговорили два часа.

— Значит, некоторые слухи о вас с Эдди были...

— ...правдивы. Простите, что не рассказывала вам. Я просто говорила себе, что рехнулась. Он моложе, и мы такие разные. Но однажды я просто решила, какого чёрта, почему бы нет? И вот мы здесь.

Эдди шёл к нам с горячим шоколадом, а Мэгги говорила что-то насчёт свахи.

Не оборачиваясь, я ощущала на себе взгляд Маркуса. Я вспомнила, что почувствовала, увидев его в лесу. Как он подхватил меня. Вспомнила, как он всё улыбался мне в машине скорой помощи. Он не отводил взгляда, а потом пошёл ко мне. И я подумала, какого чёрта, почему бы нет?